

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

**Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

Научный журнал. Выходит один раз в квартал

№ 1 (19)

Учредитель и издатель
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА
ISSN 2073-3984

Владивосток
2013

Редакционный совет:

Г.И. Лазарев, ректор, д-р экон. наук, профессор, председатель совета;
Г.П. Старкова, д-р техн. наук, профессор, зам. председателя совета;
П.Я. Бакланов, д-р геогр. наук, академик РАН; **Т.М. Бойцова**, д-р техн. наук, профессор; **В.В. Желтов**, д-р филос. наук, профессор; **Г.И. Зверева**, д-р ист. наук, профессор; **В.В. Крюков**, д-р экон. наук, профессор; **А.П. Латкин**, д-р экон. наук, профессор; **Л.С. Мазелис**, д-р экон. наук; **Г.И. Мальцева**, д-р экон. наук, профессор; **Л.М. Медведева**, д-р ист. наук, профессор; **С.К. Песцов**, д-р полит. наук; **С.В. Севастьянов**, д-р полит. наук, **В.П. Смагин**, д-р физ.-мат. наук, профессор; **К.С. Солодухин**, д-р экон. наук, доцент;
И.П. Черная, д-р экон. наук, профессор

Главный редактор доктор философских наук,
профессор **Л.И. Кирсанова**

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются личным мнением авторов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Полное или частичное воспроизведение материалов в печатном, электронном или ином виде возможно лишь с письменного согласия редакции. При копировании ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- 5 **Л.И. Кирсанова, О.А. Коротина** Дискурс фантастического в его отношении к самому себе и реальности (объективности)
- 15 **Н.Г. Митина** Русская утопия
- 25 **А.Б. Волынчук, С.А. Соловченков** Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности
- 37 **О.В. Филиппова** Лингвопрагматический подход к изучению конфликтного взаимодействия
- 47 **А.И. Моисеев** Эволюция японского бизнеса: добыча и индустриальное производство в разрезе трудовых отношений
- 56 **А.В. Митченко** Изменение социальной и экономической структуры общества на Дальнем Востоке в 90-е годы XX века
- 64 **С.В. Усова** Рекламный дискурс как отражение национального менталитета (на материале рекламы автомобиля в американской публицистике)
- 72 **Н.В. Месенева** Практико-ориентированная деятельность студентов вуза в процессе их подготовки к профессиональной деятельности
- 77 **А.В. Шишко** Некоторые проблемы, связанные с определением круга лиц, ответственных за совершение налоговых преступлений
- 88 **К.И. Лавренюк** Анализ эффективности взаимодействия органов местного самоуправления с основными группами заинтересованных сторон

ВЫСШАЯ ШКОЛА - БИЗНЕСУ

- 96 **В.Н. Ембулаев, О.Г. Дегтярёва** Системный подход как метод изучения рискованных ситуаций
- 106 **Т.В. Варкулевич** О формировании системы управленческого учета в государственном вузе
- 112 **В.В. Глухов** Теоретические аспекты содержания и сущности научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов»

- 123 Ю.А. Шевченко** Использование метода семантического дифференциала при анализе конкурентоспособности вуза (на примере ВГУЭС)
- 129 М.Г. Масилова** Влияние организационной культуры на эффективность деятельности вуза
- 138 В.О. Морозов** Определение стратегических позиций стейкхолдер-организации
- 144 Н.П. Белозерцева, Л.С. Шендрик** Разработка методики оценки конкурентоспособности предприятий транспортной отрасли
- 150 Н.П. Белозерцева, М.С. Ярайкина** Анализ тенденций развития рынка грузоперевозок в Приморском крае
- 156 И.С. Белокрылов, В.С. Просалова** Актуальность трансформации бюджетирования в кредитных организациях в процессно-ориентированное бюджетирование
- 163 А.Д. Кургузкин** Ипотечное кредитование в США и России как способ приобретения жилья
- 168 В.С. Просалова, А.А. Никитина** Понятие банковских инноваций и их классификация

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

- 174 Л.Н. Гарусова** Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы и политика США
- 184 С.Г. Верещагин** Экономическая и демографическая безопасность Дальнего Востока как важнейший фактор обеспечения внешней политики России в АТР
- 188 С.К. Песцов** Тихоокеанская Россия в АТР: новые горизонты азиатско-тихоокеанской интеграции
- 194 В.А. Дубинкин** Проблемы продовольственной безопасности российского Дальнего Востока
- 201 А.А. Тушков** Национальные интересы России в АТР
- 210 С.В. Севастьянов** Саммит АТЭС во Владивостоке: некоторые итоги и оценки
- 216 SUMMARY**
- 224 ОБ АВТОРАХ**
- 228 ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 159.99

Кирсанова Лидия Игнатьевна, Коротина Ольга Александровна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Дискурс фантастического в его отношении к самому себе и реальности (объективности)

Исследуется дискурс фантастического на материале кинематографа, используется фильмография Андрея Тарковского, исследованы образы Космоса (Солярис), Зоны (Сталкер). Автор отмечает, что основным противоречием существования человека является оппозиция таких регионов бытия, как Дом (Суша, Земля) и Космос (Стихии воды, ветра, воздуха и др.), противостояние и борьба мира порядка, автоматизма повседневности и мира Хаоса, неведомого, никогда не бывшего, Ничто. Пребывание внутри фантастического производит переключение субъекта (Астронавта, Сталкера, гостей зоны и др.) из плана частной ограниченной обыденности в план имманенции, тем самым вписывает его в контекст жизненного мира.

Ключевые слова и словосочетания: *воображаемое, дискурс фантастического, источники и типы перцептивного опыта, запреты и ограничения рациональности, выход в план имманенции.*

Три вещи побудили нас задуматься о дискурсе фантастического как способности сознания создавать и интерпретировать то, чего нет: 1) 80-летие А. Тарковского в 2012 г. дало повод пересмотреть его фильмы – Зеркало, Солярис, Сталкер, Жертвоприношение, 2) демонстрация на российском канале фильма Ларса фон Триера «Меланхолия», его обсуждение в телевизионной студии с А. Гордоном, 3) Челябинский метеорит.

Для начала определим объективное (реальность) как то, что присуще самим вещам, где образы бесконечно варьируются по отношению к этой реальности. Субъективным же мы будем называть такую перцепцию, где образы варьируются в отношении друг друга и привилегированного образа. Что может быть субъективнее сновидения, галлюцинации, бреда? Но в них также наличествует привилегированный объект, так называемое ядро бреда. Дискурс фантастики принадлежит к перцептивной системе, которую мы определили как субъективную.

Когда мы задаемся вопросом о перцепции, возникает вопрос об ее источнике: это, как правило, либо внешние объекты, либо внутренние. Внутренними мы называем те, где восприятие захвачено им же самим созданными образами, которые субъект придумывает, отбрасывает, придает новое направление тем, что возникли на основе внешних объектов, т.е. человек создает то, относительно чего он реализует способность видеть иное, никогда не бывшее. В отношении внутренних образов действует тот же механизм, что и при восприятии реальности: через акт их объективации на внешнем носителе (фотография, кинофильм, картина и др.) субъект вокруг него организует собственное восприятие. Хотя он в принципе осознает фантастический характер образа, однако группы перцепций, происходящие от воздействия реальности, накладываются на ассоциированные и имеющиеся в памяти субъекта образы, возникает синтетический образ, который уже не может быть отнесен только к действительности или выдумке. Восприятие внешнего и интенциональный опыт (зрительные, слуховые, тактильные ощущения) и создают некий симбиоз, а их различие производится перемещением субъекта из плана перцепции в план рефлексии. Рефлексивные процедуры характерны для науки, тогда как в искусстве они намеренно тормозятся под воздействием эмоционального переживания, вызванного действием воображаемого. Мимезис вообще предшествует истине, изначально дестабилизирует ее, приводит к вторичным определениям истины, что в случае гениальных прозрений художника оказывается истиной более высокого порядка. Некоторые исследователи, «иконоборцы», считают воображаемое оковами сознания, другие полагают, что образы формируют мир иного. Фантазия не только способствует размножению образов в сравнении с реальностью, но и ускоряет движение тех, которые сформировались под ее воздействием. Власть образа, основанного на представлениях о фантастическом, вырастает из имманентной сознанию способности конституировать далекое и непостижимое бытие в формах настоящего, наделять его присутствием в качестве здесь-бытия, что заставляет приравнивать его к реальности, заполнять пустоты бытия, восполнять нехватку событийности, ускорять гносеологическую неподвижность. Фантастика запускает в зрителе нечто, что позволяет воздействовать на другую сторону бытия – на ничто. Благодаря этому создаются «призраки», они претендуют отсылать к тому, чего нет, они не имеют бытийного статуса, поэтому вопросы об истине в эстетике кино решаются иначе, чем в гносеологии. Писатель, поэт, художник, режиссер не настаивают на истине образов, вполне понимая, что созданное ими является иллюзией, фикцией. Но ни они сами, ни зрители не могут избежать очарования вымысла, подпадают под его власть, снимают с них «отпечаток», чувствуют и действуют, подражая им. Поскольку этому механизму мимезиса невозможно противостоять, Платон считал,

что искусство и поэзию следует исключить из Государства. В современном мире медиареальности результаты миметических процессов как в их связи с реальным, так и с формами вымысла невозможно различить даже по вторичным признакам. Распознавание человека как реального или робота стало ежедневной процедурой в сети Интернет. Опасность перехода в план фантазмов заключается в потере связи с жизненным миром. В киновымысле реальность сохраняется за счет того, что остается по ту сторону образа – рамка фильма, время демонстрации, лица актеров и проч. В фантастике есть элемент неожиданности, который невозможно предвидеть в обыденности, фотографии, кинофильмы давно уже стали опытом иного, а потому заняли привилегированное положение в конкуренции образов. Пребывание вблизи фантастических объектов, которые напрягают свойства видеть, слышать, быть настороже, способствует откладыванию обыденного, привычного в пользу открытия иного бытия с разным градусом интенсивности от одного субъекта к другому: следует различать производителей образов и механических потребителей. Фантазия, сила воображения – одна из самых загадочных человеческих энергий, которая позволяет видеть мир не таким, каков он есть сам по себе [1].

Фантастический дискурс – это такая перцептивная схема, которая отличается от объективной так, как язык Воды (море, река, водопад, водоворот, темные воды, шторм) отличается от языка Суши (дом, родственники, мать, ребенок, жена, порядок вещей) [2]. Далее мы будем иметь в виду творчество А. Тарковского, у которого вода зачастую является главным персонажем, как, впрочем, и соприродные ей стихии – космос, ветер, дикая природа, или, по выражению М. Мерло-Понти, «дикое бытие». Вода и суша (дом) отличаются друг от друга по мефизическому, социальному, эстетическому и повествовательно-драматическому критерию. Вода представляет собой такую метафизическую среду, в которой преобладает стихия движения. Если статический универсум (суша, дом, комната, подвал, сад) можно определить как единое и тождественное самому себе, то, что мы находим неизменным, откуда и через какое бы то ни было время мы не возвращались к нему, то Дом представляет собой это неподвижное сущее, среду обитания определенного, социального, человеческого типа, в который сплелись узы порядка вещей, конфигурации пространства, безвременность времени, архаичность местных жителей. Родители (отец) в «Солярисе» А.Тарковского – это абориген, хранитель Дома. Драма Сына как представителя иной Стихии (Астронавт – иноземец) и Отца (Аборигена) заключается в том, что в Космосе живут совершенно иначе, по-иному чувствуют, иначе устроены отношения с памятью, виной, наказанием. Жители Ойкумены, земли обетованной, аборигены метафизически представляют собой органические корни, домашний очаг, неизменные вещи (существующие от века): стол, кружка, взгляд из окна, фотографии

на стене. Современный режиссер К. Рейгадас доверил роли аборигенов самим местным жителям, что обеспечило фильму достоверность, почти документальность, искомую для всякого мимезиса объективность (кино есть искусство подражательное в большей даже степени, чем театр). Необходимость фантастики как жанра литературы, кинематографа и фантастического как предиката собственно сознания заключается в том, чтобы родственные узы, связывающие Отца с Сыном, разорвать, сделать его Астронавтом, отшельником. Возможно, драма Блудного сына (библейский сюжет) заключается в переходе от кровно-родственных отношений отца и сына к солидарности нового типа, основанной на вере. Ибо Отец говорит о сыне: не верил и уверовал. Новое примирение оказывается intersубъективностью более высокого порядка, чем биологическое родство. Этот же разрыв характеризует фигуру Сталкера, его ссоры с женой, уход в зону, это протест против обыденности, порядка, задействованных в обществе экономических, социальных и правовых запретов. Сталкер – арестант, бывший заключенный, преступник, человек, который перерезал пуповину, связывающую его с семьей, обществом, законом. Примирение происходит в любви к переходной фигуре между домом и зоной – дочери (по имени Мартышка). Верховная справедливость Зоны противопоставлена пошлости, цинизму, разгулу узкоэгоистических интересов испытуемых, имеющих клички Писатель и Профессор. Зона воссоздает условия жизни изгнанников, отшельников, людей моря, приливов и людей суши – представителей профессий, ремесла, вещей, порядка, родства. Зона ничего не делает, кроме одного – изменяет перцептивный опыт испытуемых. Тотальный цинизм писателя, антисциентистские выпады, злоупотребления словами, от которых тошнит и болит голова, закрытое, молчаливое упорство Профессора, его непреклонное страшное упрямство в желании «взорвать» зону – все это можно назвать случаями крайнего неприятия контакта с миром иного – Стихии, Хаоса, закрытость горизонта для настоящего и будущего.

Женщина (жена, мать, любовница) тяготеет к неподвижным центрам мира – дому с видом на озеро, саду, парку (хорошо известна разная метафизика леса и сада), кухне и кулинарии, которые можно назвать точками объективации субъективности. А вода, ветер, звезды, космос, шоссе (Сталкер открывает шторы на окне и видит железную дорогу, слышит перестук колес, ощущает вибрацию стен, пола, потолка) ставят под сомнение объективность мира, показывают его универсальную изменчивость. Извечная оппозиция двух метафизических программ Платона и Аристотеля заключается, с одной стороны, в абсолютизации неподвижного центра (математика, арифметика, земля – неподвижный центр мира) и движения (физика Аристотеля, гелиоцентризм Галилея) также воспроизводят противоречие Земли (суши, дома) и Воды (космоса, стихий). На земле

и на воде действуют разные режимы восприятия, а переход из одной в другую меняет режимы перцепции. Поскольку перспективный опыт связан с телесностью, важно отметить разные формы тела-движения: неловкость движений испытуемых, оказавшихся в иной зоне – перемещение ползком, кружение на месте, невозможность возвращается назад тем же путем, странные предметы, поддерживающие движение, замедляющие его – гайки на бинтиках и т.п. Прежнее тело-желание пытается жить в обычном режиме: профессор запасся для путешествия бутербродами и термосом с чаем. Писатель колеблется между желанием выпить и пойти в Зону (безумство храбрых во хмелю) или пойти в зону и выпить после (расслабиться, оптимизировать стресс), не удастся ни одно, ни другое. Сталкер принуждает к иному опыту тела, иному движению, другой грации и даже – красоте. Под грубой оболочкой Сталкера мы находим красоту, а под красивой упаковкой писателя (машина, женщина, дорогой коньяк) скрывается пустота и уродство. Тело-желание подчиняется товарно-денежным отношениям, и Сталкер также отчасти вынужден с этим считаться (так, например, он обещает вернуть деньги, если предприятие похода в Зону не удастся). Тело-желание подчиняется престижу, успеху, т.е. действует как частичный объект, центрированный вокруг одного господствующего объекта – желания вещи (фетишизм), желания желания Другого (что порождает распрю, даже войну). Зона неосознанно через Сталкера навязывает иные стратегии перцепции – Другой взгляд (раскаяние, принесение извинений, тело детства, тема любви). Сталкер противопоставляет тело детства, слабое, подвижное, нежное, даосское, телу взрослого как крепкого сильного, грубого. Тело-желание – это тело-хлам, разрушенное потребностями, желаниями, это тело представлено телом писателя и аскетичным телом Профессора, ведь аскеза также делает тело твердым, жестким, грубым. Сталкер представляет перцепцию детского тела, более человеческого, чем взрослые тела-желания: он плачет, гневается, боится, отчаивается, воодушевляется. Одно лишь присутствие в Зоне заставляет его остро переживать чувство красоты природы, ощущать гармонию мира, т.е. обрести ясновидение – непосредственное созерцание истины, недоступное стратегии «твердых» тел.

Дискурс фантастического изменяет протекание траектории событий (в частности памяти), вещей, тел, самой экзистенции. В реальности действие мнемозины ограничено сознанием, которое не допускает того, что забыто по причине вины, оно накладывает запреты на воссоздание образа тех, кому мы причинили боль, т.е. сознание действует чрезвычайно предвзято. Особое впечатление производит мультиплицирование образа возлюбленной в «Солярисе» А. Тарковского, которая видится глазом, какого у нас нет. Память о вине, сознание раскаяния, кинематографический взгляд вкладывает в саму материю тела Хари, причем так, что они (Хари-

дублиры) действуют как тела-перцепции, тела-чувства, тела-движения. Вселенная Соляриса хранит все это, это Глаз материи, не подчиненный земным различиям сознания, и содержание вытесненного бессознательного (Я не хочет знать о вине и вытесняет в бессознательное), скорее Солярис демонстрирует способность возвращать образ из какой угодно точки, из любого, самого удаленного уголка субстанции, этого общего сознания-бессознательного, тем самым пересоздать опыт, характеризующий отношение субъекта к собственной памяти и вине. Именно такая расшифровка памяти соединяет человека со всеми образами-телами – вчерашними, сегодняшними и завтрашними – в единое взаимодействие, определяемое как общность субъекта (Криса Кельвина) и Соляриса. В этом едином взаимодействии различие между сознанием и бессознательным, памятью и актуальностью, воображаемым и действительным становится чисто структурным и зависит только от скорости перцепции. Киноглаз движется в обратную сторону от реальности, ускоряется или замедляется, останавливается, кружит, варьирует и каждое мгновение формирует объект (тело-перцепцию в случае Хари). Это тело-перцепция – новое тело, но он формирует не одно тело, а создает серии. Солярис, подобно киноглазу, воплощает все возможные перцепции, тогда как индивидуальный субъект способен только останавливать движение, объединять дифференцированные перцепции, избранные впечатления, образы памяти в единый объект (вещь). Кажется, что идея бессознательного возникла из желания преодолеть рамки сознания, которое только объективирует, но тотально объективирует, превращает вещь в понятие, объект – в мысль, из стремления продвинуть субъект вглубь обездвиженного, достигнуть состояния текучести материи, плыть среди фрагментов (именно так устроено сновидение). Важным элементом такого видения является водный лиризм А. Тарковского (как, впрочем, и Алексея Германа). Аналогией такой реальности, доступной нам без помощи кинематографа, являются сновидения, состояния алкоголизации и наркотического опьянения. Свойственные таким состояниям особенности заключаются в том, чтобы, застопорив сенсорно-моторные перцепции, обездвижив тело, усилить оптические и визуальные галлюцинации и звуковые восприятия [3]. Что же должно в этом случае происходить с вещами? Что означает стакан крупным планом в Сталкере? Они должны также сдвинуться с места, превратить минимум движений, им свойственных, в эффект движения, в образ-движение, демонстрирующий интенсивность иного мира – парение, плавание в воде. Когда мы смотрим на самодвижущийся стакан, мы видим вовсе не лицо девочки. Стакан-переживание является носителем субъективности, а девочка – всего лишь объектом. Таким образом, измененное восприятие позволяет нам отъединиться от сочувствия к ребенку-калке и сосредоточиться на крупном плане, стакане-аффекте, который

благодаря этому аффекту субъективируется, ведь очевидно, что только лицо человека способно производить и выражать аффекты – гнев, удивление, ярость, горе. Фантастическое, будучи реальностью другого качества, неизбежно делает вещи иными – вращающимися, произвольно падающими, замедляющимися. Предмет медленно падает, мы успеваем проследить за отъединенно падающими каплями воды, что в действительности невозможно, т.к. в реальности их движения сливаются в одно «вдруг», т.е. вода течет. Фантастическое по способу «как» совпадает с воображаемым: реальность минимизируется до банальности или почти полного ее отсутствия, у героев Сталкера нет «личной истории», точнее реальность остается эллиптической, блуждающей, невнятной, между событиями настоящего и прошлого связи остаются слабыми, вероятностными. По какой причине Профессор идет в Зону? Его личная история приоткрывается в телефонном разговоре, где события приходится дешифровать: речь оппонента мы не слышим, диалог носит характер «распри», отсылает к какой-то прошлой истории – измене жены и желаний мести. Не исключено, что эта реконструкция происходит только на уровне «общей всем» ментальности, именно таким образом связывают причины и следствия. Воображаемое в этом случае заполняет пустоты реального. Почему возможны пустоты: ввиду отсутствия событийности заурядные будничные схемы-жесты, выполняющие функции расставлять вещи и людей по местам, только подчеркивают автоматизм реальности и отсутствия события. Тусклые глаза, вялые слова, даже вялая ссора женщины с мужчиной в первых сценах Сталкера свидетельствуют об автоматизме повседневности, кажется, это люди, которые уже не способны воспринимать ничего, кроме будничной банальности, героиня срывается в истерику отчаяния, только тогда, когда понимает, что не может воспрепятствовать тому, что нарушает хрупкое равновесие ее жизни, муж вернулся из тюрьмы, у дочери появился отец. Это хрупкое равновесие нарушено. Пустоты реального заполняются фантазмами – Зона, Космос, Чужая планета – Солярис, перемещение осуществляется «вдруг», скачком. Когда Сталкер совершает простое незамысловатое действие – чистит зубы, его взгляд видит иную реальность, отъединенную от дома и будничного мира, и только она имеет для него ценность. Воображаемое вписывает себя в реальность, однако воображаемое, вторгшееся в реальность, не может с ней конкурировать по цельности, полноте, заполненной телами и предметами и т.п. Воображаемое вводит, так называемые, частичные объекты – седой клочок волос у Сталкера (знак Зоны), стакан, обладающий невероятной с точки зрения обыденности способностью самодвижения, черный пес (дар Зоны) – в конце фильма. Частичные объекты (модификации Хари, карлик в Солярисе) вторгаются в обычную жизнь через «щель», протискиваются в «зазор» между событиями действительности, как широко раскрытые глаза

Астронавта в Солярисе, которого с блеском играет В. Дворжецкий. Неполюценные объекты аккумуляруют потоки зрительных, звуковых, тактильных ощущений иного мира, поэтому именно на них следует «смотреть во все глаза», прислушиваться к каждому звуку, шороху, скрипу, скрежету. Обратим внимание на постоянную настороженность Сталкера. В обычном мире мы можем остановить визуализацию или отвлечься, отложить длящийся звук, согласно принципу экономии мышления, если мы узнали объект или вещь, которые его производят, поняли предмет в его контексте.

Исследование частичных объектов с помощью органов чувств требует иного внимания, постоянного напряжения, ибо идентификации «плавают», ускользают, приближается и удаляется рука Сталкера, погруженная в воду, удаляется и приближается отеческий Дом – Остров в «Солярисе», они парят подобно «эмбрионам» в космическом бульоне (гомеомерии Анаксагора). Изменяется течение времени: повторяются одни и те же поступки из прошлого (попытки Криса Кельмана «поговорить» с живой женой, которая несколько лет назад покончила жизнь самоубийством), последовательность событий заменяется «всякой чепухой», подчиняющейся своим законам бытия – гайки с бинтиками, бомба в рюкзаке не взрывается от падения, телефон звонит, горит свет, тогда как в Зоне никто не живет. Зона как и космическая Станция является каким-угодно-временем-пространством, где происходит все что угодно [4]. Поскольку фантастическое проникает сквозь «дырчатое» пространство реальности, то плотность воображаемого зависит от величины «щели» или просвета, так, например, все астронавты грезят, как и посетители Зоны, как раз потому, что фантастическое достигло изолированности от событийной насыщенности реальности. Замкнутость воображаемого заставляет чудесное (оно же – безумное, бредовое, детское) действовать по схеме возрастания. Когда действительность возвращает свои права, становится обычной хорошо квалифицированной средой, восстанавливаются косяки и двери реального (Р. Музиль: «Чтобы выйти в дверь, нужно, чтобы у нее был косяк»), фантастическое «схлопывается» и воображаемое поддерживается посредством частичных объектов (черный пес приходит из Зоны и поселяется в Доме). Что пытается спасти в мире дискурс фантастического? Ответ на этот вопрос дан в монологе Сталкера – любовь, веру, доверие, против чего действует фантастическое – против цинизма, страха, опустошенности его спутников – Писателя и Профессора. Первоначальный вывод А. Тарковского состоит в необходимости перемены знаков, путешествии из реального в воображаемое (бегство на стадию «Зеркала»), уходе в фантастическое (Солярис, Сталкер), позже – только Жертвоприношение. Фантастическое – это только перетекание от объективного к субъективному, это обозначение полюсов сознания (сознание – бессознательное, реальное – воображаемое), выявление «бездействующих сил» воображаемого, которые

накапливаются и требуют выражения в предельной ситуации – Зона, Космос. Жертвоприношение – это действие под давлением накопившегося напряжения воображаемого, необходимость разрядки в виде поступка (само-сожжение, сожжение Дома как очага пошлости, банальности, извращенности). Можно предположить, что воображаемое является воплощением принципа неопределенности, такова греза: мы находимся в ситуации неразличенности, что является возможным, а что невозможным (сравните воскрешение Христа, Воскрешение Лазаря Иисусом).

Погружение в фантастическое не позволяет различать действительное и воображаемое. Они становятся неотличимыми, сила разума поражена, мощь же воображаемого возрастает до размеров Вселенной и Бога. Возникает иная «реальность» (в фильме «Андрей Рублев»), которая отсылает к взгляду существа, имеющего иную размерность, чем человек. Шар для воздухоплавания – это глаз Циклопа.

Дискурс фантастического достиг своего расцвета во многом благодаря кинематографу. Способность зрительных и слуховых образов стирать значимость реального в кино намного выше, чем в литературе.

Повествовательный дискурс в виде научно-фантастической литературы вынужден был напрягать повествовательность, изобретать невообразимые коды для формирования фантазийных образов. Фантазируя о невозможных местах, состоящих из плоскостей, линий, невероятных объектов и их конфигураций, зданий, лестниц, лабиринтов, созданием фантастических существ, обладающих невероятным могуществом или слабостью и беззащитностью. Чрезмерность повествовательного усилия не всегда равнялась силе впечатления. Визуальное и звуковое пространство кино позволило сознанию галлюцинировать в каких-угодно-пространствах, временах и формах. Разгул оптических и звуковых эффектов в кинематографе отражает реальную способность сознания отрываться от вещей, отлетать от действительности, пускаться по волнам памяти и воображения, что, однако, не отменяет трезвого взгляда на то, что действительность все-таки существует и море заканчивается пристанью, река – причалом, а вода – домом. В этом случае необходимо задействовать механизм отождествления: герой возвращается домой, Астронавт-психолог «приходит» к порогу отчего Дома. Почему бегство имеет смысл? Возвращается не прежняя жизнь с ее пошлостью, рутинной, скукой, виной. Напротив, переживание иного, чуждого производит выбор и отбор, реальность «собирается» из другой точки сборки – любви, веры, доверия, прощения [5]. У А. Тарковского, это всегда любовь, вера, надежда. Жизнь состоит из групп событий, вполне обычных, непримечательных, просто они подчиняются иным способам сборки. Сын-астронавт, возвращаясь с Соляриса, преклоняет колени перед отцом, как блудный сын. Его история тем самым приобретает евангельский размах, возникает их новая сильная связь

с отцом. Существует ли гарантия, что связь снова не будет разрушена, заурядность и обыденность не замутят прозрачную чистоту зеркала (воды)? Не очевидно, падение и упадок в повседневность возможны, а потому Сталкер снова и снова отправляется в Зону.

---

1. Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 66 – 69.
2. Делез Ж. Кино / Ж. Делез. – М.: Изд-во «AdMarginem», 2004. – С. 396 – 399.
3. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез; пер. с фр., послеслов. и коммент. С.Л. Фокина. – СПб.: АХИОМА, 2001. – С. 53.
4. Кристоф Вульф. Антропология. История. Культура. Философия / В. Кристоф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 194 – 208.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: «Ювента», 1999. – С. 595.
6. Серл Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл; пер. с англ. д-ра филос. наук А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Прогресс, 2002. – С. 134.
7. Томас де Квинси. Исповедь англичанина, употребляющего опиум / Томас де Квинси. – М.: Изд-во «AdMarginem», 1994. – С. 92 – 95.

УДК 167.5(470+571)

Митина Наталья Георгиевна

*Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского
Владивосток, Россия*

Русская утопия

Основное внимание уделено выявлению специфических черт, присущих русской утопии и механизмам регенерации утопии в России. Кроме особенностей русской философской утопии выделен и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии. Автор определяет утопию как социокультурный феномен, вбирающий в себя специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

Ключевые слова и словосочетания: утопия, социокультурный феномен, цивилизация, утопизм, идеал, проект.

Многие философы отмечают, что утопичность свойственна русской ментальности. Как подчеркивает Э.Я. Баталов: «В России утопия всегда чувствовала себя как дома. Русская народная социальная утопия с ее идеалом Правды, уходящая корнями в культуру Древней Руси, оказывала неизменное воздействие на формирование национального утопического сознания и массовых движений протеста, включая все три русские революции» [1. С. 105]. На готовность России к созданию и реализации утопических проектов указывал Г.П. Федотов: «...Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [18. С. 1]. Следовательно, их надо искать в особенностях формирования российской цивилизации, наложившей отпечаток на складывание психологии, культуры русского народа.

Например, Н.О. Лосский в своем исследовании «Характер русского народа» отмечает такие черты, как религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, свобода духа, отсутствие организованности, формы, стремление к социальной справедливости [10]. На отсутствие формы указывает и другой русский философ Н. Бердяев: «Русский человек во власти своей природы, во власти своей земли, во власти стихии. Это означает, что в строении души русского человека форма не овладевает содержанием, душевно-телесной стихией не овладевает дух» [4. С. 52–53]. Романтизм и духовную анархию как черты русских выделяет немецкий философ В. Шубарт, подчеркивая: «Отсюда пресловутая мечтательность русских, неотмирность их планов и программ, копание в теориях без всяких перспектив на практический идеал» [25. С. 104]. Данная осо-

бенность, по нашему мнению, так же является предпосылкой русского утопизма.

Другими важнейшими чертами русского народа являются коллективизм, общинность и соборность. Это подчеркивает и С. Франк: «В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ», или «МЫ-философию». Для нее последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я»» [20. С. 4]. В понятиях соборность, всеединство заключается и идея государства, которая представлена у русских как идеал, утопия единения, целостного органичного взаимоотношения власти – народа – человека. Данные мысли высказывает В.Н. Муравьев: «Наиболее полным идеалом древнего русского мирозерцания было Царство Божие на земле. К этому идеалу сознание подходило одновременно через Церковь и Государство, сливая их в образе великой, сначала русской, затем вселенской теократии» [14. С. 58].

По мнению А.Д. Свияжского (А. Терца), причины данных особенностей заключаются в пришедшей из Византии восточной ветви христианства – православии, наложившем отпечаток на развитие русской цивилизации. Эта особенность проявляется в усилении третьей ипостаси Божественной Троицы – Святого Духа [17. С. 48–49]. Религия Святого Духа приводит к природной бесформенности, аморфности, к приоритету духа над формой. На влияние Византии указывает и Г. Померанц, отмечая переплетение в русском наследии цивилизационных начал Византии, Татарии и Запада. «Создать из всего этого устойчивую форму непросто. Отсюда превосходство бродящего духа над формой – в том числе формами общежития – и постоянная угроза хаоса» [15. С. 3–4]. В этих особенностях заключается и причина иррациональности мышления, подчинение сердцу, а не разуму.

Н. Бердяев, рассматривая особенности русского национального типа, определяет антиномии в русском характере: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт [2. С. 2]. Все эти черты подтверждают выводы о существовании в недрах российской цивилизации предпосылок формирования утопического сознания.

Ряд современных исследователей утопии также останавливаются на истоках утопизма. К примеру, Б.Ф. Егоров определяет истоки социального утопизма в двух совсем различных ментальностях, укорененных в русском национальном характере. Одной из них является отвращение к рабочему процессу, лень, воровство и обман, сформировавшиеся на протяжении долгих веков рабства, и истолкование на этом фоне христианской

морали как враждебной по отношению к физической работе. Об этом свидетельствуют фольклорные произведения: сказки, былины, пословицы, поговорки. Русский человек, независимо от его социального положения, надеется на чудо, на получение каких-то благ без усилий, труда, с помощью сказочных персонажей или божественных сил, а также используя хитрость и обман. Исключения составляют былинные эпосы о русских богатырях, которые честно использовали свою силу для защиты Родины. С другой стороны, отмечает Егоров, в относительно свободных группах (северные поморы, старообрядцы, казаки) суровые условия воспитывали культ труда, формировали трудовую мораль, имеющую много общего с идеалами протестантизма. Однако все эти различия имели одну основу – мораль, которая требовала честности и справедливости. Отсюда и появлялись утопические мечты о рае, который должен был стать наградой праведникам [8. С. 15–19]. По мнению ученого рай – это самая древняя утопия, а ад, соответственно, самая древняя антиутопия во всей мировой культуре. Именно поиски рая, который может стать наградой за праведную жизнь уже на земле, заложили установку на формирование утопий.

В.П. Шестаков считает, что важный аспект русского национального самосознания составляет антиномия эсхатологизма и утопизма. С одной стороны, эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни и мессианской предопределенности России в мировой истории, а с другой – тенденция к социальному утопизму, созданию зримого образа желаемого (или нежелаемого – в антиутопиях) будущего [24. С. 5]. Примером этого является утопия «Русская идея» – превращенный в абсолют социальный идеал об особой миссии России в мире.

Общественные идеалы и социальные утопии по своей природе историчны, в них диалектически сочетаются изменчивое и устойчивое, специфическое и универсальное. В свою очередь, антиутопии, демонстрируя тревогу за судьбу личности в «массовом обществе», позволяют спрогнозировать возможные последствия реализованной утопии. Н. Бердяев предупреждал: «Всякая попытка создания рая на земле есть попытка создания ада». Как отмечает Е. Черткова: «Само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам беды – интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры» [21. С. 5].

Специфика ощущения времени у русских также является механизмом генерации утопического сознания. Для русской цивилизации характерно некоторое замедление временных процессов, что обусловлено ее пространственной протяженностью. Бесконечная даль пространства и бесконечная даль времен, соотносимые для русского понятия. Отсюда и укорененность в вечном. В. Шубарт подчеркивает: «У русского бесконечно много времени, поскольку в нем живет уверенность, что он бесконечно

существо». Русский живет мгновением, что объясняет невнимание к прошлому, как и к будущему. Это, по мнению Шубарта, «виталистическое возражение против исторического мышления» [25. С. 119]. К аналогичным выводам в своем исследовании русского характера приходит К. Касьянова: «В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается». В культурах, ориентированных на вечность, подчеркивает она, нет историчности: «Это и понятно: какая же относительность в вечности – в вечности может оставаться только абсолютное» [9. С. 5].

Еще одну специфическую черту временных представлений выделяет В.Н. Муравьев: «Древнерусское мирозерцание устанавливало живую и нерушимую связь настоящего с прошлым... Соборность и временность неотделимы» [14. С. 57]. Данная связь устанавливалась не рассудком, а целостным познанием, восприятием «былого в действии». Человек, таким образом, находился в истории, жил ее.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные нами особенности темпоральности русской души являются причиной неистребимости утопий в России, ее открытости новым утопическим проектам, способности постоянно впитывать в себя появляющиеся утопические идеи и становятся почвой для их реализации.

Рассматривая особенности ментальности русских можно выделить ряд положений: антиномия добра и зла представлена здесь в виде противопоставления общины как символа добра и государства (властных структур), как символа зла; основным способом действия для русских является надежда на лучший исход дела (выражение «авось»); достижение добра, счастья возможно, но только в будущем. Таким образом, можно выделить черты, которые способствовали генерации утопии в России. Основными из них являются: религиозность, эсхатологизм, мессианство, свобода духа, отсутствие формы, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо.

Вывод о том, что русская утопия представляет собой социокультурный феномен подтверждают ее специфические черты. Утопические идеи буквально пронизывают русскую философию. В чем же заключаются ее особенности? Например, В.П. Шестаков указывает, что русская утопия не всегда являлась самостоятельным произведением, а растворялась в литературных произведениях других жанров. Данная особенность, а также отсутствие к ней внимания со стороны исследователей, по его мнению, стали причиной ее неизвестности в мире [24. С. 39]. Образный, художественный характер утопии объясняется особенностью русской философии в целом. Многие исследователи отмечают, что русская философия тяготеет к живому, образному слову, публицистичности, что приводит ее к тесному переплетению с художественной литературой. Русская философия идет через развитие всей русской культуры, а философские идеи вопло-

щаются через образы литературы, архитектуры, изобразительного искусства [6; 19; 11; 12; 13].

Традиционным повествовательным приемом в русской утопической литературе становится сон, что объясняется подцензурным характером литературы, так как утопические произведения, рисуящие будущее, касались острых социальных проблем и были опасной формой литературы. Кроме того, в России, по сравнению с Западом, более остро чувствовался разрыв между идеалом и действительностью. В.П. Шестаков подчеркивает: «То, что европейскому философу и сочинителю ... казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания ... для русского утописта представляло пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем» [24. С. 40–41].

Любая утопия в какой-то степени религиозна, так как пытается воплотить веру в осуществимость идеального общества. Но русская утопия религиозна в своей основе. Е.Л. Черткова выделяет следующие черты русского утопизма: религиозный имманентизм, «теургическое беспокойство», мессианизм, идея спасения. Однако, как подчеркивает исследовательница: «Религиозные по своему источнику и характеру идеи преобразуются в структуре утопического сознания в нечто всецело «от мира сего», обнаруживая тем самым его псевдорелигиозный характер» [22. С. 181–185].

Еще одним важным аспектом русской утопии является ее нравственная сущность. Здесь также необходимо отметить, что данная черта отличает русскую философию от западной, имеющей рациональный характер. Это черта коренится в особенностях русского самосознания, как уже подчеркивалось ранее, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, создаваемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю, вера в свою провиденциальную миссию указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество.

Утопии трансформируются в зависимости от духа эпохи и одновременно содержат традиции культуры и общую концептуальную основу. Переосмысление утопических проектов, предпринятое в конце XX века, с помощью метода деконструкции, используемого в постмодернистской философии, позволило определить новые ценности утопии: умение обратить внимание на существование разных способов решения проблем, на необходимость осмыслить и пересмотреть существующие нормы и ценности. Эта особенность утопии дает возможность найти новые подходы и таким образом изменить устои общества, составить философский прогноз его дальнейшего развития. И.И. Евлампиев отмечает данную особенность как характерную черту русской утопии, связанную с дуальным восприятием мира: «Здесь создается идеал, который осознается как совершенно необходимый для человека в истории и в то же время как недоступный нам в реальном историческом времени». Но при этом

«...принципиальное разнообразие культурных типов не должно считаться препятствием к возможности реализации общечеловеческого прогресса, более того, именно многообразие направлений продвижения к идеалу является условием этого прогресса». В отличие от западных утопий этот идеал не может быть столь же «конкретным», он носит духовный, а не сугубо материальный характер. «По-настоящему действенный и плодотворный идеал, способный придать новый импульс развитию общества, должен не превозносить и «консервировать» материальную приземленность и бездуховность современной цивилизации, а ставить задачу бесконечного духовного совершенствования человека» [7. С. 82–83].

На еще одну особенность русской утопии указывает В.А Суковатая: «Русская утопия, по сравнению с западной, не выливалась в единую и целостную литературу или философию, и выполняла не столько прогностические функции, как на Западе, а, скорее, идеализирующие-шифровательные... Иначе говоря, изображая в качестве «внешнего плана» утопии некие «желаемые отношения», автор, на самом деле, в качестве ее внутреннего плана делал акцент на фигурах иного порядка, тех отношениях, которые мыслились как социально-неприемлемые, тормозящие социальный и политический прогресс, развитие нравственности и демократии» [16. С. 3]. Отсюда и интерес утопии к гендерным отношениям, которые находились за рамками тем, допущенных к публичному обсуждению.

Кроме особенностей русской философии, исследователи утопии выделяют и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии: осмысление социального идеала, критика существующего общества, попытка предвосхищения образов желаемого будущего, идея необходимости абсолютного преобразования действительности. Она не избежала смешения идеала и факта, в ней произошло отождествление исторического порядка с мистическим порядком Царства Божия [22. С. 180]. Сравнение позволяет отметить специфику: если для западной утопии преобладающей темой является поиск путей рационального переустройства общества, устройство жизни в соответствии с принципами разума, то для русской утопии цель заключается в преобразении общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости. Развитие западной утопии шло от религии через рационалистическую философию к утопии с опорой на науку. Русская утопия также шла от религиозного источника, но совершила круг: от православия через идеи Просвещения и рационализма (пришедшие с Запада) к религиозной философии, которая позднее дала ей серьезную критику, отмечает Е.Л. Чертова [22. С. 180].

Таким образом, нет оснований делать вывод о неразвитости русской утопии. Проведенный анализ позволяет говорить о более позднем развитии (расцвет русской утопии приходится на вторую половину XIX – начало XX века), но не отставании ее от западных утопических концепций.

В.П. Шестаков подчеркивает, что русский утопический роман «был на уровне мировой утопической литературы, а в жанре негативной утопии русские писатели оказывались и намного впереди» [23. С. 248]. Он отмечает высокое художественное достоинство русской утопии, ее оригинальность и значительное расширение диапазона представлений о будущем: «Это стремление к созданию образа будущего, предвидение его в образе утопии – одна из характерных особенностей русской литературы» [24. С. 65].

Все эти особенности позволяют нам рассматривать утопию как социокультурный феномен. Это подтверждается многими исследователями. Культура концентрирует в себе знания, ценности, обычаи, благодаря которым человек и общество формирует свои традиции и идеи. Как подчеркивает Э.Я. Баталов, утопия является живым явлением сознания и культуры [1. С. 10]. Необходимо подчеркнуть уникальность каждой культуры и вытекающие из нее особенности утопических проектов. Более того утопия сама оказывает существенное влияние на культуру и другие сферы общественной жизни.

Н. Бердяеву удалось продемонстрировать особенности культуры через сравнение ее с цивилизацией. По мнению философа, между культурой и цивилизацией нельзя ставить знак равенства. Он отмечает ее благородное происхождение, ее сакральные истоки. Культура произошла от культа и имеет религиозные основы, отсюда истоки ее символизма. Рождение цивилизации напротив связано с борьбой человека с природой. Это является причиной индивидуальности, своеобразия культур и общих признаков цивилизации разных народов.

Н. Бердяев подчеркивает различие основ цивилизации и культуры: если культура имеет духовную основу, то цивилизация – машинную. Культура переходит в цивилизацию, что означает гибель духа. В темпе цивилизации «нет прошлого и нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее». Однако механическое преобразование «жизни», к которому стремится цивилизация с помощью своих средств, не единственный способ такого преобразования – есть еще путь религиозного преобразования, который существует внутри культуры. Реальное преобразование «жизни» связано с волей к чуду, считает философ. Проведенное сравнение позволяет нам сделать вывод о связи между особенностями культуры и выявленными нами особенностями утопии (сакральность, вера в чудо, стремление к вечности, обращенность в будущее).

Эти различия отражаются и на временных представлениях цивилизации и культуры. Цивилизация в отличие от культуры не стремится к вечности, более того, именно конечность времени служит основанием успехов цивилизации. В культуре происходит борьба вечности со временем, в ней действуют два начала: «консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и созидющее новые ценности». Однако в ней не может

быть революционного, разрушительного начала, так как оно изначально антикультурно [5; 3].

По мнению Н. Бердяева, в России воля к культуре захлестывается волей к «жизни», воля имела две направленности, переплетающиеся между собой: стремление к социальному преобразению жизни в цивилизации и стремление к религиозному преобразению жизни, к явлению чуда. Тем не менее, подчеркивает философ, русские создали безобразную цивилизацию, и религиозное преобразование русских было поражено болезненной мечтательностью. Но нам дано понять более остро кризис культуры и трагедию исторической судьбы, воля требует очищения, и тогда «воля его к преобразению жизни даст ему право определить свое призвание в мире» [3]. Культурные особенности России, выделенные Бердяевым, связаны с выделенными нами механизмами генерации утопических проектов в русской философии.

По мнению Бердяева, культура не может развиваться бесконечно, и в момент «смерти» она трансформируется в цивилизацию, где умирает дух культуры. Культура, таким образом, приобретает практическую направленность к организации жизни, происходит социальная энтропия. Цивилизация – это переход к жизни, подчеркивает Бердяев, что свидетельствует о существовании в культуре практического уклона [3. С. 163–167]. Таким образом, поскольку цивилизация имеет практическую направленность (в противовес символическому и созерцательному характеру культуры [3. С. 172–173]), мы можем говорить о ее рациональности, а, следовательно, и о рациональности утопии. Утопия как одна из форм рационализации соединяет в себе социум и культуру с помощью человека и одновременно является их продуктом – социокультурным феноменом. Специфика русской цивилизации заключается в том, что в ней, как указывает Бердяев, воля к «жизни» захлестывает волю к культуре, отсюда и совмещение направленности к социальному преобразению жизни – в цивилизации, и религиозному преобразению – явление чуда [3. С. 174]. Данная специфика является не только причиной существования утопии, но и определяет ее особенности, характерные черты. Российские утопии, несмотря на многообразие их форм, имеют религиозные черты.

По своим социокультурным установкам, отмечает Баталов, утопия амбивалентна, ее общественно-политическая роль противоречива и определяется ситуацией в обществе [1. С. 304–305]. Амбивалентность утопии заключается в неоднозначном отношении человека к окружающему миру, в различии, а точнее в противоречивости существующей в обществе системы ценностей. Авторы утопий, следовательно, пытаются противопоставить новую систему ценностей в создаваемом ими обществе старой, существующей в обществе на данный момент.

Социокультурный мир представляет собой уже заранее конструированный и организованный мир, особая структура которого является результатом исторического процесса, которая отлична для каждого кон-

кретного общества и каждой конкретной культуры. Утопия, являясь продуктом нашей повседневной жизни, вмещает в себя особенности культурных и социальных отношений данной человеческой общности. И это подтверждает вывод о том, что утопия представляет собой социокультурный феномен, включающий в себя специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

---

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Диалог первый. Утопическое сознание / Э.Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.htm> (дата обращения 08.01.11).
3. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре / Н. Бердяев // Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 162 – 174.
4. Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn008.htm> (дата обращения 08.01.11).
5. Бердяев Н.А. О культуре [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. Режим доступа: http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf (дата обращения 04.03.11).
6. Евлампиев И.И. История русской философии. учеб. пособие для вузов / И.И. Евлампиев. М.: Высшая школа, 2002. – С. 5 – 11.
7. Евлампиев И.И. «Конец истории» и многообразие культурно-исторических форм (западная и русская утопия) / И.И. Евлампиев // Философский век: альманах. / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. – С. 79 – 83.
8. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель / Б.Ф. Егоров. – СПб: «Искусство – СПб», 2007. – 416 с.
9. Касьянова К. Репрессия как глобальная модель «ответа» на ситуацию [Электронный ресурс] // О русском национальном характере / К. Касьянова Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php (дата обращения 21.03.11).
10. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; Изд-во «ДАРЪ», 2005. – 336 с.
11. Миненков Г.Я. Русская философия / Г.Я. Миненков // Всемирная энциклопедия: философия / глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – М.: АСТ, Минск: Харвест – Современный литератор, 2001. – С. 882 – 885.
12. Муравьев В.Н. Неведомая Россия. Рев племени / В.Н. Муравьев // Овладение временем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 52 – 72.

13. Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре [Электронный ресурс] // Новый Мир. – 1995. – № 8. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/njvei_mi/1995/8/pomeran.html (дата обращения 08.10.10).
14. Суковатая В.А. Утопические мотивы в философии Всеединства [Электронный ресурс] / В.А. Суковатая. Режим доступа: <http://www.standrews.ru/index-ea=1&ln=1&chp=showpage&num=380> (дата обращения 08.10.08).
15. Терц А. (Синявский А.Д.) Голос из хора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=42578&description=1> (дата обращения 18.09.10).
16. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? [Электронный ресурс] / Г.П. Федотов. Режим доступа: <http://www.vehi.net/fedotov/gossiya.html> (дата обращения 18.10.10).
17. Философия: учебник / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ. 2004. – 511 с.
18. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. Режим доступа: <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml> (дата обращения 08.01.11).
19. Черткова Е. Утопия как тип сознания / Е. Черткова // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 71 – 81.
20. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала / Е. Черткова // Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 156 – 187.
21. Шестаков В. Утопия // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева – М.: Прогресс, 1989. – С. 244 – 248.
22. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
23. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: «Русская идея», 2000. – 446 с.

УДК 323.26

Волынчук Андрей Борисович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Соловченков Сергей Александрович

*Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН
Биробиджан, Россия*

Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности

Представлены результаты исследования социальной напряженности и протестной активности населения шести регионов России. В основу положены материалы социологического опроса. Выявлены закономерности, определяющие интенсивность и характер протестных настроений.

Ключевые слова и словосочетания: *социальная безопасность, конфликтная ситуация, протестная активность, формы протестного поведения.*

Социальная безопасность региона как некоторая обобщенная концепция теоретических и прикладных социологических исследований в последнее время приобретает все большую актуальность. Фактор сохранения стабильности, обеспечения нормального функционирования регионального социума становится все более и более значимым. В силу сложности данного концепта, неполной его проработанности в отечественной науке и практически полного отсутствия зарубежных теоретических аналогов: назрела необходимость в тщательнейшем его изучении, приведении существующих гипотез к единому (либо схожему) пониманию социальной безопасности.

Современное российское общество, находящееся в стадии формирования новой системы социальных, политических и экономических институтов, оказалось в ситуации, когда наблюдается лишь частичное функционирование механизмов снятия социального напряжения и устранения протестной активности. Государство до сих пор не сформировало адекватные механизмы обратной связи от социальных систем, социумов. В связи с этим невозможность использования институциональной системы трансляции в адрес государства причин социальной напряженности приводит к тому, что протестная активность возрастает и замыкается

в своем выходе на региональном уровне, реализуясь в различных формах социальной, политической, экономической и психологической девиации.

Данная статья является попыткой выявления ряда факторов, определяющих возникновение социальной напряженности и протестного поведения. Авторы исходят из того, что современное общество признает право личности на инакомыслие и даже на протестное поведение [1].

Исследование, положенное в основу статьи, проведено в форме социологического опроса, охватившего 4200 респондентов в шести регионах России: Ставропольском крае, Калининградской области, Алтайском крае, Красноярском крае, Новосибирской области, Республике Бурятия. Регионы отбирались по социально-экономическому, социально-демографическому, территориальному и отраслевому критериям.

Методологической основой проводимого исследования послужили институциональная концепция функционирования общества, конфликтологический подход, предложенный Максом Вебером, мобилизационный подход, разработанный Чарльзом Тилли.

Взяв за основу определение безопасности, данное В. Серебрянниковым [7], можно следующим образом сформулировать понятие социальной безопасности: это состояние защищенности социума от внешних и внутренних опасностей и угроз, способных погубить его, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести ущерб, закрыть путь для выживания и развития.

Если опираться на определение, предложенное Р.Г. Яновским [9], социальная безопасность представляет собой наличие объективных и субъективных условий и факторов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность социума и его способность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним разрушительным воздействиям и влияниям, сохранять свою целостность и способность к воспроизводству, а также устойчивость своего развития.

Два предложенных определения, не противореча друг другу, тем не менее, в некоторой степени разнятся. Если подход Серебрянникова опирается на конституирование некоторого статичного состояния, при котором отсутствуют угрозы, то Яновский скорее рассматривает динамическое состояние обеспечения нормальной жизнедеятельности социума. На наш взгляд, наиболее рациональным является комплексное использование предложенных определений, при котором мы сможем учесть как функционально-структурные элементы, обеспечивающие в динамике сохранение социума, так и фиксированный срез нормального состояния социума (т.е. при отсутствии рисков или угроз).

Количество факторов, которые в той или иной степени влияют на социальную безопасность, достаточно велико, и разные исследователи существенно различают их по составу и значимости. Не вдаваясь в дискуссию

по данному вопросу, нам хотелось бы сослаться на определение В. Серебрянникова и А. Хлопьева, предложивших некоторый набор институциональных элементов, входящих в понятие «социальная безопасность».

В соответствии с ним элементами социальной безопасности являются «определенные состояния социальных отношений по поводу политики, экономики, духовно-нравственной жизни, как то: гражданский мир и согласие; политическая система, власть, законы и политика, соответствующие историческому выбору народа, выражающие и осуществляющие его волю; жизнь, здоровье, права и свободы человека; справедливое распределение собственности и доходов; эффективные системы стимулирования труда, государственного регулирования экономики; инфраструктуры жизнеобеспечения людей; системы социального обеспечения и защиты нуждающихся в помощи и поддержке государства; институты социализации человека и ограждающие его от опасностей» [7].

В процессе своего развития социум региона неизбежно сталкивается с рядом проблемных ситуаций, которые могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Проблемные ситуации деструктивного характера в своем развитии становятся угрозой нормального функционирования социума и требуют скорейшего решения и тщательнейшего изучения. Накопление социальных угроз, рисков приводит к нарастанию социальной напряженности и, потенциально, к росту протестной активности населения региона.

Сегодня анализ данного феномена признается одним из наиболее важных аспектов изучения и прогнозирования развития общества и предупреждения социальных конфликтов.

Приняв за основу дефиницию В. Руковишника и внося в нее некоторую авторскую интерпретацию, можно сказать, что социальная напряженность выражает определенное состояние социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим группам [6].

Нельзя утверждать однозначно, что социальная напряженность и протестное поведение как реакция социума на накопление социальных рисков однозначно является отрицательным явлением [5]. В нормально развивающемся социуме протестная активность является одной из форм выражения социальных, политических и экономических требований. Именно в процессе разрешения конфликтогенных ситуаций, порожденных накоплением социальных рисков, реализуется организационная способность власти как политического института воспринимать исходящие от социума сигналы и отзываться на них адекватным образом.

Т. Умбеталиева, анализируя роль социальной напряженности в процессе становления гражданского общества, так же дихотомично подходит

к ее оценке. Она утверждает, что в жизни современного общества социальная напряженность имеет двоякую направленность:

1) негативную, когда на основе неудовлетворенности части населения своим положением социальная напряженность вызывает социально-политическую дестабилизацию в обществе;

2) позитивную, когда социальная напряженность подталкивает определенные группы населения к осуществлению активных действий в поисках решения сложных социальных проблем [8].

Реализация любого из предложенных сценариев может происходить либо с нарастанием социальной напряженности, резким скачком уровня протестного поведения всех возможных форм и перерастанием в социальный конфликт, либо с активизацией деятельности института социальных представительств и разрешением конфликтной ситуации на уровне региона, государства. При этом можно сделать вывод, что социальная напряженность и протестная активность населения, которая не принимает открыто враждебного характера по отношению к каким-либо внешним социальным и политическим объектам, является скорее положительным явлением для государства и региона при условии адекватного функционирования институтов трансляции причин социальной напряженности.

В современной российской реальности сложно утверждать, что институты социальных представительств, то есть те самые механизмы трансляции от социума к власти, работают адекватно или хоть в какой-либо степени удовлетворительно.

В подобной ситуации, с точки зрения Чарльза Тилли, одного из основоположников мобилизационного подхода, протестная активность¹ начинает развиваться как средство мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у населения отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения либо когда власти выступают с решениями, ухудшающими положение людей [4].

Протестную активность мы понимаем как некое, достаточно разнообразное по форме, выражение протестного потенциала. Часто общее понятие «социальный протест» относится к характеристике явлений, различных по своей массовой базе, социально-классовому облику, силе, интенсивности, специфике возбуждающих их факторов [2].

Пытаясь сформулировать общую дефиницию протестного потенциала и протестной активности, мы пришли к следующему: под протестным потенциалом мы понимаем склонность граждан участвовать в протестных

---

¹ В оригинале Ч. Тилли использует понятие «социальное движение». В силу того, что и социальное движение, и протестная активность есть суть одного проявления борьбы населения за свои права и образ жизни, мы позволили себе условно отождествить эти два понятия.

акциях при определенных условиях; а под протестной активностью – вовлеченность граждан в различные формы протестной активности.

На уровень протестного потенциала помимо субъективного недовольства ситуацией влияет способность субъектов к концептуализации социальных и политических отношений и неудовлетворенность деятельностью органов власти. При этом замечено, что чем больше факторов, влияющих на формирование протестного потенциала, «работают» одновременно, тем выше его уровень.

Среди всей совокупности протестных явлений, на наш взгляд, можно выделить три большие группы: политические, экономические и национально-этнические. Рассматривая эти формы протеста как условно обособленные, можно определить, что чаще всего они возникают по причине трансформации представлений населения о базовых ценностях. Так, политический протест возникает как вызов современному содержанию политической власти, характеру и условиям доминирования отдельных социальных групп, существующим сферам влияния. Социальный протест – это ответ на ухудшение качества жизни населения, связанное со снижением средств жизнеобеспечения, уровня заработной платы, недостаточным использованием профессионального и интеллектуального потенциала регионального социума, повышением уровня цен на различные блага, реального доступа к материальным и иным ресурсам. Этнический протест – это реакция этнических и национальных групп на ущемление их политических и экономических прав и интересов. Зачастую этот протест сопровождается статусными и территориальными притязаниями [3]. Несмотря на то, что каждая форма протеста имеет четкий идентификационный аппарат, тем не менее, не стоит их рассматривать изолированно друг от друга. Они должны восприниматься вместе как пересекающиеся плоскости, формирующие социальный протест как единую систему социальной безопасности регионального социума, в которой каждый структурный элемент/процесс является своеобразным катализатором развития другого.

Понятия протестного потенциала и протестной активности неразрывно связаны с понятием «социальный конфликт». Именно практическое воплощение протестных настроений, как правило, является причиной актуализации конфликта, перехода его из латентной в активную фазу. Протест сопровождает конфликты как форма выражения претензий сторонами друг к другу, обозначая предмет конфликта. Именно в силу того, что социальный конфликт, войдя в стадию своего апогея, становится крайне устойчивым и тяжело устранимым явлением, разрешение ситуации на стадии формирования протестного поведения становится основной формой сохранения состояния безопасности для регионального социума.

Используя для анализа материалы социологического исследования, проведенного на базе Алтайского государственного университета (г. Барнаул) мы попытались выявить существующий протестный потенциал исследуемых российских регионов (табл. 1). Если принять за протестный потенциал готовность населения участвовать в митингах и забастовках с применением оружия, то современный протестный потенциал можно оценить в 18 %. Это те люди, которые уже сейчас изъявили готовность принять активное участие в акциях протеста. Стоит отметить, что примерно половина из них (49%) – это люди, которые для решения проблем собираются активно применять силовые методы вплоть до оружия.

Таблица 1

**Доля лиц, высказавших готовность
принять участие в акциях протеста**

Регион	Доля населения с протестным настроением, %	Из них:	
		согласны применить насилие и оружие, %	уже принимали участие в акциях протеста, %
Алтайский край	21	12	18
Калининградская область	17	5	12
Красноярский край	21	13	12
Новосибирская область	15	7	18
Республика Бурятия	18	8	25
Ставропольский край	20	10	13

По регионам картина с уровнем протестного поведения несколько различается. Анализируя табл. 1, с некоторой долей вероятности можно утверждать, что в большинстве регионов, в которых проходило обследование, протестное настроение имеет тенденции к росту. Только два региона – Новосибирская область и Республика Бурятия – показали снижение протестного настроения, т.е. в момент опроса количество граждан, согласных принять участие в протестных мероприятиях, уменьшилось.

Нами была предпринята попытка создания обобщенного портрета человека, склонного к протестной активности. Это мужчина, проживающий в городе, имеющий высшее либо среднее образование и, как правило, бездетный. Данная категория имеет наибольшую склонность к активному выражению своего мнения, готова к применению насилия с использованием оружия и использованию ресурсов криминального мира.

Если детально рассмотреть склонность к разным формам протеста, мы получим примерно следующую картину. Мужчины при большей степени проявления протестного поведения в большей степени склонны ре-

шать проблемы силовым путем. Женщины, в свою очередь, в значительной степени готовы использовать более мирные методы разрешения конфликта. Как видно из табл. 2, они отдают предпочтение митингам, демонстрациям и забастовкам, то есть тем инструментам протестной активности, которые либо совершенно не связаны с силовыми акциями, либо связаны с ними в минимальной степени. В значительно меньшей степени они расположены к открытому противостоянию с использованием оружия.

Таблица 2

Гендерное распределение вариантов протестной активности

Гендер	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Мужской	17,3	59,5	23,2
Женский	30,4	31,0	38,6

Довольно интересной особенностью, с нашей точки зрения, является тот факт, что наличие детей довольно слабо влияет на выбор формы протестного поведения (табл. 3). Если исходить из предположения, что силовые акции протеста с применением насилия априори являются более опасными для жизни участников, довольно странной выглядит ситуация, при которой люди, не имеющие детей, и люди, имеющие одного-двух детей, в равной степени готовы принять в них участие.

Таблица 3

Виды протестного поведения в зависимости от количества детей

Критерий отбора	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Нет детей	23,5	46,7	29,8
Один ребенок	19,6	48,5	31,9
Двое детей	24,4	48,9	26,7
Трое детей и более	19,6	56,5	23,9

Еще более парадоксальной является ситуация при которой люди, имеющие большое количество детей, трех и более, отдают предпочтение именно силовым акциям. Однако если исходить из предположения, при этом не слишком обоснованного, что увеличение количества детей степени оказывает влияние на необходимость значительно быстрее и кардинальней решать социальные и экономические проблемы, все становится более или менее понятно.

Еще одним достаточно неоднозначным выводом является то, что уровень образования также практически не влияет на выбор формы протеста (табл. 4).

Таблица 4

Влияние уровня образования на выбор формы протестного поведения

Образование	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Ниже среднего	22,9	50,0	27,1
Среднее, средне-специальное	23,6	45,6	30,8
Неполное высшее и высшее	20,9	50,6	28,5

Незначительные отклонения в сторону понижения склонности к силовым методам решения социальных проблем наблюдаются в группе людей имеющих среднее и средне специальное образование. Они же чуть более активно склонны участвовать в более мирных вариантах социального протеста. Нам не удалось найти какого-либо приемлемого объяснения тому факту, что люди с высшим образованием и имеющие общее среднее образование примерно одинаково склонны к использованию силовых акций протеста.

Таблица 5

Проявление протестного поведения в зависимости от типа населенного пункта

Тип населенного пункта	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Жители города	21,2	48,3	30,6
Сельские жители	26,6	47,2	26,2
Жители поселков городского типа	6,7	73,3	20,0

В то же время распределение видов протестной активности по типам населенных пунктов выявило определенную закономерность, связанную с тем, что жители поселков городского типа в меньшей степени склонны использовать относительно мирные методы социального протеста (табл. 5). Лишь около 27% из них высказались, что в качестве метода протеста будут использовать митинги, демонстрации или забастовки. Подавляющее большинство жителей ПГТ склонны к применению силовых методов протеста.

Влияние профессиональной принадлежности на выбор протестного поведения

Сфера деятельности	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Промышленность	24,2	50,0	25,8
Строительство	14,5	63,8	21,7
Транспортно-дорожный комплекс	24,5	54,7	20,8
Связь и информатизация	23,1	38,5	38,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	28,0	56,0	16,0
Торговля, общественное питание, сбыт, заготовки	20,3	58,2	21,5
ЖКХ и быстрое обслуживание	28,1	40,6	31,3
Образование, наука	30,4	35,7	33,9
Здравоохранение, физкультура	7,7	38,5	53,8
Культура и искусство	33,3	16,7	50,0
Социальное обеспечение и пенсионное обслуживание	0	66,7	33,3
Финансы, кредит и страхование, банковская деятельность	11,1	77,8	11,1
Государственное и муниципальное управление	22,2	50,0	27,8
Вооруженные силы, правоохранительные органы, МЧС	14,7	58,8	26,5
Средства массовой информации	25,0	25,0	50,0

Анализ по профессиональной принадлежности также дает нам достаточно интересный материал для размышления. Как видно из табл. 6, наиболее «миролюбивыми» оказались работники пяти сфер.

Это по степени возрастания протестной активности: работники культуры, средств массовой информации, образования и науки, здравоохранения и связи. В большинстве своем представители указанных профессий меньше остальных высказываются о том, что они согласны использовать силовые методы решения, а также в значительной степени они не согласны принимать участия в забастовках как наиболее жесткой ненасильственной форме социального протеста.

В разряд наиболее «агрессивных» отраслей попали представители таких профессий, как строители и, как это ни парадоксально, работники социального и пенсионного обеспечения, финансовой и страховой сферы. Вообще стоит отметить, что за исключением первой описанной группы, то есть наиболее «мирных» профессий, остальные профессиональные

группы относительно слабо отличались друг от друга. Столь же неоднозначную картину мы получаем при попытке выяснить, как проявляют протестную активность люди с разной степенью субъективной защищенности (табл. 7).

Таблица 7

Влияние субъективной безопасности на выбор протестного поведения

Степень субъективной защищенности	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Полностью ощущаю себя в безопасности	26,2	55,4	18,5
Скорее ощущаю себя в безопасности	18,5	48,6	32,9
И да, и нет	24,9	45,6	29,5
Не очень ощущаю себя в безопасности	23,1	45,2	31,7
Совсем не ощущаю себя в безопасности	18,9	53,8	27,4

Как видно из представленной таблицы, чуть большую готовность к протестным акциям с применением насилия демонстрируют люди с крайними уровнями ощущения безопасности, т.е. полностью ощущающие себя в безопасности и совершенно не ощущающие себя в безопасности. Люди, склонные к неуверенным ответам, проявляют меньшую готовность к силовым акциям. Для них же более приемлемым способом проявления протестного поведения является участие в митингах и демонстрациях.

В точности такая же ситуация повторяется и с ощущением собственной защищенности от разных угроз.

Полученная нами в процессе анализа картина являет собой весьма фрагментарный и порой неоднозначный результат. Та часть населения, которая содержит элементы протестного поведения, не может быть в полной мере идентифицирована. Это люди разного социального, семейного, профессионального положения. Они неодинаково оценивают свою безопасность и защищенность от разных типов угроз. При этом у них нет какой-либо стержневой характеристики, которая позволила бы сказать, почему значительная часть людей, склонных к протестному поведению, готова апеллировать к силовым или мирным методам протеста.

В завершение нам хотелось бы представить анализ степени участия населения в каких-либо социальных, экономических или политических акциях. Как видно из табл. 8, наибольшую склонность к насилию как форме социального протеста высказывают люди, которые практически никогда не принимали никакого участия в жизни регионального социума.

По результатам исследования к таковым относятся 69% от общего числа лиц, высказавших готовность к каким-либо акциям протеста.

Таблица 8

Соотношение реальной и потенциальной протестной активности населения

Степень участия	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %	% от общего числа ответивших
Никогда	20,9	56,2	22,9	69
Крайне редко	25,9	32,2	42,0	18,4
Редко	25,4	32,8	41,8	8,6
Часто	30,4	13,0	56,5	3
Всегда	11,1	55,6	33,3	1

Второй группой проявляющей наибольшую склонность к силовым методам решения проблемы, относятся люди, весьма активно участвующие в жизни регионального социума, но таких в результате исследования выявлено только 1%.

Социальная безопасность региона как общетеоретическое и методологическое понятие в современной социологической науке разработано недостаточно. Существует множество подходов к определению данного понятия, к методам его изучения, и нахождение какого-либо общего основания для дальнейших исследований продолжает оставаться насущной проблемой.

Социальная напряженность, выражающаяся в некоторой готовности населения принять участие в акциях социального протеста, в современном обществе может быть идентифицирована как достаточно высокая. Однако воплощения в реальность данный показатель не имеет в силу того, что большинство опрошенных не готовы практически реализовывать свои протестные настроения. Вся социальная напряженность, выявленная нами, носит скорее потенциальный характер, который может реализоваться только вследствие сильнеешего социального потрясения.

В следствие невыраженности социальной напряженности идентифицировать субъекта протестного поведения, т.е. создать его законченный социальный портрет, пока не представляется возможным. Тем не менее, решение этой задачи, по нашему представлению, является основополагающим условием формирования устойчивой социальной безопасности как во всей стране, так и в ее отдельных регионах.

---

1. Бубнов Ю. Протестное движение и права человека: социологический очерк экстремизма [Электронный ресурс] / Ю. Бубнов. Режим доступа: <http://zharinov.wallst.ru>.

2. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма / Г. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1990. – 167 с.
3. Волынчук А.Б. Лебедь, рак и щука как модель социально-экономического развития Дальневосточного региона / А.Б. Волынчук, А.П. Крепский // Политическая наука / РАН ИНИОН. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – № 4. – С. 144 – 161.
4. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
5. Головаха Е.И. Потенциал протеста украинского общества / Е.И. Головаха, Н.В. Панина // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 31 – 40.
6. Рукавишников В.О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 3 – 23.
7. Серебрянников В. Социальная безопасность России / В. Серебрянников, А. Хлопьев. – М.: ИСПИ РАН 1996. – 352 с.
8. Шоманов А.Ж. Роль гражданского общества и его институтов в регуляции социальной напряженности в условиях современности / А.Ж. Шоманов // Аналитик. – 2004. – № 4. – С. 15 – 19.
9. Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов / Р.Г. Яновский. – М.: Книга и бизнес, 2001. – 424 с.

УДК 81'23

Филиппова Ольга Владимировна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Лингвопрагматический подход к изучению конфликтного взаимодействия

Понятие «конфликт» встречается в различных областях знаний: социологии, психологии, политологии, педагогике, лингвистике, так как противоречия возникают во всех сферах нашей жизни. Конфликт может возникнуть только при речевой коммуникации, в результате которой каждая сторона отстаивает свои интересы. Цель работы – выявить общие лингвистические средства, которые используют участники конфликта для достижения своих целей. Рассматриваются лингвистические маркеры, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие (на примере английских художественных произведений и их перевода на русский язык).

Ключевые слова и словосочетания: *собеседник, речевой акт, конфликтный диалог, речевая коммуникация, противоборство интересов, коммуникативная неудача, конфликтное взаимодействие, речевое поведение.*

Трудно представить нашу жизнь без общения с другими людьми. Вступая в контакт человек должен осознавать, что взаимодействие с участниками общения может привести к конфликтному столкновению. Конфликтный диалог – интересное явление коммуникации, – часто выступает результатом различий в мировосприятии коммуникантов, их убеждений, эмоционального состояния. При этом участники диалога действуют в рамках определенной социальной и культурной среды в соответствии с установленными носителями языка конвенциональными правилами. Изучением конфликта занимаются философы, психологи, политологи, юристы, педагоги и социологи. Не остались в стороне от изучения этой проблемы и лингвисты, начав рассматривать данный феномен в рамках коммуникации. Авторы изучают конфликтный диалог в устной разговорной речи (Ермакова, Земская), письменной речи (Кукушкина), межкультурной коммуникации (Формановская, Гудков), педагогическом дискурсе (Зубарева), художественном дискурсе (Маслова), юрислингвистике (Кошкарова). Эту проблему рассматривали в своих трудах М. Бахтин, Е. Ширяев, Т. Иванова, Р. Потапова, А. Романов, В. Третьякова и др.

Воспроизводимые индивидами в повседневной жизни модели проявляются и в крупных социальных системах, поэтому можно говорить об изоморфизме процессов межличностного взаимодействия в рамках крупных социальных структур [4]. Социальное взаимодействие реализуется в процессе вербальной и невербальной коммуникации. Л. Комалова рассматривает коммуникацию как смысловой аспект социального взаимодействия. Конфликтное взаимодействие представляет собой нелинейный, естественно развивающийся процесс, который реализуется в речевой коммуникации. Р.К. Потапова говорит о необходимости изучения спонтанной неподготовленной речи в естественных условиях: «...В настоящее время центр исследований сместился с проблем чисто лингвистического описания высказывания к проблемам описания интерпретации всего процесса речевой коммуникации в целом» [4].

В устной речевой коммуникации высказывание (сообщение) рассматривается как комплексная единица. В процессе коммуникации участники диалога используют различные источники информации, которые могут включать речевую ситуацию, контекст, структуру языка (лексику, синтаксис, фонологию и т.д.), невербальные ориентиры [6].

Существуют различные модели речевой коммуникации. Р.К. Потапова выделяет *традиционные* и *современные* модели (цепи) коммуникации. Указывая на неточность традиционной модели, она подчеркивает, что речевая коммуникация должна начинаться с мотивации и целей говорящего в ситуации коммуникативного взаимодействия. Важное звено в цепи – это коммуникативная интенция, точно сформулированное решение послать определенное сообщение. В современной модели процесс коммуникации описывается с помощью следующих компонентов: говорящий, слушающий, текст, ситуация, хранилище знаний и владение языком (у говорящего), кодирование, хранилище знаний и владение языком (у слушающего), декодирование, психофизическое состояние говорящего, интенция (намерение), тактика поведения по отношению к партнеру, оценка ситуации говорящим, психофизическое состояние слушающего, ожидание, оценка ситуации слушающим, тактика поведения по отношению к партнеру по коммуникации [6].

Речевой конфликт является, прежде всего, речевым актом, следовательно, необходимо дать определение речевому акту. Речевой акт – это минимальная единица речевой деятельности, выделяемая и изучаемая в теории речевых актов – учении, являющемся важнейшей составной частью лингвистической прагматики. Согласно Дж. Р. Сёрлю, речевые акты не существуют сами по себе, именно благодаря связи с сознанием они способны представлять («репрезентировать») существующие в мире вещи. В этой связи Сёрль вводит понятие интенциональности, т.е. направленности сознания на предметы. Носителями интенциональности он

в противовес традиционным теориям считает не убеждения и желания, а восприятия и действия [8].

Поскольку речевой акт – это вид действия, то при его анализе используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т.п. Субъект речевого акта – говорящий производит высказывание, как правило рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. В зависимости от обстоятельств или от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо достичь поставленной цели и тем самым оказаться успешным, либо не достичь ее. Чтобы быть успешным, речевой акт, как минимум, должен быть уместным. В противном случае говорящего ждет *коммуникативная неудача*, или речевого конфликт [8].

Процесс межличностного общения – явление достаточно сложное. Об этом свидетельствует обилие работ, в которых затрагиваются различные аспекты коммуникации. Одна из важных характеристик общения – его эффективность. Признавая общение эффективным, мы имеем в виду, что коммуникативное намерение говорящего осуществлено, т.е. высказывание полностью услышано и понято адресатом, а в случае пробуждения адресата к совершению действия или изменению состояния требуемое слушающим выполнено. Предполагается также, что, стремясь к максимально эффективному общению, коммуниканты руководствуются максимами принципа кооперации и вежливости, о котором говорит Г.П. Грайс [2]. Данный принцип рассматривает коммуникативное намерение говорящего и то, как его слова были поняты и восприняты другими участниками диалога. Принцип включает в себя следующие максимы успешной коммуникации: качество (сообщайте правдивую и аргументированную информацию); количество (не сообщайте избыточную информацию); релевантность (сообщайте информацию, которая соответствует цели общения); манера (избегайте двусмысленности, неясности). Соответственно нарушение данных максим и ведет к провалу коммуникации.

Под термином «коммуникативная неудача» понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации [1], а также «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [3]. Причиной коммуникативной неудачи могут стать не только языковые факторы (полисемия, омонимия и т.д.), но также психологические факторы (различия между двумя говорящими в восприятии картины мира, различия в характерах коммуникантов).

В.С. Третьякова указывает на то, что конфликт – это двустороннее поведение, базирующееся на коммуникативном контакте. Противоположность позиций или мысленное действие, никак не выраженное вовне, не являются элементами конфликта, если действует только один участник [9].

Речевой конфликт – это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами. Материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т. п.) [10].

Согласно Третьяковой, экспликация существующих между двумя сторонами противоречий происходит чаще всего на вербальном и речедейятельностном уровнях. Поэтому актуальным становится изучение речевого поведения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения данных противоречий. Знание сценариев конфликтного типа взаимодействия и соответствующих речевых жанров обеспечивает предсказуемость речевого поведения в подобных ситуациях и моделирование коммуникантами как самой ситуации, так и своего поведения в ней. Это дает возможность избежать неожиданностей, непредсказуемости в общении, а это, в свою очередь, исключает возможность конфликтного развития взаимодействия [10].

Выбор лингвистических средств и конкретные речевые действия зависят от каждого участника коммуникации как языковой личности. Обмен речевыми действиями участников общения называется коммуникативным актом. Он имеет свою структуру и содержание. В конфликтном коммуникативном акте (ККА) структура и содержание речевых действий определяется рядом несоответствий и противоречий, которые имеются между участниками.

Среди языковых средств, маркирующих ККА, особое место занимают многозначные слова и омонимы, ненормативная и негативная оценочная лексика, специальные номинации собеседников по какой-либо примете, слова-агнонимы (неизвестные, непонятные или малопонятные многим носителям языка слова). Грамматическими маркерами конфликта являются местоимения 2-го лица «ты» и «вы» и глагольные формы 2-го лица единственного и множественного числа, выбор которых имеет под собой тактические основания; личные местоимения «он», «она» по отношению к лицу, присутствующему при разговоре; большой конфликтогенной силой обладают императивы совершенного вида, частицы, вводные слова, специальные синтаксические структуры в несвойственных им денотативных значениях (фразеосхемы). Отмеченные языковые единицы форми-

руют содержание и структуру ККА и служат яркими маркерами речевого конфликта [10].

Проиллюстрируем лингвистическую составляющую конфликтных диалогов и их переводов из художественной литературы. Речь персонажей из пьесы известного английского драматурга Джона Бойнтона Пристли «Время и семья Конвей» точно воспроизводит устную форму разговорной речи и характеризуется теми же чертами, что и разговорная речь в ее устном варианте [11]. Следует сказать об особой важности авторских ремарок в данных произведениях, которые здесь играют огромную роль и помогают лучше понять настроение героев и их внутренний мир.

Hazel (coolly): I've forgotten the word.

Carol (indignantly): Hazel, you're the **limit**! And we spent hours working it out!

Hazel: I didn't. Only you and Kay, just because you fancy yourselves as budding authoresses and actresses.

Kay (severely): The word – idiot! – is Pussyfoot. Puss. See. Foot. Then the whole word.

Хейзл (равнодушно): Я забыла слово.

Кэрол (с досадой): Хейзл, ты **невозможная**! Мы целую вечность это сочиняли!

Хейзл: Я ни при чем, сочиняли только ты и Кей, вы ведь воображаете, что вы будущие писательницы и артистки.

Кей (сурово): Дурочка, запомни, загадано слово «Кислятина». Кис. Ля. Тина. А потом все вместе [7].

Конфликтная ситуация была спровоцирована одной из сестер намеренно. Она делает вид, что ей все происходящее вокруг не важно, обижаясь на то, что её сестры считают только себя талантливыми артистками, и пытается вывести их из себя. С точки зрения прагматики она нарушает максимум качества, так как то, что она говорит является ложным, тем самым выводит коммуникантов из себя. Её называют **the limit**, переводчик передает его словом *невозможная*, что является вполне подходящим в данном контексте.

Переводчик передал слово **idiot**, которым одна из сестер назвала другую, как *дурочка*, смягчив, таким образом, значение английского варианта, что абсолютно оправдано в данном контексте. Отношения сестер отнюдь не враждебные, просто одна из них укорила в забывчивости другую. Слово *идиотка* указало бы на непреодолимые разногласия между героями и дало бы читателю ложное представление об отношениях в семье.

Mrs. C.: **But** why, dear, why? It isn't sensible. If you're having a party, you're having a party.

Kay (earnestly): Yes, it isn't that. And it isn't that you suddenly dislike the people. But you feel – at least I do, and I suppose that's what father felt too – you feel, quite suddenly, that it isn't real enough – and you want something to be real. Do you see, Mother?

Mrs. C.: **No I don't, my dear.** It sounds a little morbid to me. But your father could be quite morbid sometimes – you mightn't think so, but he could – and I suppose you take after him.

Missus K.: Но почему, дорогая, почему? Это неразумно. Раз уж позвали гостей, значит, у тебя гости и должно быть весело.

Кей (серьезно): Не в том дело. И не то чтобы эти люди вдруг тебе стали неприятны. Но чувствуешь – по крайней мере, у меня бывает такое чувство, наверно, и с папой тоже так было, – вдруг, ни с того ни с сего, чувствуешь, что все это не настоящее, и хочется чего-то настоящего, подлинного. Понимаешь, мама?

Missus K.: Нет, дорогая, не понимаю. Как-то мрачно это звучит. Правда, ваш отец иногда бывал очень мрачный... вам, наверно, это странно, но с ним так бывало... наверно, ты пошла в него [7].

В этой ситуации конфликт возникает на почве чуждой коммуникативной среды, которая сводит усилия участников к нулю. У матери и дочери отсутствует настроенность на внутренний мир друг друга. Непонимание происходит из-за психологических различий, из-за разных интересов, мнений. На наш взгляд, в данной ситуации слова матери не являются уместными, так как она могла бы попытаться понять дочь, но она лишь аргументирует это тем, что праздник есть праздник. Происходит пренебрежение одной из максим успешной коммуникации – релевантности, коммуникативное намерение дочери остается непонятым.

Союз **but**, который был переведен абсолютным эквивалентом *но*, показывает нам близкую степень родства адресанта и адресата и отсутствие необходимости придерживаться формальностей. В качестве возражения приводится информация, которая противоречит мнению другого коммуниканта.

Кроме того, используется отрицание как результат оценки истинности сообщаемой информации: **No I don't, my dear** – такая реакция в английском языке может быть выражена лексико-грамматической формулой *No, S+P+not*, которому в русском языке соответствует реплика-повтор *Нет, дорогая, не понимаю*, её структура совпадает со структурой английской реплики.

Carol: **Mother, you weren't going to be an actress, were you – just a singer?**

Mrs.C.: I don't know what you mean by just a singer. I was a singer **certainly**. But I did some acting too. When the Newlingham Amateur Operatic

first did "Merry England", I played Bess. And I'd had all you children then. You were only about two, Carol.

Кэрол: Мама, а ты никогда не собиралась стать актрисой, только певицей, да?

Миссис К.: Не понимаю, что это, по-твоему, означает – только певица. Конечно, я была певица. Но я и на сцене играла. Когда Ньюлингемский любительский оперный театр впервые поставил «Веселую Англию», я выступала в роли Бесс. А у меня **уже родились все вы**. Тебе, Кэрол, тогда еще и двух лет не исполнилось [7].

Этот конфликт является наглядным примером эффекта несоответствия, который возникает тогда, когда слова одного из собеседников не нравятся другому, потому что он считает неправомерным их употребление в свой адрес. Мать придает огромное значение слову *только*, соответственно оно приобретает отрицательную коннотацию и, по её мнению, звучит как оскорбление. Провал коммуникации случается из-за несоблюдения успешной максимы общения – манеры. Слова: «**Mother, you weren't going to be an actress, were you – just a singer?**», которые, на первый взгляд, не содержат ничего оскорбительного, воспринимаются матерью как оскорбление, так как она посчитала их принижающими её профессию. В английском языке используется разделительный вопрос с отрицанием, что является грубоватой формой. В переводе коннотацию слова *только* можно передать интонацией.

Слово **certainly** показывает, что эффект несоответствия может возникать, когда сообщаемая информация расценивается как положительная и само собой разумеющаяся одним из коммуникантов, а другой – относится к ней иначе. Слово *certainly* подчеркивает позицию говорящего, и здесь переведено как **конечно**, что является просто эмоциональным *да*. На наш взгляд, лучше было бы использовать слово *разумеется*, поскольку в русском языке именно оно имеет подтекст: «что уж тут спрашивать».

Во фразе *And I'd had all you children then*, говорящий для усиления значения своих слов использует перфект: *А у меня уже родились все вы*.

Анализ варианта оригинала и его перевода, проведенный методом сопоставления, выявил, что существуют различные способы лингвистического выражения конфликта. Выбор этих средств напрямую зависит от причин, вызывающих конфликт. Выбор языковых средств выражения конфликта часто определяется на прагматическом и стилистическом уровнях. В зависимости от социокультурных особенностей языка выбор тех или иных средств происходит согласно установленным рамкам, в соответствии с которыми ведут себя носители языка.

Следующий пример из романа С. Мозма «Театр». Это диалог между актрисой Джулией и директором театра, в котором она служит, Джимми Лэнгтоном. Перед нами конфликтная ситуация.

Julia went up to him and *stared* into his eyes *searchingly*.

"Have you done all this to get me to stay on for another year? Have you broken my heart and ruined my whole life just to keep me in your rotten theatre?"

"I swear I haven't. I like you and I admire you. And we've done better business the last two years than we've ever done before. But **damn it**, I wouldn't play you a **dirty trick** like that."

"You liar, you filthy liar."

"I swear it's the truth."

"Prove it then," she said *violently*.

"How can I prove it? You know I'm decent really" [5].

Джулия подошла к нему и *испытующе* посмотрела в глаза.

- И вы все это **подстроили**, чтобы заставить меня пробыть у вас еще сезон? **Разбили** мне сердце, **разрушили** всю мою жизнь только ради того, чтобы удержать в своем **паршивом театре**?!

- **Клянусь, что нет.** Ты мне нравишься, я восхищаюсь тобой. И за последние два года дела у нас идут как никогда. Но, **черт подери**, такой подлости я бы не совершил.

- **Лгун, грязный лгун!**

- Клянусь, это чистая правда.

- Докажите это тогда! – *горячо* сказала она.

- **Как я могу доказать? Ты сама знаешь**, я действительно порядочный человек.

Директор театра отказывается дать Джулии истинную информацию, преследуя свои личные намерения. Чтобы убедить партнера по коммуникации (Джулию), он дважды повторяет одну и ту же фразу (I swear), настаивает на своем. Неразвернутое ложное высказывание **"I swear I haven't"** блокирует выдачу запрашиваемой информации о том, что адресант причастен к тому, что ее жених, актер Майкл, уезжает на год по контракту в Америку. Лэнгтон меняет тему разговора: льстит, восхищается Джулией, готов пойти на некоторые уступки, чтобы отвлечь ее от действительного положения вещей. Этой же цели служит многословие: директор выдает слишком много ненужной информации. Когда Джулия требует доказательств, он задает встречный вопрос: **"How can I prove it?"** и вновь переходит к другой теме, начиная говорить о своей порядочности: **"You know I'm decent really."**

Вербальный контекст, включающий сниженную лексику (*damn it, filthy liar, a dirty trick*), позволяет предположить невербальные средства

коммуникации. В данном случае это *повышение тона*, выдающее гнев и раздраженное состояние одного из участников разговора и страх перед разоблачением другого.

В результате анализа произведений английской художественной литературы и их переводов мы пришли к выводу, что язык выражения конфликтного диалога имеет свои особенности. Развитие конфликта в речи происходит за счёт использования определенных стереотипных логических и синтаксических структур. Можно выделить несколько наиболее распространенных способов лингвистического выражения конфликта: использование противительного союза *but*, которому в русском языке соответствует союз *но*; лексико-грамматическая формула *No, S+P+not / V+not*, которой в русском языке соответствует формула со сходной структурой; использование вводных слов противительного характера, клише; употребление оскорбительных слов; применение кодифицированных выражений; использование модальных и отрицательных конструкций. Причины коммуникативных неудач и отношения между участниками разговора определяют не только спектр возможных вариантов языкового выражения конфликта, но и тактику поведения адресата и адресанта. Дальнейшее исследование может касаться невербального выражения конфликта и анализа паралингвистических средств, сопровождающих речевое взаимодействие.

---

1. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач: учеб. пособие для вузов / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова. – Новосибирск, 1985. – 150 с.
2. Грайс Г.В. Логика и речевое общение: учебник для вузов / Г.В. Грайс. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.
3. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач: учебник для студ. вузов / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская. – М.: Наука, 1993. – 180 с.
4. Комалова Л.Р. Речевая коммуникация в ситуации конфликта / Л.Р. Комалова // Вестн. МГЛУ. Серия 1. Филология. – Минск, 2008. – №5. – С. 117 – 126.
5. Моэм У. Сомерсет. Театр: книга для чтен. на англ. яз. / Сомерсет У. Моэм – М.: Менеджер, 2004. – 304 с.
6. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учеб. пособие / Р.К. Потапова. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; 3-е изд. – М., 2003; 4-е изд. доп. – М., 2008.
7. Пристли Дж. Б. Время и семья Конвей / Дж. Б. Пристли; пер. с англ. А. Гутиев, Н. Самуэльян. – М.: Менеджер, 1997. – 207 с.

8. Речевые акты: лингвистика. Intell [Электронный ресурс]. – М.: Кругосвет, 2006. – 1 электрон., опт. диск (CD-ROM).
9. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста / В.С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127 – 140.
10. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В.С. Третьякова // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2003. – Вып. 14. – № 27. – С. 26 – 42.
11. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка: учеб. пособие / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.

УДК 65.015.07

Моисеев Алексей Иванович

Oriental Consulting

Владивосток, Россия

Эволюция японского бизнеса: добыча и индустриальное производство в разрезе трудовых отношений

Успех японского менеджмента и организация бизнеса за последние сорок лет скорректировали ориентацию научного и бизнес-сообщества, привели к организации кафедр, занимающихся гибкими производственными системами, инициировали огромные комплексные проекты по внедрению бережливости в цехах добычи и производств, породили непостижимое количество мифом о японцах в советском и российском обществе. Однако, несмотря на огромное количество публикаций, не так много людей осведомлены о том тяжёлом пути, который прошло общество, выработавшее эти технологии. Понять этот процесс – цель автора настоящей статьи.

Ключевые слова и словосочетания: добыча, производство, трудовые отношения, японский менеджмент, организация производства, история Японии.

Введение

Любые теоретические приемы и практический опыт познания такой страны, как Япония, едва ли можно считать эффективными, если нет понимания того, как формировалось японское общество. Общество, которое в настоящее время добилось крупного успеха в различных областях материальной культуры – гибких и бережливых производствах. Общество, сделавшее японскую культуру интересной мировой общественности, которая в значительно меньше степени интересуется не менее любопытными культурами, например нивхов и эвенков. В этом кратком обзоре мы рассмотрим некоторые аспекты развития Японии и японцев в новое и новейшее время.

Современная Япония у многих ассоциируется с мультфильмами аниме, красивым уходом из жизни, пониманием Пути Война, ниндзя, офисными трудоголиками, высоким процентом самоубийств, суши и роллами. Но на сколько это соответствует реальному положению дел?

И.А. Латышев, достаточно активно изучавший японское общество, пишет [1] о полном распаде традиционных японских семейных отношений уже к 70-м годам прошлого века, обнаружении захоронений вне

кладбищ¹, о нищете средних семей, серьёзном разрыве во взаимопонимании между поколениями и т.д. А. Гордон, десятки лет изучавший сохранившиеся документы [2], пишет о том, что японские жёны в день зарплат ждали мужей у входа на фабрику (иначе все деньги немедленно спускались на спиртное), причём день зарплаты приходилось переносить на последний день перед выходными (иначе несколько рабочих дней терялись, и победить это не мог никто вплоть до Второй мировой войны), а частая смена работы была нормой. Получается, что японское общество было не так уж сильно непохоже на российское².

Попытки получить достаточно информации о переходе страны от уровня отсталого аграрного формирования до мирового лидера обычно начинаются с изучения русскоязычной литературы. Среди публикаций можно выделить много книг, написанных под влиянием романтических настроений (например, «Тень Сурка» Сергея Агафонова), часто наполненных своим частным пониманием сложных вопросов и отсутствием ссылок на серьёзные источники, претензиями (не всегда обоснованными) на учёность и истину в последней инстанции. Также нельзя не заметить книги, наполненные сухими (иногда даже дословными, но от того не менее интересными в качестве справочников) переводами (например, книги по трудовым отношениям Любови Кареловой). Безусловно, наличие в стране Института стран Азии и Африки МГУ не может нас оставить без книг по истории Японии, но и они не всегда могут снабдить нас необходимой информацией, фактами и аналитикой о положении в экономике и промышленности. К сожалению, в России пока ещё редкий филолог является достаточно хорошим специалистом в производстве, добыче или менеджменте.

Промышленность

Реставрация Мэйдзи (1866 – 1869) до сих пор вызывает много споров у учёных и обеспечивает возможностями писать диссертации. Мы же с вами попытаемся просто рассмотреть процессы, которые сопровождали начальный период индустриализации страны.

К концу периода Токугава в стране не было всеобщего обязательного образования, в головах людей ещё не было точного понимания минусов ремесленного и семейного производства, не было промышленного оборудования (не говоря уже о возможностях для его производства) и т.д. Но была воля сверху всё изменить. Результатом стало не только то, что к Первой мировой войне у Японии были современные военные корабли собственного производства, но закрепление за страной статусов одного из

---

¹ Места на кладбищах стоят дорого, а молодые семьи редко обладают необходимой суммой.

² Исходя из собственного опыта работы автора в Сибири, на Дальнем Востоке и в Москве с приехавшими подработать.

«Драконов Азии», лидера экономического роста, источника опыта и знания для бережливого и гибкого производств и др.

Среди наиболее значимых фактов с точки зрения управления человеческими ресурсами и производством можно выделить не прямое управление. Появление оборудования в Японии привело к организации судостроительных компаний, арсеналов и других предприятий. Но менеджмент слабо себе представлял процесс управления работами на самом нижнем уровне. Набор сотрудников и их увольнение, вопросы зарплат и бонусов, распределение задач и приёмка работы – всё находилось в руках так называемого ояката (親方). Строго говоря, новых сотрудников не нанимали так, как нанимали менеджеров. Рабочие просто приходили в цех и спрашивали про наличие работы для них.

С некоторой степенью точности такой вариант сотрудничества людей и капитала напоминает передачу работ на аутсорс. Далекое не каждый руководитель отдаст фронт работ внешнему подрядчику в лице одного человека.

Мастерство в ручном труде достигается продолжительной работой, даже в таких новых (на то время) отраслях, как токарная обработка и машинная отделка деталей, что является одной из причин того, что руководство ещё было вынуждено опираться на бессистемное «обучение в бою»¹ ояката. Такама Дзироити так описывал работу в Исикавадзима в районе 1902 г.: «Я нанялся как ученик в цех котельщиков. Дела не были чётко разделены с цехами крановщиков и корабельщиков. Кораблестроение могло включать всё... Мы делали заклёпки, мы же сверлили. Ремесленники в те дни занимались всем. Если они не могли, то их просто не нанимали. Не было специалиста по заклёпкам, все были корабельщиками».

Очевидно, такое положение дел не могло устроить ни менеджеров, ни бизнес в целом. Компании хотели влиять напрямую на сотрудников. Этого можно было достичь только за счёт внедрения всеобщей шаблонизации и стандартизации, грубо говоря, единого языка для работы и общения между сотрудниками одной компании с непересекающимися областями знаний.

Постепенно ояката были оттеснены на второй план – кто-то стал начальником отдела, кто-то простым рабочим, в редчайших случаях ояката переходил в управленцы. Этот процесс раскрыл одну из наиболее серьёзных проблем формирующихся корпораций – частая смена работы рядовыми сотрудниками. Бывшие крестьяне и обедневшие самураи быстро поняли, как сильно зависит зарплата от навыков и знаний, и многие виде-

---

¹ Нельзя отрицать, что «бразильская система» работает не одинаково на всех, и (как любая монета или медаль) имеет оборотную сторону.

ли в переходах путь повышения собственного уровня (и, соответственно, стоимости).

Надо отметить, что рабочие были хорошо мотивированы к повышению своей стоимости. В 1902 г. в рамках исследования Сёкко дзидзё были опрошены два сотрудника металлургических цехов, работавших на одном из заводов – Исикавадзима или Сибаура. Более молодому сотруднику было 34 года, 7 из которых он проработал в его текущей компании. Он получал 60 сен в день. Его старшему другу было 54 года, стаж на текущем месте 15 или 16 лет, а дневная зарплата составляла 50 сен. Навыки определяли зарплату человека на старте работы в компании, и, если не считать фаворитизма и кризисов, именно навыки больше всего влияли на рост зарплаты. Средний опытный сотрудник, работающий 10 часов в день плюс сверхурочные, приносил каждый день домой от 30 до 60 сен на рубеже XVIII – XIX вв. (100 сен = 1 йена). Ёкояма Генносукэ, один из первых журналистов, заинтересовавшийся жизнью низших классов японского общества, рассматривал случай хорошо оплачиваемого рабочего с семьёй из четверых человек в 1899 г., который получал 60 сен в каждый из 26 рабочих дней в месяце, зарабатывая 13 йен. Он вычел стоимость простой еды (рис, овощи и рыба), масло для приготовления еды, топливо, стоимость аренды жилья и выпивки, и оказалось, что семье остаётся не более чем 60 сен на другую пищу (суп мисо и соевый соус), не говоря уже об одежде. Ёкояма подсчитал, что 60 – 70% токийских рабочих едва ли могли прокормить свою семью, и он описал мрачную жизнь, наполненную ссорами и разницей в образовании детей. Другие исследования описывают схожие ситуации. Даже более оплачиваемые рабочие едва-едва могли позволить себе покупать еду, одежду и снимать грязную лачугу в качестве жилья.

Сложившаяся ситуация плавно меняла организационную структуру компании, усложняя должностное расписание.

Регулярные повышения зарплаты были вынужденным ответом на ежедневные проблемы текучки кадров. Это был рациональный шаг в тех ситуациях, в которые попадали управленцы эпохи Мэйдзи. Нехватка квалифицированных рабочих в промышленности возникла по причине запоздалой индустриализации страны. Предпринимая шаги к снижению расходов, связанных с текучкой, руководители смотрели на более престижные государственные компании, где должностная лестница была уже хорошо проработана.

Государственные предприятия, такие, как военная верфь Ёкосука, использовали наиболее продвинутые шкалы дневных выплат. В 1873 г. в Ёкосука работала иерархия должностей, состоящая из 21 уровня, для каждой должности была указана точная вилка ежедневных выплат от 10 сен для низовых рабочих до 50 сен для управленцев верхних рангов. При вне-

дрении этой системы руководители Ёкосука отметили, что отсутствие возможностей для развития было основной причиной текучки кадров и потери опытных рабочих. Должностная лестница, как предполагалось, заставит рабочих «прилипнуть» к заводу и «карабкаться» по лестнице. Частные компании, как правило, не использовали столь проработанных систем выплат, однако, ощущая необходимость стимулирования рабочих, предлагали некоторым рабочим полугодовую индексацию зарплат.

В условиях малого количества опытных рабочих и их повышенной мобильности бесплатное повышение квалификации должно было сформировать группы опытных рабочих и техников, привязанных к компании. Они подкрепили надежды тщательной проверкой кандидатов в ученики, а также контрактом, который обязывал человека оставаться в компании в течение нескольких лет после окончания обучения. Судостроительный завод Мицубиси в Нагасаки установил бесплатное обучение в школе для детей рабочих. Рабочие для повышения квалификации набирались из людей, окончивших начальную школу. В первый класс в 1899 г. было набрано 42 студента. Старшие из них, без образования, учились по отдельному расписанию. Металлургический завод Яхата, находившийся в северной части Кюсю, был физически изолирован от других предприятий и потому испытывал серьёзный недостаток в рабочих руках. В Яхата установили трёхлетние образовательные программы в 1910 г. От тщательно проверенных кандидатов требовали 6-летний срок пребывания в компании после завершения обучения. Яхата полностью оплачивала обучение, но требовала деньги назад с тех, кто не отработывал 6 лет.

Отсутствие квалифицированных кадров заставляло компании в регионе Кёхин устанавливать тесные связи с местными школами. Доковая компания Урага в 1906 – 1907 гг. спонсировала обучение своих сотрудников в трёх ближайших школах. Сначала компания просто нанимала выпускников этих школ (16 – в 1909 г., 1 – в 1910 г., 8 – в 1911 г.), но в 1910 г. компания установила более близкие отношения со школами и стала отправлять всех новонабранных рабочих на трёхгодичный курс обучения. На дневном обучении после работы с 16 до 21 часов молодые рабочие изучали японский и английский языки, математику в дополнение к промышленному проектированию и производству. В расписание также были включены предметы по проектированию инструментов, использованию инструментов по дереву и по металлу, а также разметке. Урага отмечала наиболее способных рабочих, что в перспективе способствовало продвижению до мастера. Компания уделяла много внимания росту навыков учеников, повышая рабочих с хорошей успеваемостью. Когда происходило увеличение зарплат, рост довольствия студентов зависел от их школьных записей. Сибаура и Исикавадзима были спонсорами подобных программ в Токио, начавшихся в 1905 г. Для Исикавадзима долгосрочное

обучение рабочих было основной проблемой, так как они пребывали с компанией короткое время. Сибатура попыталась решить эту проблему. В компании верили, что квалифицированные рабочие были необходимы, однако рабочие того времени были малообразованы и испытывали недостаток в навыках, а значит, очень нуждались в реформах. Токийская высшая производственная школа и Токийская рабочая школа установили специальные образовательные программы под эгидой токийского ведомства по коммерции. Сотрудничающие компании присылали своих студентов пропорционально участвующему капиталу. На первых парах к программам присоединились только три компании. Сибатура прислала 20 рабочих, а Токийская газовая компания и Исикавадзима прислали менее 10 рабочих каждая.

Весь столь поверхностно рассмотренный период сопровождался чередой кризисов. Одним из самых сложных был кризис, вызванный резким снижением заказов от военного ведомства по причине окончания Русско-японской войны.

Формирование рабочего класса вызвало появление профсоюзов, различных видов страхования, центров обучения, бюджетов на социальные расходы и т.п.

Добыча

В настоящее время за Японией закрепились слава страны, практически лишённой полезных ископаемых. Недавно были получены первые образцы сланцевой нефти [4] из месторождения, коммерческая эксплуатация которого едва ли будет целесообразна в ближайшие десятилетия, однако этот факт стал новостью для большинства японских изданий.

Но так было не всегда. Более семи веков назад Япония активно экспортировала золото и серебро [5]. Пять веков назад Япония была крупным экспортёром ресурсов (прежде всего природного угля), что и стало, как считается, одной из причин (или возможностей) появления, развития и роста конгломератов дзайбацу.

Добыча металла бурно развивалась в XVI – XVII вв., когда основное место в экспорте заняли серебро и медь. Эти ресурсы наряду с золотом добывались во многих районах Японии. По данным Казуо Нимуры, в начале XVII в. Япония отгружала по 200 тонн серебра ежегодно, что являлось третьей частью всего мирового производства этого металла.

Что же касается людских ресурсов, занятых на рудниках, то точных сведений на данный момент нет. Однако по документальным свидетельствам, дошедшим до наших дней, специалисты предполагают, что в разные годы эпохи Токугава (1603 – 1867) основные производства давали работу от 10 000 до 200 000 японцев.

Этот период важен для рассмотрения, так как даёт более глубокое понимание процессов формирования рынка труда в Японии с началом индустриализации, инициированной Императором Мэйдзи. На тот момент Япония уже обладала многовековым опытом попыток организации производственных компаний. Основными проблемами этих попыток было почти полное отсутствие школ подготовки специалистов, отсутствие технологий (не умели организовывать подачу и циркуляцию воздуха, дренаж, не было знаний складской логистики, остальные логистические проблемы генерировали не меньшие потери), что привело к затуханию отраслей.

С началом периода Мэйдзи в Японию пришли Западные технологии: смогли работать на более глубоких рудниках, научились использовать динамит, что вдохнуло новую жизнь в японскую добычу (на фоне достаточной). Уголь и медь наряду с шёлком стали основными экспортными товарами страны.

В эпоху Токугава Японии было практически негде использовать добываемый уголь (не считая нескольких производственных процессов), однако при Мэйдзи рост экспорта сопровождался резким ростом внутреннего использования (в связи с индустриализацией). Для многих дзай-бацу рудники стали источником сверхдоходов.

В 1881 г. в Японии 32 тыс. рабочих трудились на добыче металла и ещё 19 тыс. работали на угольных шахтах.

Конечно же, такое количество рабочих, живущих в очень плохих условиях (в том числе финансовых), едва ли могло быть абсолютно довольно всем. Сильные профсоюзы появились намного позже, а в конце XIX в. в относительно старой отрасли стачки были обычным явлением. В 1887 г. только на одной угольной шахте Такасима было 10 забастовок.

В истории японского бизнеса одно из центральных мест занимают крупнейший в Азии медный рудник Асио (足尾) и месторождение такого гиганта, как Футджитсу. Это месторождение официально открыто в 1610 г., однако о нём было хорошо известно ещё в середине XVI в., и добыча на нём контролировалась сёгунатом напрямую. В 1684 г. рудник давал 1500 т сырья в год. Так же как и в других случаях, со временем из-за отсутствия технологий добыча сокращалась, несмотря на огромные запасы руды. Асио ожило в 1877 г., когда Фурукава Итибей (позже известный как «Король Добычи») получил контроль над ней и привёз взрывчатые вещества для разработки тоннелей, а также решил старые проблемы с отводом воды из шахт и циркуляцией воздуха. К 1885 г. Асио отгружала 4 131 т в год, а к 1906 г. уже 6 787 т. Но радость от побед была недолгой, так как в 1907 г. произошла экологическая катастрофа, которая закрепила за рудником имя «место рождения загрязнения Японии» («Japan's pollution birthplace»).

Таким образом, к старту индустриализации японские менеджеры высшего и среднего звена уже были хорошо знакомы с широким спектром проблем, которые сопровождают экономический рост.

В отличие от производства (где требуется грубая мужская сила), описанного в предыдущей части, на добыче могли трудиться женщины. В 1906 г. в Асио на поверхности работали 575 женщин, то есть примерно 5,2% от общего количества рабочих. В шахтах Тикухо (Кюсю) женщины составляли около 30% и работали в том числе и под землей. Причина, по которой такое не было принято в Асио, довольно проста: считалось, что близлежащие горы защищает не бог, а богиня, которая сильно расстраивается, когда женщина спускается в забой.

Обычно женщины получали половину зарплаты мужчин. В начале 1900-х гг. женский обслуживающий персонал получал 17 – 19 сен, тогда как мужчина на той же работе получал не менее 40 сен.

Надо отметить, что жизнь женщин на других производствах была намного сложнее. Текстильные фабрики, куда часто шли девушки из бедных земледельческих семей, за 3 – 5 лет высасывали здоровье (что не могло не отразиться на внешнем виде), давая взамен совсем скромные доходы.

Уже к началу XX в. работницы фабрик начали осознавать необходимость что-то требовать. Сначала требования носили характер просьб увеличения еды и времени на отдых, но в течение тридцати лет эти активности развивались в направлении женских ячеек профсоюзов.

Заключение

Хотелось бы отметить, что на современные методологии управления и интенсификации производства можно посмотреть как на очередной виток эволюции, начавшейся тысячелетие назад. Методология не может работать сама по себе, на неё нельзя свалить вину за провал проекта. Чтобы понять текстовое изложение системы, необходимо очень хорошо знать контекст и условия её создания (равно как и формирования). Мало цитировать таких «звёзд», как Оно, Синго, Кийосаки и др., надо понимать, как они пришли к фразам, которые так полюбили офисными менеджерами среднего звена.

Подобно тому, как добыча сланцевого газа в США стала экономически эффективной при наличии соответствующей инфраструктуры, так и методологии (не редко) становятся эффективными только при наличии подходящей (часто – специально подготовленной) среды.

Всестороннее понимание хода развития различных отраслей экономики, добычи и производства позволяет лучше понимать успехи TPS, LM и др., вырабатывать методологии для своего бизнеса и добиваться успеха там, где другие провалились.

Нельзя забывать, что результатов добиваются не методологии, а люди. «Кадры решают всё». А технологии, идеи, теоретические и практические исследования, равно как и оборудование, это только некоторые из необходимых инструментов.

---

1. Латышев И.А. Семейная жизнь японцев / И.А. Латышев. – М., 1985.
2. Andrew G. The Evolution of Labor Relations in Japan: Heavy Industry, 1853 – 1955 / Gordon Andrew. – Cambridge, 1988.
3. Kazuo Nimura. The Ashio Riot of 1907: A Social History of Mining in Japan / Kazuo Nimura, 1998.
4. Reuters. Japan retrieves first shale oil in test drills. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/10/03/shale-japan-idUSL3E8L32PC20121003>.
5. Marco Polo. The Travels of Marco Polo, 1477.
6. Makoto Kumazawa. Portraits of the Japanese workplace, 1996.
7. Andrew G. Labor and Imperial Democracy in Prewar Japan / Gordon Andrew. – Cambridge, 1992.

УДК 94

Митченко Анна Витальевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Изменение социальной и экономической структуры общества на Дальнем Востоке в 90-е годы XX века

Изучение данного вопроса актуально по причине того, что Дальний Восток обладает выгодным геополитическим, природным потенциалом для развития экономической кооперации со странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна, также регион может обеспечить поддержание и упрочение статуса России как мировой державы. Однако общекризисная ситуация в российской экономике 1991 – 1995 гг., негативно сказалась на социальной и экономической структуре Дальнего Востока.

Ключевые слова и словосочетания: *социальная структура общества, экономическая структура общества, Дальний Восток.*

Начало кризисного состояния региональной структуры и отдельных регионов относится к концу 80-х – 1991 гг., когда неспособность центральной власти выполнить свои обязательства перед регионами повлекла распад экономических связей, изменение социальной структуры и в целом ухудшение качества жизни населения.

В 90-е годы перед органами государственной власти дальневосточных субъектов федерации кроме сложных проблем миграционной ситуации стояли задачи социально-экономической стабилизации обстановки на территориях. Решение властными структурами этих проблем непосредственным образом влияло на поддержание безопасности государства в пограничном пространстве региона, поскольку регион занимает особое экономико-географическое положение, а также обладает мощным ресурсным потенциалом.

Дальний Восток относится к числу наиболее богатых регионов России. Это дает ему возможность занимать важное место в экономике страны по ряду сырьевых позиций. Однако в результате стратегически неверной политики центра в отношении Дальнего Востока регион в экономическом отношении был в значительной степени оторван от стран АТР, от своих ближайших соседей. За последние годы на фоне динамично разви-

вающейся экономики многих стран АТР Дальневосточный регион России в силу некоторых причин оказался в положении отстающего.

Говоря о ситуации, в которой находился регион к началу реформ, необходимо напомнить, что ввиду природно-ресурсных различий и исторических особенностей заселения отдельных территорий в ходе экономического освоения Дальнего Востока сложился определенный тип внутрирегионального разделения труда, результатом которого стало формирование на территории региона относительно крупных экономических зон, выполняющих различные функции в общерегиональном развитии. Однако в реформенный период во внутрирегиональных пропорциях Дальнего Востока начались заметные сдвиги [1].

С началом интенсивных экономических реформ в России для Дальнего Востока начался новый этап экономического развития. Характеризуется он традиционно как системный кризис и распад межрегиональной кооперации. Вместе с тем отождествление кризисных явлений и региональной дезинтеграции исключительно с реформами 90-х годов не бесспорно. И все же для Дальнего Востока это был наиболее драматический период, так как парадигма предреформенного развития региона все еще основывалась на идее 1930 года – все производство и доходы от него подчинены интересам внутреннего рынка и народнохозяйственных потребностей, а необходимые ресурсы будут поставлены Центром [4].

С началом экономической реформы объем межрегиональных связей Дальнего Востока значительно сократился, изменился и их характер. Значительно увеличился вывоз сырья и продуктов его первичной переработки, резко увеличился ввоз потребительских товаров. Сокращение межрегиональных связей происходило в течение всего периода реформ более быстрыми темпами, чем снижение объема производства. До сих пор в дальневосточной экономике ряд отраслей охвачен сильной и продолжительной депрессией. Это особенно характерно для лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, машиностроения, черной металлургии и исключительно для функционирования в рамках сбалансированного и гарантированного сотрудничества с другими регионами на внутреннем рынке.

В южных регионах структурные сдвиги в хозяйстве, носящие регрессивный характер, начались в начале 1990-х гг. С учетом сложившейся структуры хозяйства в этих регионах по-разному происходили структурные изменения в промышленности. В Хабаровском и Приморском краях в силу опережающего падения отраслей конечного спроса повышается удельный вес первичного сектора, который начинает доминировать в структуре промышленного комплекса [3].

На фоне экономического кризиса, охватившего территории Дальневосточного региона, проблема развития основного производства в малых городах и возглавляемых ими районах особенно обострилась.

За период осуществления реформ практически во всех малых городах произошел спад производства, некоторые градообразующие предприятия прекратили работу. Количество малых городов, в которых отмечался рост производства, по сути позволяющий лишь уберечь предприятия от банкротства и сохранить рабочие места, значительно сократилось [7].

Для региона одним из эффективных выходов стало поддержание минимального уровня внешнеторговых связей с сопредельными международными рынками, что позволило для экспортных отраслей заменить внутренний рынок внешним и частично решило проблему ликвидности. Однако и во внешнеэкономической сфере отказ от слабой, но все-таки отчетливо выраженной региональной политики, которая проводилась в советский период (предоставление преференций во внешней торговле и в привлечении иностранного капитала), фактически исключил стабильную переориентацию регионального хозяйства с внутринациональной на международную кооперацию. Внутренний рынок последовательно в течение всего периода реформ «конвертировался» во внешнеэкономические связи. Эта конвертация была облегчена либерализацией внешнеэкономической деятельности и спровоцирована резким ухудшением конкурентных позиций Дальнего Востока на внутривосточном рынке [2].

Ухудшение конкурентных позиций дальневосточных производителей во многом связано с резким относительным удорожанием энергопотребления и транспортных услуг. Более быстрый рост цен и тарифов на потребляемую тепло- и электроэнергию и на услуги транспорта, а также интенсивный спад в промышленности региона привели к значительному росту энергоемкости продукта. Ранее дотировавшиеся государством из бюджета удорожания энергоресурсов и транспортных услуг теперь превратились в препятствие к наращиванию внешнеэкономического сотрудничества региона.

Результатом стало быстрое сокращение в годы реформы доли Дальневосточного региона в формировании российского ВВП, что повлекло за собой снижение доли региона в валовых инвестициях страны [3].

Экономический кризис усугубляли, как уже было упомянуто выше, удаленность и высокие транспортные расходы (большинство предприятий региона были связаны с центральными областями страны).

В условиях нестабильности руководство страны пыталось реализовать организационную составляющую через программы регионального развития. Но так как система находилась в состоянии нестабильности, заявления федеральных властей о разработке и проведении последовательной региональной политики, которая должна была способствовать пре-

одолению наиболее тяжелых последствий реформ, остались преимущественно только в правительственных документах [5].

В итоге неверная региональная политика центра в отношении ДВ региона обернулась устойчивыми негативными тенденциями в изменении социально-экономической структуры общества.

Ухудшение условий жизни, обусловленное дороговизной продуктов питания и предметы первой необходимости (города Дальнего Востока в начале 90-х годов XX века в Российской Федерации лидировали по дороговизне жизни), энергетическим кризисом, систематическими невыплатами по зарплате, повлекло за собой напряженность социально-политического характера. Абсолютно сдерживающим развитие фактором стал рост цен на массовые виды продукции в связи с высокими тарифами на перевозку и огромными расстояниями (уголь, нефтепродукты, минеральные удобрения, хлебные грузы).

Снижение уровня жизни населения, общая обстановка нестабильности существенно сказались на демографической ситуации. Потери в миграционном обмене за этот период составили более 400 тыс. человек, в основном трудоспособного возраста [8].

Кризисная социально-экономическая обстановка, возросшая социальная дифференциация общества отразилась на приграничных территориях Дальнего Востока и оказала негативное влияние на общественное сознание населения.

В ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке, необходимо говорить о принятии координальных мер по восстановлению социальной и экономической структур. Одним из важных регуляторов является разработка и реализация региональных программ экономического развития.

Региональная специфика процессов трансформации социальной структуры в Дальневосточном регионе выразилась, прежде всего, в том, что ряд тенденций общественной социодинамики, характерной для состояния российского общества в целом, в их региональном преломлении действуют сильнее – они более ярко и концентрированно выражены.

Негативные тенденции разного рода в данной сфере, помноженные на историческую специфику развития региона, обусловили своеобразие трансформации социальной структуры. Сформировавшаяся в период мобилизационного социально-экономического развития региона социальная структура, и без того имевшая значительные черты маргинальности и содержащая в себе большую маргинальную прослойку, вследствие экономических и социальных реформ, проводимых в стране в целом и в регионе в частности, претерпела весьма значительные изменения. На протяжении всего периода реформ происходила ломка в системе традиционно сформировавшихся социальных групп, наблюдалось нарушение баланса численности занятого населения в сферах и отраслях экономики края, из-

менение качественных характеристик населения региона. В более широком плане эти тенденции привели к трансформации социальной структуры общества, которую в дореформенный период представляли как состоящую из трех общественных групп (классов): рабочих, служащих и колхозников.

Изучая период реформ на Дальнем Востоке, нельзя не упомянуть о процессах приватизации, которые радикально трансформировали экономические отношения собственности. Вместо монолитной государственной собственности появились многообразные ее формы. В конце процесса реформирования экономики региона перекосы в ее развитии не были устранены, более того – разразился мощный экономический кризис, захвативший все стороны жизни общества, принявший системно-структурный характер, усугубивший негативные тенденции, существовавшие ранее. На данные процессы наложились специфические «региональные» формы борьбы за передел собственности становление новой прослойки – прослойки собственников и, соответственно, наемных работников частных предприятий [5].

Процессы реформирования экономики региона решающим образом изменили состояние социальной структуры населения. Происходящий в связи с реструктуризацией хозяйственного комплекса спад промышленного производства и кризисная социально-экономическая ситуация явились причиной снижения численности населения, занятого в экономике края. По мере сокращения производственного сектора и развития рыночной инфраструктуры соотношение работников производственной и не производственной сфер резко изменилось в сторону увеличения численности последней [1].

Данные тенденции объясняются как затяжным кризисом в производственной сфере, связанным с переходом на новые формы хозяйствования и одновременным прекращением финансирования отраслей промышленности, находящихся под патронажем государства в дореформенный период, так и постепенным развитием частного сектора, как правило, за счет перехода в частные руки мелких производственных и не производственных предприятий посредством так называемой малой приватизации.

Одновременно шло формирование групп, не включенных в производственные процессы или же характеризующиеся низкой степенью социальной активности маргинальные группы (безработные, мигранты и т.д.) Увеличение из года в год числа безработных стало устойчивой тенденцией в Дальневосточном регионе в реформенный период.

На протяжении исследуемого периода также наблюдался нарастающий приток граждан из стран АТР. При высвобождении значительных объемов рабочей силы в лице традиционных социально-профессиональных групп наблюдалась тенденция усиления альтернативных трудовых потоков,

а именно: корейцы, китайцы, вьетнамцы, которые не только создавали конкуренцию на рынке труда, предлагая себя в качестве низкооплачиваемой неквалифицированной рабочей силы, но и являлись активными участниками социальных отношений. Эти процессы в рассматриваемый период оказали влияние на формирование структуры народонаселения края и сами по себе стали заметным и принципиально новым явлением на фоне массового оттока из региона традиционного населения [3].

Главной сферой социальных изменений стала социально-профессиональная структура. Ее трансформация привела к появлению групп населения, для которых характерны наиболее интенсивные и радикальные изменения социального и, прежде всего, социально-профессионального статуса. Среди них социальные группы, потерявшие прежний социальный статус и не имеющие возможности приобрести адекватный, социальные группы, приобретающие принципиально новый по отношению к прежней системе социальный статус и не имеющие пока механизма нормального, общественно приемлемого функционирования [9].

Переход к новым формам хозяйствования не только не способствовал выходу из экономического кризиса, но и явился причиной ухудшения социально-демографической ситуации: падение физического, психологического и социального здоровья отчетливо просматривается как на популяционном, так и на индивидуальном уровнях. Подобные перемены можно оценивать как основное следствие трансформационных процессов, опасность которых состоит в том, что они носят долговременный характер.

Заканчивая анализ социальных и экономических изменений, произошедших в регионе за период реформационного транзита, автор указывает на необходимость обратить внимание на основные их последствия.

Таковыми, несомненно, являются, с одной стороны, более резкое снижение качества населения региона с сопутствующим ему снижением численности. Это выражается, прежде всего, в его старении, ухудшении его здоровья с сокращением продолжительности жизни, причем, по данным показателям Приморский край существенно опережает Российскую Федерацию в целом.

Изменения в экономической и социальной жизни, привнесенные перестройкой, стали основным фактором спада производства. Экономика была охвачена сильной и продолжительной депрессией и оказалась, по существу, на грани краха. Дальний Восток оказался в состоянии глубочайшего экономического кризиса и по существу превратился в депрессивный район.

С другой стороны, процессы усиления социальной нестабильности, реальная угроза потери своих социальных ниш и вытеснения становятся одним из определяющих факторов маргинализации населения, что еще более негативно сказывается на его качестве.

Если же учесть стабильное сокращение численности населения края (на разных этапах вследствие иммиграции или вымирания), то следует признать, что вся социальная структура края находится в состоянии хаотического движения. Такое состояние населения делает практически невозможной выработку сколько-то внятной социальной политики в крае, в своей основе дестабилизирует политическую ситуацию в крае, тормозит процессы реабилитации экономической сферы края [1].

Поэтому разработка стратегии развития российского Дальнего Востока с учетом воздействия глобализации и современного этапа социально-экономических реформ России представляется чрезвычайно злободневной, необходимой и перспективной задачей.

За период реформ Дальний Восток России утратил свои приоритеты развития по многим позициям в экономической и социальной сферах.

Отказ государства от компенсации объективных удорожаний затрат на энергетику, транспорт, заработную плату, инфраструктурное обустройство территории автоматически превратил продукцию дальневосточных производителей в неконкурентоспособную.

Несмотря на то, что на данный момент существует несколько программ социального и экономического развития Дальнего Востока, очевиден факт их несостоятельности в решении насущных проблем региона [9]. По мнению автора, необходимо заново разрабатывать реальную государственную экономическую и социальную политику, направленную на обеспечение определенных гарантий по поддержанию средних стандартов качества и уровня жизни в регионе. Это принципиально важно потому, что на Дальнем Востоке реализуются, прежде всего, цели России. Здесь создается ее геополитическое будущее.

Таким образом, центральной и региональной властям необходима кооперация по созданию условий для эффективного развития имеющих сравнительные преимущества в рыночных условиях секторов регионального хозяйства и обеспечение на этой основе стабильного развития экономической системы региона в рамках международного и внутривосточного разделения труда, формирования комфортных стандартов жизни населения.

---

1. Ишаев В.И. Концептуальные вопросы развития Дальнего Востока до 2050 г. / В.И. Ишаев. – М.: Экономика, 2012. – 52 с.

2. Леонов С.Н. Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока / С.Н. Леонов, Б.Л. Корсунский, Е.С. Барабаш. – Владивосток, 2007. – 176 с.

3. Меламед И.И. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья / И.И. Меламед, А.А. Дягилев, М.А. Авдеев. – М.: Современная экономика и право, 2010. – 176 с.

4. Минакир П.А. Региональная экономическая политика: стратегия развития Дальневосточного региона / П.А. Минакир. – Хабаровск, 1997. – 200 с.

5. Тихоокеанская Россия – проблемы и возможности модернизации: сб. науч. ст. / науч. ред. В.В. Горчаков; под общ. ред. А.Б. Волынчука. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. – 218 с.

6. Хорошавин А.В. Дальний Восток России: как жить и хозяйствовать / А.В. Хорошавин, В.К. Заусаев; Дальневост. науч.-исслед. ин-т рынка. – Хабаровск: КГУП; Хабаровская кр. типография, 2012. – 512 с.: ил.

7. Материалы двенадцатой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция). Хабаровск, 21 – 22 января 2010 г.: сб. стат. / под общ. ред. С.Н. Леонова; ДВО РАН, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: РИОТИП, 2010. – 208 с.

8. Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.programs-gov.ru/38_1.php.

9. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://rsppdfo.ru/strategiya-soc-ekon-razvitiya-dv/>.

УДК 81

Усова Светлана Викторовна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Рекламный дискурс как отражение национального менталитета (на материале рекламы автомобиля в американской публицистике)

Статья посвящена проблемам языковой репрезентации национального менталитета в рекламном дискурсе автомобиля. Интерес представляет аксиологическое измерение американского рекламного сообщения, фиксирующего иерархию ценностей современного социума. Рассматриваются рекламные тексты автомобиля в американской публицистике, выявляются национальные ценности США посредством лексических стилистических средства языка.

Ключевые слова и словосочетания: рекламный дискурс, реклама, национальный менталитет, ценности США, автомобиль.

*Покажите мне рекламу той или иной страны,
и я расскажу вам все об этой стране.
Дэниел Бурстин*

Современный мир насыщен рекламой, рекламные средства многочисленны, разнообразны и многолики. Реклама, являясь важнейшей разновидностью массовой коммуникации, прочно вошла в современную жизнь. Реклама – динамичная, быстро трансформирующаяся сфера человеческой деятельности. Являясь постоянной спутницей человека, она изменяется вместе с ним. Характер рекламы, её содержание и форма претерпевают кардинальные изменения вместе с развитием общества, сменой социально-экономических сфер деятельности. Ежедневное влияние рекламы на миллиарды потенциальных потребителей не только способствует формированию покупательских предпочтений, но и входит в социальную среду, которая участвует в становлении определенных стандартов мышления и социального поведения различных слоев населения в каждой стране и во всем мире. В современном обществе реклама становится одним из важнейших факторов формирования мировоззрения человека, популяризации стиля жизни, апеллируя к ценностям, значимым для потребителя.

Реклама – это явление, прежде всего, социокультурное. С полным правом её можно назвать частью национальной культуры. Главная черта рекламы как культурного феномена – её амбивалентность (внутренняя противоречивость), которая проявляется в том, что она существует вне желаний субъекта, но, в конечном счёте, подчиняет его сознание. Как часть современной цивилизации реклама уже выступает в качестве регулятора современного языка. Пластика и гибкость рекламного слова нередко становится источником окказиональных образований, рождает неологизмы, инициирует появление игрового элемента в рекламном тексте [5. С. 4].

Профессионалы рекламной индустрии используют различные визуальные и стилистические приемы для сочетания реальности и выдуманного рекламного мира, который бы полностью отражал интересы покупателя.

Особую актуальность приобретает изучение рекламы, создаваемой в отдельно взятой стране, с целью исследования национального менталитета, языковой картины мира и культуры нации.

Понятие «менталитет» включает в себя склад ума, мироощущение, мировосприятие, психологию. Иными словами, менталитет – это мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и общества в целом [3. С. 146].

Признавая очевидную взаимосвязь языка и мышления на абстрактном уровне, мы предполагаем наличие корреляции между определенными типами языка и определенными типами мышления, конкретнее – взаимосвязь тех или иных особенностей конкретного языка и этнического менталитета его основных (исходных) носителей.

Выражение мыслей – важнейшая функция языка, а язык – важнейший «реализатор» продуктов мышления. Это и порождает указанную взаимосвязь.

Под национальным менталитетом обычно понимают «образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления», а также «исторически сложившуюся, устойчивую специфическую форму проявления и функционирования общественного сознания в жизнедеятельности определенной национальной общности людей» [6. С. 156].

Реклама, в свою очередь, является отражением процессов, происходящих в определённом обществе. В современном мире автомобиль – значимая материальная ценность, артефакт современного общества. Поэтому рассмотрение рекламы автомобиля как средства репрезентации национального менталитета является весьма актуальным.

Г.Д. Гачев так характеризует автомобиль в американском социуме: «Автомобиль – это «Я», это Слово Америки. Без него американец нынешний «я – не я», не может себя отмыслить. Автомобиль – это идеология, мифология, концепция, конкретно-всеобщее для американского Космо-Психо-Логос явление» [2. С. 316].

Автомобиль – великое изобретение человечества. Его роль сложно переоценить. Самая важная и основная функция автомобиля – передвижение.

Из греч. «autos» – «сам» и лат. «mobilis» – «подвижный» в европейских языках сложилось прилагательное «самодвижущийся», буквально «автомобильный» [1].

Другая функция сводится к выражению социального статуса его владельца. Автомобиль как показатель социального положения становится всё более популярным.

Для нас интерес представляет аксиологическое измерение американского рекламного сообщения, фиксирующего, иерархию ценностей современного социума. Таким образом, наша цель – показать, что рекламный дискурс способен отражать современное состояние ценностной картины мира США, и определить лингвизуальные средства языка, благодаря которым достигается репрезентация национального менталитета в рекламе автомобиля.

По способу исполнения выделяют текстовую, визуальную и текстово-визуальную рекламу. В нашей работе были проанализированы 200 примеров текстово-визуальной рекламы, отобранных из американских журналов за 2010 – 2011 гг. Данный вид рекламы является самым продуктивным и представляет собой один из видов дискурса – рекламный дискурс.

Анализ дискурса входит в область задач различных дисциплин гуманитарного цикла: лингвистики, психологии, философии и др. Соответственно, в каждой научной дисциплине существует своё понимание дискурса. Мы придерживаемся мнения английского ученого Гая Кука, который рассматривает дискурс как *единство и взаимодействие текста и контекста*. Под текстом понимаются «языковые формы, временно и искусственно с целью анализа изолированные от контекста». Контекст берется в самом широком понимании и включает лингвистические, экстралингвистические и прагматические параметры.

Таким образом, данный подход выражается формулой «дискурс = текст + контекст (лингвистический и экстралингвистический)» [8].

Важно отметить, что в рекламном дискурсе вербализируется, символизируется информация не только о рекламируемом объекте, но и о существующих ценностях определенной культуры.

Мы исходим из положения о культурной обусловленности различных типов дискурса, рассматривая его как продукт национальной культуры. Именно в дискурсе отражаются языковое сознание и национальный менталитет. Однако рекламный дискурс не только отражает национальные ценностные установки, но и апеллирует к ним. Это наиболее сложная тактика, поскольку она связана с тайным вторжением во внутренний мир адресата через возбуждение потребностей. Благодаря этому достигается

контроль над его мыслями, чувствами, поведением и жизненными установками, осуществляется управление отношением потребителя к рекламируемому товару.

Создатели рекламы делают анализ потребностей человека, чтобы на них оказывать воздействие: «узнав тайные вкусы и склонности людей, можно сознательно направлять их поведение, манипулировать ими», при этом учитывается конечная цель рекламы – покупка рекламируемого товара [4].

Специфика объекта рекламы заключается в том, что она представляет собой как вербальную информацию (текст), так и тот товар, который актуализируются при помощи визуальных средств (фотографий, иллюстраций). Привлечение визуальных элементов позволяет создать более чёткое представление о рекламируемом. Читатель с большей готовностью позволяет увлечь себя эмоционально, если на иллюстрации будут изображены знакомые и понятные предметы и ситуации. Информационная эффективность любого рекламного сообщения зависит как непосредственно от текста, так и от изображения, представленного в рекламном сообщении.

Приведем пример подобного рода рекламы автомобиля марки «Mercedes-Benz», расположенного на развороте всемирно известного журнала «Car and driver» (рис. 1).

Рис. 1. Автомобиль марки «Mercedes-Benz»

Текст данной рекламы вынесен ниже: *«The best or nothing. That is what drives us. Introducing the 2011 SLS AMG. Every decision was examined in the light of this unyielding principle. From the selection of space-age light-*

weight materials, to the track performance we demanded, to the stunning allure of its aesthetic beauty. The result is a true supercar that challenges even the most extreme performers-0 to 60 in just 3.7 seconds and a top speed of nearly 200 mph-yet offers its occupants the experience of Mercedes-Benz comfort in its most refined state. The SLS AMG, an unprecedented integration of racing machine and luxury vehicle, will forever elevate the expectations of the world's most discerning supercar drivers. And redefine what it means to be the best» [7, p. 6]. (Только лучшее или ничего. Вот наша цель. Мы представляем 2011 SLSAMG. Этот четкий принцип был воплощен в каждой детали. Начиная от выбора легких материалов для необходимого нам качества движения на дороге и заканчивая невероятным шармом внешней эстетики автомобиля. Результат – суперавтомобиль, который способен на самые высокие показатели: разгон от 0 до 60 всего за 3,7 секунд и максимальная скорость почти 200 м/ч дает пассажирам возможность почувствовать качество Mercedes-Benz в его лучшем виде. SLS AMG, беспрецедентное сочетание гоночной машины и авто класса люкс, на всю оставшуюся жизнь поднимет планку для самых требовательных автолюбителей о суперавтомобиле. И позволит изменить свое представление о превосходстве).

Так, в данном примере хорошо прослеживаются стремления к красоте и комфорту (*Начиная от выбора легких материалов для необходимого нам качества движения на дороге и заканчивая невероятным шармом внешней эстетики автомобиля*), высокой скорости (*разгон от 0 до 60 всего за 3,7 секунд и максимальная скорость 200 м/ч*), роскоши (*авто класса люкс*), уникальности (*беспрецедентное сочетание гоночной машины*) и превосходства (*суперавтомобиль для самых требовательных автолюбителей*).

Изображение автомобиля, будучи иконическим знаком, порождает определенный смысл, передаёт тончайшие оттенки значения вербальных элементов текста, формирует наглядность при передаче представляемой информации. Таким образом, фотография автомобиля (рис. 1) дополняет рекламный текст. Автомобиль выглядит лёгким, мобильным и изысканным.

Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность семиотического дискурса, его коммуникативный эффект, поскольку разнокодовые сообщения дополняют и поясняют друг друга.

Составитель рекламного текста так подбирает слова и организует рекламу, чтобы она могла вызвать у читателей конкретные представления, воздействовать на воображение, формируя у потребителя хорошо знакомые и понятные образы того, к чему стремится человек. Это может быть безопасность, надёжность, красота, удобство или престиж. Так, на-

пример, производитель автомобиля марки «Land Rover» сравнивает свой товар с домом у моря (рис. 2).

Рис. 2. Автомобиль марки «Land Rover»

Для удобства прочтения текст данного рекламного сообщения представлен ниже:

Panoramic views Панорамные виды
Surround sound «Живой звук»
Natural light Естественный свет
Leather seating Кожаный салон
Innovative design Инновационный дизайн
Room for seven Комната для семерых
Style + comfort Стиль + комфорт

Вышеперечисленные характеристики красивого, комфортного, просторного дома находят непосредственное отражение в следующем тексте:

«The Land Rover LR4 was designed with sophistication and comfort in mind. With an Alpine glass roof that enhances the spaciousness of the premium cabin, it's perfectly suited to transport seven passengers in total luxury. A boldly designed two bar lattice grille and state-of-the-art LED headlamps complement the vehicle's smoother lines and subtle curves. It's modern design at its best» [9, p. 47]. (Создатели Land Rover LR4 думали, прежде всего, об изысканности и комфорте автомобиля. Крыша из альпийского стекла расширяет пространство высококлассного и роскошного салона, который вмещает до семи пассажиров. Смелый дизайн передней решётки и фары

последней модели удачно дополняют гладкие линии и изгибы корпуса автомобиля. Это современный дизайн в лучшем исполнении.)

Подобное сравнение заостряет наше внимание на таких национальных ценностях, как комфорт, надежность, красота. И, безусловно, это находит отклик у потенциальных покупателей. Текст содержит эмоционально-оценочную лексику: изысканность автомобиля, высококлассный и роскошный салон, смелый современный дизайн, гладкие линии и изгибы корпуса автомобиля. Акцентируется внимание на исключительности авто (*Это современный дизайн в лучшем исполнении*). Создатели этой рекламы заявляют, что их автомобиль не только красив, удобен и вместителен, но и надёжен, надёжен, как дом.

Изображение является крайне важным компонентом рекламного сообщения, т.к., с одной стороны, отражает специфику товара, обладающего внешней привлекательностью, а с другой – особенность человеческого восприятия: люди подсознательно значительно больше доверяют визуальной информации. Изображение либо иллюстрирует текст, либо формирует образ предмета рекламы и ситуацию его восприятия. В рекламных изображениях предмет рекламы в большинстве случаев связывается с какой-либо реалией из мира потенциального покупателя. Как правило, это нечто, представляющее ценность для потребителя. Наиболее часто встречается тема семьи, путешествий, приключений, отдыха. Таким образом, изображение всегда несёт дополнительный смысл, предмет рекламы становится социально значимым, ему придается определенный статус.

Таким образом, в ходе нашего исследования были выявлены основные ценности американского общества: новизна (35%); надежность (19%); роскошь (15%); скорость (11%); деньги (9%); радость (8%) и экологичность (3%).

С учётом вышеизложенного можно сформулировать следующее:

– национальный менталитет в качестве предмета изучения можно определить как национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей, воплощенный в семантической системе национального языка;

– особенностью рекламного дискурса является то, что реклама включает элементы разных знаковых систем. В рекламном дискурсе «вербальные» и «иконические высказывания» образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата;

– национальная картина мира формирует тип отношения человека к миру: природе, предметам, другим людям, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни. Реклама, в свою очередь, является зеркалом этих процессов.

-
1. Большой энциклопедический словарь. – М.: АСТ; Астрель, 2008.
  2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством / Г.Д. Гачев. – М.: Раритет, 1997.

3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000.
4. Карцева Е.Н. Массовая культура в США и проблема личности / Е.Н. Карцева. – М.: Наука, 1974.
5. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: учеб. пособие / Е.Б. Курганова. – Воронеж, 2004.
6. Маслова В.Л. Лингвокультурология / В.Л. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
7. Car and driver // Automobile magazine. – 2010. – Vol. 3. – P. 6. URL: <http://magazinesdownload.com/category/Car-and-Driver.aspx> (дата обращения 20.12.2011).
8. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London: Routledge, 1992.
9. Road and track 09.2010 // Automobile magazine. – 2010. – P. 47 – 131. URL: <http://magazinesdownload.com/category/Road-and-Track.aspx> (дата обращения 15.10.2011).

УДК 37

Месенева Наталья Валентиновна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Практико-ориентированная деятельность студентов вуза в процессе их подготовки к профессиональной деятельности

Рассмотрены вопросы развития профессиональной компетентности студентов-дизайнеров в условиях формирования предпринимательской деятельности вуза и усиления конкуренции на рынке образовательных услуг. Основные направления эффективного профессионального образования рассмотрены на примере Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ключевые слова и словосочетания: дизайн, компетентность, профессиональное обучение, проект.

В настоящее время дизайн среды – одна из наиболее перспективных и динамично развивающихся сфер деятельности современного общества, и из этого следует, что вопросы подготовки профессиональных кадров в индустрии современного дизайна сегодня особенно актуальны и важны. Основной задачей российского профессионального образования в области дизайна на сегодняшний день является подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов.

С учетом современных концепций и инновационных технологий, проявляющихся во всех сферах человеческой жизни, возросли требования к уровню профессиональной подготовки выпускников вузов, требования к самообразованию, умению самостоятельно мыслить, оптимизировать свою деятельность, принимать нетривиальные решения. Предметом академической учебной дизайн-деятельности является формирование соответствующих научно-методических знаний и практических навыков в процессе обучения будущих профессионалов дизайна разных специализаций [1].

В связи постоянным увеличением объема и усложнением содержания профессиональной деятельности специалистов дизайнеров интеграция образования и производства в наше время является объективной современной тенденцией в развитии профессиональной подготовки студентов дизайнеров в высших учебных заведениях. Конкурентоспособность молодых специалистов дизайнеров на рынке труда зависит от качества и эффективности профессионального обучения в вузе. Основные базовые навыки практической профессиональной деятельности студент получает в процессе практико-ориентированного обучения в высших учебных заведениях. Практико-ориентированное обучение студентов специализации «Дизайн среды» заключается в овладении основными базовыми принципами проектирования дизайна среды при выполнении реальных проектов объектов дизайна среды.

Образовательный процесс практико-ориентированного обучения на кафедре дизайна ВГУЭС в настоящее время строится на выполнении реальных проектов по заказам предприятий, фирм и организаций как города, так и края. Практико-ориентированная направленность учебного процесса формирует у студентов специализации «Дизайн среды» при выполнении учебных проектов по дисциплине «Проектирование в дизайне среды» следующие главные, базовые профессиональные навыки: умение проводить предпроектный анализ, характеристику выполняемого дизайнерского проекта; умение работать как в группе с другими студентами и специалистами, так и индивидуально; умение выполнять эскизные и рабочие проекты дизайн-объектов различного назначения; умение реализовывать и согласовывать готовые проектные решения на практике.

За 2011 – 2012 учебный год на кафедре дизайна ВГУЭС студентами 4 и 5 курсов были выполнены следующие практико-ориентированные проекты по заказам предприятий и организаций города и края:

- Разработка интерьеров австралийского офиса в г. Владивостоке (4 курс, 7 семестр, 2011 г.).
- Разработка интерьеров кафе в г. Владивостоке (4 курс, 8 семестр, 2012 г.).
- Разработка интерьеров медицинской клиники (5 курс, 9 семестр, 2012 г.).
- Разработка интерьеров мотеля по трассе М60 (5 курс, 9 семестр, 2012 г.).
- Разработка интерьеров международной школы ВГУЭС (5 курс, 10 семестр, 2013 г.).
- Разработка интерьеров физкультурно-оздоровительного комплекса ВГУЭС (5 курс, 10 семестр, 2013 г.).

Следует отметить, что при работе над дизайнерскими проектами для каждой группы студентов с разным уровнем готовности к будущей профессиональной деятельности разрабатывались индивидуальные практико-ориентированные задания.

Выполнение представленных проектов позволило реализовать методику формирования профессионального мышления дизайнера, способного отвечать требованиям современного рынка труда и быть востребованным в региональных областях России, где желательно быть специалистом многопрофильного дизайнерского уровня [2].

В результате выполнения реальных, практико-ориентированных проектов различного назначения содержание учебной проектной деятельности студентов дизайнеров отражает специфику будущей профессиональной деятельности, способствует раскрытию творческих способностей студентов, формированию у студентов профессионально значимых качеств. Основой системы обучения является практико-ориентированная деятельность студентов, включающая при использовании практико-ориентированных проектов создание проблемных ситуаций в процессе обучения, отражающих содержание будущей профессиональной деятельности.

Содержание проектных заданий направлено на формирование умений и навыков студентов самостоятельно приобретать профессиональные специальные знания, способствует стремлению к самообразованию, вовлечению в научную деятельность. Практико-ориентированные проектные задания ориентированы на привлечение студентов к научно-исследовательской работе, участие в выставках, конкурсах и конференциях, выступление с докладами на научных конференциях. При подготовке проектных студенческих работ и докладов к выставкам, конкурсам и конференциям учитываются главные принципы организации деятельности студенческих научно-практических исследований: актуальность, научность, систематичность проводимых исследований, учет региональных особенностей. Такая работа позволяет студентам осознать потребность постоянного пополнения знаний, изучения научной литературы, формирует готовность применять полученные знания при решении комплекса практических профессиональных задач, оказывает положительное влияние на формирование профессионально-познавательной мотивации, стимулирует самостоятельную познавательную деятельность студентов при освоении ими профессиональных знаний, умений и навыков, способствует развитию профессионально значимых качеств. Практическая значимость изучаемого материала является одним из основных факторов, влияющих на формирование положительной мотивации обучения. Практико-ориентированные учебные дизайнерские проекты формируют у студентов необходимые профессиональные компетенции, а также открывают в процессе обучения дополнительные возможности, например:

- учитывать требования работодателей при подготовке специалистов-дизайнеров, владеть информацией о квалификационных требованиях работодателей;
- иметь постоянный доступ к информации о современном рынке труда, иметь возможность отслеживать меняющуюся структуру профессии;
- возможность организовывать учебные и производственные практики студентов в современном секторе промышленности;

- иметь возможность знакомиться с новыми, меняющимися тенденциями профессиональной деятельности;
- возможность независимой оценки качества образовательных программ и качества подготовки выпускников специалистов дизайнеров работодателями;
- знакомиться с информацией о передовом опыте своих коллег, организации профессиональных конференций, семинаров, лекций, выставок, конкурсов;
- знакомство с техническими, финансовыми возможностями и индивидуальными требованиями заказчика;
- возможность обучения студентов в производственных условиях.

Основные направления взаимосвязи подготовки специалистов дизайнеров с производством заключаются во включении специалистов предприятий в проведение учебного процесса: руководство специалистами предприятий учебными и производственными практиками, курсовым и дипломным проектированием. При этом темы дипломных проектов и курсового проектирования подбираются по реальной производственной тематике. Связь с практикой, ориентированная на самостоятельное принятие решений, работа над реальными дизайнерскими проектами в фирмах формируют у студентов-дизайнеров в области профессиональной подготовки специалистов следующие необходимые принципы в обучении:

- самостоятельная работа студентов;
- потребность к постоянному самосовершенствованию;
- инициативность;
- умение строить взаимоотношения с клиентом, понимание нужд и ожиданий заказчика;
- умение найти положительное решение возникших проблем;
- позитивность, позитивный настрой к решению возникающих проблем;
- мотивация в совершенстве владеть современными информационными технологиями и активно использовать их в своей работе;
- мотивация непрерывно повышать свою квалификацию, поскольку знания в современном обществе быстро устаревают.

Большое значение в составе профессиональных требований к специалисту, повышении эффективности и качества профессиональной подготовки имеют такие качества, как широкий социальный кругозор, профессиональная компетентность; принцип опережающего профессионального образования; учет особенностей региона, его прошлого, настоящего и будущего.

Практико-ориентированная профессиональная подготовка студентов дает возможность выпускать конкурентоспособных на рынке труда специалистов. Востребованность выпускников на рынке труда – одна из основных задач учебного заведения, критерий качества профессиональной подготовки специалистов.

Приближение профессиональной подготовки специалистов к условиям их будущей работы особенно важно в условиях быстрых экономических и социальных перемен. К основным требованиям профессиональной подготовки специалистов относят готовность выпускников к изменениям на производстве, профессиональную мобильность в условиях динамичных перемен на рынке труда. Для этого необходимо, чтобы содержание профессиональной подготовки отражало конкретные условия будущей работы выпускников-дизайнеров и обеспечивало возможность работы в широком профиле профессиональной подготовленности. В профессиональной подготовке специалистов все более явным становится отход от узкопрофессиональной модели. Большее значение приобретает в подготовке специалистов-дизайнеров получение системного общего образования, позволяющего выпускникам быстрее адаптироваться к сложной современной технике, новым компьютерным технологиям. Модернизация деятельности студентов в учебной и научно-исследовательской работе, а также реализация индивидуально-дифференцированного подхода обеспечивают необходимое соотношение системного общего образования и профессионально-прикладной направленности, личностную значимость знаний и умений. Качество подготовки специалиста характеризуется готовностью студентов к высокопроизводительному труду, психофизиологической выносливостью, уровнем профессиональной квалификации, широким профилем профессиональной подготовленности.

Модель российского образования на период до 2020 г. рассматривает в качестве одного из направлений инновационного образования новый тип обучения, характеризующийся большим объемом самостоятельной работы и активным вовлечением студентов в реальные проекты, успешная реализация которых невозможна без устойчиво сформированной проектной культуры будущих специалистов [3].

Таким образом, проведение в жизнь практико-ориентированной деятельности студентов-дизайнеров позволяет активизировать их учебно-познавательную и научно-исследовательскую работу, в результате чего подготовка студентов вуза к будущей профессиональной деятельности становится эффективнее.

---

1. Медведев В.Ю. Сущность дизайна: теоретические основы дизайна: учеб. пособие / В.Ю. Медведев. – СПб.: СПГУТД, 2009. – 110 с.

2. Ахметова А.М. ИКТ (информационные технологии) в профессии дизайнера / А.М. Ахметова // Визуальная культура: дизайн, реклама, информационные технологии: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011.

3. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1 – 3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьмина, И. Фрумина; Гос. ун-т. «Высшая школа экономики». – М., 2008.

УДК 343.221.5

Шишко Александр Владимирович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Некоторые проблемы, связанные с определением круга лиц, ответственных за совершение налоговых преступлений

Рассматриваются некоторые вопросы определения круга лиц, могущих нести ответственность за налоговые преступления. Особое внимание уделяется перспективам привлечения к ответственности учредителей и «теневых руководителей» организаций, осуществляющих уклонение от налогообложения, а также проблеме взаимозависимых лиц.

Содержатся примеры типовых ситуаций, связанных с уходом от ответственности за правонарушения в сфере налогообложения. Предлагаются пути развития уголовного права, основанные на частичной рецепции институтов налогового и корпоративного права, в частности концепции «консолидированных групп».

Ключевые слова и словосочетания: *налоговые преступления, круг лиц, теневые руководители, взаимозависимые лица, рецепция институтов налогового и корпоративного права, консолидированные группы.*

Существенной проблемой, затрудняющей борьбу с преступлениями в сфере налогообложения (предусмотренными ст. 198 – 199.2 действующего Уголовного кодекса) и экономическими преступлениями в целом, является закрепленный законодательством и правоприменительной практикой круг лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за указанные преступления.

Действительно, в общем виде отношения, возникающие в сфере исчисления и уплаты налогов, характеризуются тем, что в качестве одной их стороны выступает государство в лице налоговых органов и органов внутренних дел, а другой – налогоплательщики или плательщики сборов (физические и юридические лица). Следовательно, в качестве субъектов налоговых правонарушений выступают они же.

В соответствии со ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовной ответственности могут подлежать исключительно физические лица. Следовательно, при совершении преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, либо в случае совершения преступле-

ний, предусмотренных ст.199.1 и 199.2 УК РФ, физическим лицом (например, индивидуальным предпринимателем) налогоплательщик совпадает с субъектом преступления.

Во всех остальных случаях при совершении преступлений, предусмотренных ст. 199 УК РФ (и соответственно 199.1 и 199.2 УК РФ, в случае если идет речь об организации), указание на то, кто именно может совершить указанные преступления, отсутствует [10]. Юридическая наука традиционно сконцентрирована на поиске специальных субъектов указанных преступлений среди должностных лиц организаций.

Так, И.И. Кучеров ограничивает круг субъектов преступлений, предусмотренных ст. 199 – 199.1, теми лицами, на которых возложены соответствующие обязанности по ведению бухгалтерского учета, представлению бухгалтерской отчетности и уплате налогов в организации [15. С. 229]. В работах иных юристов в число субъектов налоговых преступлений включаются: лица, составляющие и представляющие расчет суммы налога, бухгалтерский отчет, баланс; служащие организаций, в обязанности которых входит оформление соответствующих документов об уплате налога и представление их в налоговый орган; лица, которые в соответствии с нормативными правовыми актами или учредительными документами организации обязаны обеспечивать правильность данных, определяющих исчисление налогов и страховых взносов, и лица, обязанные утверждать документы, которые представляются в соответствующие органы [17. С. 9; 7. С. 335; 13. С. 157].

Указанная позиция подтверждается ссылками на ст. 7 Федерального закона от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [1] (ранее на ст. 6 Федерального закона от 21.11.1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» [2]), в соответствии с которой ответственность за организацию бухгалтерского учета в организациях, соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций несет руководитель организации. Это позволяет безоговорочно включить руководителя организации в число субъектов данной группы преступлений.

Основная часть дискуссий развернулась вокруг того, в какой мере субъектом налоговых преступлений может выступать лицо, ответственное за ведение бухгалтерского учета, своевременное представление полной и достоверной бухгалтерской отчетности, то есть главный бухгалтер (или бухгалтер) организации. На практике в качестве основной применяется позиция, что при условии, что главный бухгалтер «не способствует предупреждению или пресечению преступления» [8. С. 19], он может привлекаться к ответственности, но лишь за соучастие в совершении преступлений, предусмотренных ст. 199 – 199.1 УК РФ. Именно эта позиция является наиболее теоретически аргументированной.

А.А. Витвицкий отмечал, что «стоит привлекать к уголовной ответственности в качестве исполнителя только руководителя предприятия. Бухгалтер же при наличии умысла на совершение преступления может отвечать как соучастник. А при отсутствии соучастия ответственность бухгалтера может быть административной или финансовой» [9. С. 102].

А.А. Куприянов вообще полагал возможным свести ответственность бухгалтера исключительно к административной [14. С. 18].

Позиция И.И. Кучерова, считавшего, что «главный бухгалтер имеет вполне достаточно полномочий, чтобы реализовать преступный умысел самостоятельно, а, следовательно, может являться субъектом преступления» [15. С. 231], то есть, что бухгалтер, в принципе, способен ввести руководителя в заблуждение неправильным отражением хозяйственных операций, хоть и подтверждается п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 64 от 28.12.2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [6], в практике привлечения к ответственности за налоговые преступления встречается достаточно редко.

Еще более редкими в практике являются случаи привлечения к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений иных служащих организаций-налогоплательщиков. Несмотря на мнение П.С. Яни о допустимости привлечения к уголовной ответственности рядового сотрудника бухгалтерии как «единичного» исполнителя налогового преступления [18. С. 54], Постановление Пленума Верховного суда РФ № 64 от 28.12.2006 г. допускает их привлечение только в качестве пособников данного преступления, умышленно содействовавших его совершению.

Несколько шире список лиц, подлежащих привлечению к ответственности по статье 199.2 УК РФ. И.А. Клепицкий выделяет помимо руководителя организации (или индивидуального предпринимателя) собственников ее имущества или лиц, уполномоченных им распоряжаться, если они не совпадают с руководителем [12. С. 166]. При этом он же подчеркивает, что указанные лица могут действовать хоть и в интересах налогоплательщика или руководителя организации-налогоплательщика, но против его воли; вопрос их ответственности по указанной статье, следовательно, остается открытым.

Однако практически обходится молчанием еще одна категория лиц, не отвечающих непосредственно за ведение бухгалтерского и налогового учета в организации и не являющихся собственниками ее имущества, однако способных оказывать определяющее влияние на ее деятельность. Речь идет об учредителях организации.

Косвенно о возможности их привлечения к ответственности говорится в п. 7 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 64 от 28.12.2006 г. как о лицах, организовавших совершение преступ-

лений, предусмотренных исключительно ст. 199 УК РФ, склонивших к его совершению руководителя, главного бухгалтера или бухгалтера организации-налогоплательщика или иных сотрудников этой организации или содействовавших совершению преступления советами и указаниями. Позиция Верховного суда заключается в том, что такие лица могут нести ответственность как организаторы, подстрекатели либо пособники в соответствии со ст. 33 УК РФ.

Однако теоретически вопросы привлечения к ответственности указанных лиц малоразработаны, хотя проблема осознавалась исследователями уже десять лет назад. Так, И.Н. Соловьев еще в 2001 г. отмечал, что «часто складывались ситуации, когда лица, реально организовавшие сокрытие объектов налогообложения, отдававшие распоряжение на внесение искаженных данных в бухгалтерскую отчетность, не привлекались к уголовной ответственности, так как по документам не являлись ни руководителями, ни бухгалтерами, однако реально следили, а подчас и руководили финансово-хозяйственной деятельностью юридического лица, так как были вкладчиками денежных средств в данные предприятия или представителями структур, обеспечивающих безопасность, и т.д.» [16. С. 34].

Б.Д. Завидов, И.А. Попов, В.И. Сергеев указывали, что «в большинстве случаев лица, выполняющие управленческие функции в организации, – наемные работники, которые работают за установленный им должностной оклад, заработную плату. Мотивы для совершения налоговых преступлений, если их не подвигнуть какими-либо стимулами, у них отсутствуют. Другое дело – учредители, собственники предприятия, для которых немаловажное значение имеет неучтенная или иным образом сокрытая прибыль, дивиденды и прочее» [11. С. 19].

Однако сделанное в те же годы предложение об установлении ответственности учредителей за совершение налоговых преступлений в учрежденных ими организациях вне зависимости от того, принимали они непосредственное участие в финансово-хозяйственной деятельности юридического лица или нет, было теоретически разгромлено тем же И.Н. Соловьевым, полагавшим невозможным установить вину учредителей и акционеров в совершении налогового преступления при условии того, что их участие в деятельности организации ограничивалось простым учредительством или владением акциями [16. С. 34].

Высказанная им мысль, что в случае участия учредителей в совершении налоговых преступлений они могут привлекаться к уголовной ответственности в качестве соучастников (за исключением случая, когда учредитель одновременно является генеральным директором или главным бухгалтером организации и должен привлекаться на общих основаниях), нашла свое воплощение и в тексте Постановления Пленума Верховного суда РФ № 64 от 28.12.2006 г.

Иных существенных исследований данного вопроса за прошедшие годы не проводилось.

На практике привлечение учредителя компании, сотрудниками которой было осуществлено налоговое преступление, не являющегося ее формальным руководителем, к ответственности за совершение налогового преступления осуществляется почти исключительно в тех случаях, когда официальный руководитель является заведомо подставным лицом, не осуществлявшим текущего руководства финансово-хозяйственной деятельностью организации (как правило, это престарелые люди, незрелые юноши, психически нездоровые лица и т.п.), не имеющим ни малейшего представления о деятельности организации, не понимающим смысла и значения подписываемых документов.

Тем не менее, даже полноценно исполняющий свои обязанности наемный директор в значительной мере зависим от воли своего нанимателя – учредителя организации. Разумеется, здесь и далее речь идет только об учредителе, который может оказывать влияние на принятие управленческих решений (то есть является единоличным учредителем или лицом, владеющим существенной долей в организации). В то же время действующая практика, направленная на преимущественное привлечение к ответственности формального руководителя организации, позволяет осуществлять следующие способы ухода от ответственности:

1. Организация «З» (здесь и далее названия организаций изменены из этических соображений) осуществляла уклонение от уплаты налогов путем включения в налоговую декларацию и документы налогового учета заведомо ложных сведений. При достижении сокрытой суммой налога величины незначительно меньшей, чем предусмотренный примечанием №1 к ст. 199 УК РФ крупный размер ущерба, осуществлялась замена руководителя организации. В дальнейшем указанное действие повторялось по мере необходимости.

2. В ходе проведения следственных мероприятий при наличии вступившего в законную силу решения налогового органа, свидетельствующего о совершенном налоговом правонарушении, имеющем признаки преступления, осуществлялось привлечение к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 199.1 УК РФ руководителя ООО «Ю». По основаниям, предусмотренным примечанием 2 к ст. 199 УК РФ, руководитель был освобожден от уголовной ответственности (как лицо, впервые привлекавшееся к ответственности по данной статье и при условии погашения суммы ущерба, определенной в соответствии с Налоговым кодексом, далее – НК РФ).

Далее была осуществлена смена руководителя ООО «Ю», но преступная деятельность через некоторое время возобновилась. В случае привлечения нового руководителя к уголовной ответственности он смог

бы ее избежать, так как в отличие от своего предшественника ранее к уголовной ответственности по ст. 199 либо 199.1 не привлекался.

3. Третий пример иллюстрирует возможность комбинации первых двух методов. Было учреждено ООО «Ш», которое осуществляло уклонение от уплаты налогов. При достижении сокрытой суммой налога величины незначительно меньшей, чем предусмотренный примечанием №1 к ст. 199 УК РФ крупный размер ущерба, учреждалась организация ООО «Ш+», с тем же руководителем, отличным от учредителя. ООО «Ш» постепенно прекратило свою деятельность.

ООО «Ш+» продолжило политику уклонения от уплаты налогов, характерную для своего предшественника. Примерно через год была вновь учреждена очередная организация ООО «Ш-Логистик» с тем же руководителем, отличным от учредителя, после чего вновь применена схема, описанная выше.

Применение данной цепочки организаций позволяло достаточно надежно уклоняться тандему «руководитель-учредитель» от налоговой ответственности. Маловероятно, чтобы налоговая инспекция оказалась способна доказать в ходе выездной проверки, что последовательно учреждавшаяся группа организаций, к тому же регистрировавшаяся в разных инспекциях города, по сути, дела является одной и той же организацией-неплательщиком.

С другой стороны, в случае привлечения к налоговой и уголовной ответственности несменяемого наемного директора данных компаний на основании результатов оперативно-розыскной деятельности он сможет уйти от ответственности по основаниям, предусмотренным примечанием 2 к ст. 199 УК РФ, после чего произойдет смена руководителя, а вышеуказанная схема сможет быть применена вновь.

Описанные выше примеры иллюстрируют нам возможные проблемы при установлении вины фактического организатора налоговых преступлений – учредителя организации-налогоплательщика (или группы организаций-налогоплательщиков). Но помимо сравнительно простых ситуаций, при которых учредитель выступает всего лишь «теневым директором» организации-налогоплательщика и должен быть привлекаем к ответственности именно в качестве фактического руководителя организации, есть еще один тип ситуаций, при которых затруднено не только привлечение к ответственности фактического организатора преступления, но и установление самого факта уклонения от уплаты налогов в крупном или особо крупном размере.

Речь идет о тех случаях, когда создается достаточно большая группа взаимозависимых лиц (варианты построения взаимозависимости могут быть различными: от классических примеров «дочерних» и «сестринских» фирм, проведения в руководство организаций групп родственников, созда-

ния цепочек организаций с высокой долей взаимного участия, то есть случаев, более или менее предусмотренных законодательно, в частности ст. 105.1 НК РФ, до подконтрольности организаций на основе личных связей, знакомств, знания компрометирующих обстоятельств и т. д.).

Такая схема ухода от ответственности за нарушения порядка налогообложения получила широкое распространение. Налоговые преступники не попадают в поле зрения проверяющих инстанций, так как каждое из звеньев системы вполне может уклоняться от налогообложения вплоть до достижения нижней планки ущерба, расцениваемого как признак налогового преступления, после чего происходит его замена другой аналогичной организацией.

Такая группа взаимозависимых лиц имеет общие черты с холдингом, то есть совокупностью холдинговой («материнской») компании и контролируемых ею («дочерних») компаний, с той лишь разницей, что, как правило, в ней невозможно выделить формальную холдинговую компанию (предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий [5], осуществляющее контроль над ними посредством доминирующего участия в их уставном капитале и определения их хозяйственной деятельности). В качестве неформальной холдинговой компании в такой группе взаимозависимых лиц выступают организаторы группы, являющиеся выгодоприобретателями от ее деятельности.

В остальном же такие группы являются типичными холдингами, обладая такими чертами, как:

- концентрация управления фирмами различных отраслей и сфер экономики, а также фирмами, расположенными в различных регионах в руках одного лица или группы лиц;
- многоступенчатость, то есть наличие дочерних, внучатых и прочих родственных компаний первого, второго и больших порядков;
- единая политика и координация совместных действий предприятий и индивидуальных предпринимателей по следующим направлениям: выработка единой тактики и стратегии в глобальном масштабе, реорганизация компаний и определение внутренней структуры холдинга, осуществление межфирменных связей, финансирование капиталовложений и т. д.

Все эти сходные черты позволяют ввести для характеристики групп взаимозависимых лиц такой термин, как «неформальный холдинг».

Общеизвестны способы уклонения групп взаимозависимых лиц от налогообложения. Это минимизация налогооблагаемой базы за счет использования компаний, зарегистрированных в оффшорных зонах, умышленная фальсификация данных о хозяйственных операциях между взаимозависимыми организациями, списание средств якобы на проведение каких-либо работ, оказание услуг, приобретение продукции, использова-

ние договора переработки давальческого сырья (толлинга), в соответствии с которым все материалы и изготовленная из них готовая продукция должны принадлежать заказчику, однако зачастую идет ее реализация третьим лицам, применение льготных (трансфертных) цен, использование фирм-однодневок.

При этом каждая фирма в отдельности может и не совершать действий, которые можно было бы квалифицировать как налоговое преступление (из-за недостаточной величины суммы ущерба либо из-за невозможности доказать умысел в действиях руководства каждой из компаний: например, при оплате авансом за фактически не произведенные работы организации, взаимозависимость которой с проверяемым лицом доказать не удалось), либо искусно маскировать их совершение путем полной фальсификации документального оформления расчетов между организациями, входящими в «неформальный холдинг». Наконец должностные лица этих организаций могут не быть признаны выгодоприобретателями в том случае, если денежные средства выводились через третьи фирмы и оффшорные зоны на счета истинных организаторов группы взаимозависимых лиц.

В настоящее время законодатель понимает необходимость повышенного внимания к группам взаимозависимых налогоплательщиков. В налоговом праве обозначились две тенденции.

Первую из них можно охарактеризовать как усиление мер налогового контроля над группами взаимозависимых лиц. Основы такого усиления заложены законом № 227-ФЗ от 18 июля 2011 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» [3]. Закон дополнил Налоговый кодекс новым разделом V.1, расширившим список взаимозависимых лиц, установившим список «контролируемых сделок» (то есть сделок, представляющих повышенную опасность незаконной оптимизации налогообложения в рамках группы взаимозависимых лиц, а потому проверяемых налоговыми органами на предмет соответствия цены сделки рыночному уровню цен), обязавшим налогоплательщика заявлять в налоговый орган обо всех сделках, отвечающих критериям контролируемости, введшим дополнительный тип налоговых проверок – проверок полноты исчисления и уплаты налогов при совершении сделок между взаимозависимыми лицами.

Вторая тенденция – признание группы взаимозависимых лиц в целях налогообложения *de facto* одним юридическим лицом – получила развитие в Федеральном законе № 321-ФЗ от 16.11.2011 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков» [4], который ввел в Налоговый кодекс понятие «консолидированной группы налогоплательщиков», то есть добровольного объединения нало-

гоплательщиков в целях исчисления и уплаты налога на прибыль организаций с учетом совокупного финансового результата хозяйственной деятельности указанных налогоплательщиков. В настоящий момент закон установил достаточно жесткие требования к организации консолидированных групп и ограничил их применение одним-единственным налогом, однако, нам важно то, что законодатель в принципе предусмотрел вариант, при котором группа юридических лиц рассматривается контролирующими органами в неразрывной связи, по сути, как структурные подразделения одного юридического лица.

К сожалению, уголовное право отстает в своем развитии от налогового. При введении института, аналогичного «консолидированной группе налогоплательщиков», в уголовное право можно было бы решить существенное количество вышеописанных проблем, возникающих в процессе привлечения к ответственности виновных в организации и совершении налоговых преступлений группами взаимозависимых лиц, рассчитывать ущерб, нанесенный интересам Российской Федерации по всему «неформальному холдингу» в целом, и, наконец, просто обесмыслить применение отдельных схем налоговых преступлений.

Например, невозможным станет перекладывать накопленную задолженность по налогам и сборам на «брошенную» организацию, ведь при введении в уголовное право названного института все организации, признанные взаимозависимыми с «брошенной» организацией на основании общих учредителей или фактических руководителей, будут принимать на себя ее бремя налогового ущерба. Аналогично – ущерб, нанесенный государству уклонением от налогообложения группой фирм с общим учредителем или фактическим руководителем, будет суммироваться, давая возможность привлечь виновных учредителей и фактических руководителей к уголовной ответственности. При наличии нескольких учредителей и фактических руководителей «неформального холдинга» ущерб следует делить пропорционально доле участия каждого из них.

Разумеется, в уголовном праве не может быть списка условий признания лиц взаимозависимыми, подобного тому, который установлен ст. 105.1 НК РФ. Наличие подобного списка позволило бы организаторам налоговых преступлений просто разрабатывать схемы взаимозависимости, не попадающие формально под указанные критерии. Взаимозависимыми должны признаваться любые лица при условии, что одна сторона может оказывать влияние на условия и результаты сделок, которые совершает другая сторона, а также на принятие управленческих решений другой стороной. Наличие этого условия может и должно быть установлено правоохранительными органами, в том числе и оперативным путем.

Кроме того, для уголовного права неприемлем и принцип, установленный статьей 25.1 НК РФ, предусматривающий формальный (договор-

ной) характер создания совокупного налогоплательщика из группы юридических лиц. Выделение консолидированного налогоплательщика должно осуществляться органами, уполномоченными на выявление и расследование дел о налоговых преступлениях на основании имеющейся у них информации о фактических взаимосвязях между отдельными элементами «неформального холдинга».

Соответственно, наличие умысла на совершение налогового преступления будет устанавливаться уже в действиях не только руководителей отдельных юридических лиц, входящих в состав «неформального холдинга», но, прежде всего, в действиях организаторов, учредителей, «неформальных руководителей» всего «холдинга» в целом. Ответственность при этом целесообразно делить между руководителем и учредителем в сравной мере, однако вполне возможна ситуация, когда руководители каждой из фирм, входящих в «неформальный холдинг», будут, исходя из величины причиненного ущерба, привлечены исключительно к административной ответственности, а учредитель (фактический выгодополучатель от совершения группы налоговых правонарушений) – к уголовной ответственности (по совокупности ущерба, нанесенного всем неформальным холдингом в целом).

---

1. О бухгалтерском учете: федер. закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – № 278.

2. О бухгалтерском учете: федер. закон от 21.11.1996 № 129-ФЗ с изм. и доп. от 28.11.2011 № 339-ФЗ // Рос. газ. – 1996. – № 228; 2011. – №275.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения: федер. закон от 18.07.2011 №227-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – № 159.

4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков: федер. закон от 16.11.2011 № 321-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – № 261.

5. О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества»): указ Президента РФ от 16.11.1992 №1392 с изм. и доп. от 26.03.2003 № 370 // Рос. газ. – 1992. – №251; 2003. – №59.

6. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.12.2006 №64 // Рос. газ. – 2006. – № 397.
7. Ахметшин Х.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Х.М. Ахметшин, А.Е. Беляев, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.И. Радченко. – М.: Вердикт, 1996.
8. Витвицкий А.А. Нужна ли система уголовного преследования за соучастие / А.А. Витвицкий // Налоговая полиция. – 1997. – № 12.
9. Витвицкий А.А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за уклонение от уплаты налогов: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Витвицкий. – М., 1995.
10. Григорьев В.А. Проблемы квалификации налоговых преступлений по признакам субъекта и субъективной стороны / В.А. Григорьев, А.В. Кузнецов // Справочно-правовая система Консультант Плюс. Комментарии законодательства. Юридическая пресса [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2004.
11. Завидов Б.Д. Уклонение от уплаты налогов. Уголовно-правовой комментарий к ст.198, 199 УК РФ / Б.Д. Завидов, И.А. Попов, В.И. Сергеев. – М.: Экзамен, 2001.
12. Клепицкий И.А. Налоговые преступления в уголовном праве России: эволюция продолжается / И.А. Клепицкий // Закон. – 2007. – № 7.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / под ред. О.Ф. Шишова. – М.: ООО «Изд-во Новая Волна», 1998.
14. Куприянов А.А. Упорядочить уголовную ответственность за налоговые преступления / А.А. Куприянов // Российская юстиция. – 1996. – № 7.
15. Кучеров И.И. Налоги и криминал: историко-правовой анализ / И.И. Кучеров. – М., 2000.
16. Соловьев И.Н. О квалификации налоговых преступлений / И.Н. Соловьев // Налоговый вестник. – 2001. – № 11.
17. Яни П.С. Налоговое законодательство: проблемы ответственности / П.С. Яни // Законность. – 1993. – № 9.
18. Яни П.С. Налоговые преступления. Статья вторая. Размер неуплаты. Субъекты ответственности. Вина. Гражданский иск / П.С. Яни // Законодательство. – 1999. – № 12.

УДК 65.01

Лавренюк Кирилл Игоревич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия*

Анализ эффективности взаимодействия органов местного самоуправления с основными группами заинтересованных сторон

Статья посвящена стратегическому анализу муниципального образования на основе теории заинтересованных сторон и одному из методов анализа эффективности взаимодействия муниципального образования с его группами заинтересованных сторон. Были выделены основные группы заинтересованных сторон для муниципального образования. Представлен метод оценки эффективности муниципального образования как стейкхолдер-организации и пример ее применения.

Ключевые слова и словосочетания: *оценка эффективности, муниципальное образование, теория заинтересованных сторон, стейкхолдер-организация.*

Развитие любой социально-экономической системы (в том числе муниципального образования) можно представить как процесс последовательного изменения ее состояний в пространстве возможных состояний. Таким образом, управление социально-экономической системой в самом общем случае предполагает определение траектории состояний системы (т.е. формирование цели и указание путей ее достижения) и удержание системы на этой траектории путем регулирования. При этом подразумевается, что в конечном (целевом) состоянии «качество» системы лучше, чем в исходном (начальном) состоянии. Одной из важнейших (хотя не единственной) характеристик качества экономической системы является ее эффективность. Таким образом, управление социально-экономической системой, в конечном итоге, связано с переводом ее из менее эффективного состояния в более эффективное.

Немаловажным критерием эффективности муниципального образования (МО) как социально-экономической системы, включающей в себя различные группы внешнего и внутреннего окружения (группы заинтересованных сторон), является степень достижения целей этих групп, находящихся в состоянии перманентного ресурсного обмена с МО.

В этой связи эффективность деятельности органов местного самоуправления в значительной степени определяется эффективностью их

взаимодействия с основными группами заинтересованных сторон (стейкхолдерами МО). В свою очередь, главной задачей анализа эффективности взаимодействия органов местного самоуправления с основными группами заинтересованных сторон является оценка степени налаженности ресурсного потока между МО и группами заинтересованных сторон. При этом умение выстраивать отношения с данными группами, обеспечивающие МО доступ к лучшим ресурсам, является одной из главных управленческих компетенций сотрудников администрации МО.

Рассмотрим следующие категории и соответствующие показатели эффективности МО.

Под *результативностью МО* понимается степень достижения его целей в результате деятельности как системы всех групп заинтересованных сторон (ГЗС). Показатель результативности позволяет судить о соответствии ресурсной базы МО его целям.

Под *эффективностью взаимодействия МО с ГЗС* понимается степень соответствия полученных от группы ресурсов целям МО. Показатели эффективности ресурсного обмена МО со стейкхолдерами свидетельствуют о налаженности ресурсных отношений МО с каждой из групп.

Под *индивидуальной эффективностью заинтересованной стороны МО* понимается степень достижения ее целей в результате функционирования МО как системы всех стейкхолдеров. По показателям индивидуальной эффективности ресурсного обмена стейкхолдеров с МО можно судить, в отношении каких групп деятельность администрации МО является наиболее эффективной.

Под *эффективностью МО* понимается способность реализации заинтересованными сторонами своих целей в ходе достижения целей МО с учетом вклада каждой ГЗС. Показатель эффективности МО свидетельствует о степени достижения целей системы стейкхолдеров и представляет совокупную оценку индивидуальных эффективностей ГЗС [1].

Под *актуальностью ресурса* понимается значимость определенного ресурса для ГЗС на данный период времени.

В целом, предлагаемые показатели позволяют судить о степени налаженности ресурсного потока между МО и группами заинтересованных сторон.

Пусть между k -й ГЗС и МО существует ресурсный обмен, в котором можно выделить $\overline{t}_k$ ресурсов, получаемых МО, и t'_k ресурсов, получаемых ГЗС ($k = \overline{1, n}$, n – количество ГЗС). Каждому ресурсу поставлены в соответствие две характеристики: важность с точки зрения вклада в ресурсную базу для достижения целей МО (ГЗС) и удовлетворенность МО (ГЗС) качеством и количеством получаемого ресурса. Обозначим их со-

ответственно a_i^k и x_i^k для i -го ресурса, получаемого МО, a_j^k и x_j^k для j -го ресурса, получаемого k -й ГЗС. Важность ресурсов будем измерять по шкале от 0 до 1 так, чтобы $\sum_{i=1}^{t_k} a_i^k = \sum_{j=1}^{t_k} a_j^k = 1$. Удовлетворенность полученным ресурсом будем измерять по шкале от 0 до 10 [2].

Индивидуальная эффективность k -ой ГЗС ($ИЭ^k$) может быть рассчитана как:

$$ИЭ^k = \frac{\sum_{j=1}^{t_k} a_j^k x_j^k}{x_{\max}}, \quad (1)$$

где $x_{\max}$ – целевая удовлетворенность полученными ресурсами (здесь $x_{\max} = 10$).

Эффективность взаимодействия МО с k -ой ГЗС ($ЦЭ^k$) есть:

$$ЦЭ^k = \frac{\sum_{i=1}^{t_k} a_i^k x_i^k}{x_{\max}}. \quad (2)$$

Эффективность МО ($Э$) может быть рассчитана как:

$$Э = \sum_{k=1}^n w_k \times ИЭ^k, \quad (3)$$

где w_k – значимость k -й ГЗС (для МО с точки зрения ее целей).

Результативность МО (P) может быть рассчитана как:

$$P = \sum_{k=1}^n w_k \times ЦЭ^k. \quad (4)$$

Актуальность i -го ресурса k -й ГЗС может быть рассчитана как:

$$A_i^k = a_i^k \times (1 - x_i^k). \quad (5)$$

Актуальность j -го ресурса, получаемого МО от k -й ГЗС, может быть рассчитана следующим образом:

$$A_i^k = a_i^k \times (1 - x_i^k). \quad (6)$$

Во вступлении С.Л. Байдакова к книге Д. Марсталла «Опыт города Шарлот. «Дорожная карта» преобразований и повышения эффективности системы городского управления» были выделены следующие ГЗС: жители, население страны (если речь идет о столичном городе), бизнес, мировое сообщество, законодательный и регулирующий органы, городские и местные органы власти, сервисные и обеспечивающие службы и организации, городские и муниципальные служащие [3].

По нашему мнению, для муниципальных образований возможно выделить шесть основных ГЗС:

1) «население» – это все люди, проживающие на территории муниципального образования и пользующиеся ресурсами района;

2) «гости МО» – данная группа важна для МО с развитым туристическим бизнесом;

3) «администрация МО» – часть населения МО, работающая в органах местного самоуправления на территории МО;

4) «соседние МО» – при реализации больших проектов у МО может не хватить ресурсов на его завершение, тогда МО может прибегнуть к помощи соседних МО;

5) «бизнес-сообщества» – включают в себя предприятия из разных секторов бизнес-среды, функционирующие на территории МО, такие, как промышленный сектор, сельскохозяйственный сектор, сектор бытового обслуживания и т.д.;

6) «областная (краевая) власть» – основной источник финансирования и контроля для МО.

Расчет эффективности существующего ресурсного обмена между МО и его стейкхолдерами представлен на примере Анучинского муниципального района Приморского края.

Для Анучинского муниципального района были выделены следующие группы заинтересованных сторон:

– «население» – это все люди, проживающие на территории муниципального образования и пользующиеся ресурсами района;

– «администрация МО» – часть населения МО, которая входит в органы местного самоуправления на территории МО;

– «сельское хозяйство» – организации всех форм собственности, осуществляющие свою деятельность в сфере сельского хозяйства;

– «промышленность» – организации всех форм собственности, осуществляющие свою деятельность в промышленной сфере;

– «краевая власть» – основной источник финансирования и контроля для МО.

В целом, предлагаемые показатели позволяют судить о степени налаженности ресурсного потока между МО и ее заинтересованными сторонами. Параметры индивидуальной эффективности ресурсного обмена МО показывают, в отношении каких групп деятельность компании является наиболее эффективной. Показатели целевой эффективности ресурсного обмена МО со стейкхолдерами свидетельствуют о налаженности ресурсных отношений с каждой из групп. Показатель результативности позволяет судить о соответствии ресурсной базы МО ее целям. Показатель эффективности МО свидетельствует о степени достижения целей системы стейкхолдеров.

В таблицах 1 и 2 приведены результаты экспертной оценки ресурсного обмена между Анучинским муниципальным районом (АМР) и его ГЗС.

Таблица 1

Экспертная оценка ресурсов, получаемых ГЗС от АМР

№ п/п	Ресурсы, получаемые ГЗС от АМР	Важность ресурса для ГЗС	Удовлетворенность полученным ресурсом	Актуальность
1. Группа «Население»				
1.1	Коммунальные услуги	0,15	3	1,05
1.2	Услуги здравоохранения	0,14	3	0,98
1.3	Досуг	0,08	4	0,48
1.4	Услуги образования	0,12	6	0,48
1.5	Услуги безопасности	0,1	5	0,5
1.6	Условия для создания рабочих мест	0,16	5	0,8
1.7	Благоустройство	0,08	5	0,4
1.8	Дорожная сеть	0,12	6	0,48
1.9	Посредничество при решении вопросов	0,05	7	0,15
2. Группа «Сельское хозяйство»				
2.1	Земельный ресурс	0,33	6	1,32
2.2	Коммунальные услуги	0,11	4	0,66
2.3	Налоговые льготы	0,22	3	1,32
2.4	Участие в программе краевого финансирования	0,09	4	0,54
2.5	Услуги по сбыту продукции	0,25	4	1,5
3. Группа «Промышленность»				
3.1	Природные ресурсы	0,29	4	1,74
3.2	Налоговые льготы	0,20	4	1,2
3.3	Участие в программе краевого финансирования	0,1	3	0,7
3.4	Коммунальные услуги	0,16	3	1,12
3.5	Квоты	0,25	6	1,0
4. Группа «Краевая власть»				
4.1	Занятость населения	0,27	3	1,89
4.2	Налоги	0,43	6	1,72
4.3	Проекты по программе краевого финансирования	0,3	4	1,8
5. Группа «Администрация района»				
5.1	Заработная плата	0,35	5	1,75
5.2	Комфортные условия труда	0,27	6	1,08
5.3	Социальный статус	0,22	5	1,1
5.4	Моральное удовлетворение от работы	0,16	4	0,96

Источник: сост. авт.

Таблица 2

Экспертная оценка ресурсов, получаемых АМР от ГЗС

№ п/п	Ресурсы, получаемые АМР от ГЗС	Важность ресурса для АМР	Удовлетворенность полученным ресурсом	Актуальность
1. Группа «Население»				
1.1	Трудовые ресурсы	0,13	4	0,78
1.2	Занятость населения	0,33	3	2,31
1.3	Оплата ЖКХ	0,3	7	0,9
1.4	Общественное мнение	0,24	4	1,44
2. Группа «Сельское хозяйство»				
2.1	Налоги	0,37	7	1,11
2.2	Проекты по краевым программам	0,17	3	1,19
2.3	Продукция	0,33	8	0,66
2.4	Имидж экологически чистой продукции	0,13	7	0,39
3. Группа «Промышленность»				
3.1	Налоги	0,37	5	1,85
3.2	Проекты по краевым программам	0,17	2	1,36
3.3	Продукция	0,33	3	2,31
3.4	Технология производства	0,13	2	1,04
4. Группа «Краевая власть»				
4.1	Дотации	0,23	7	0,69
4.2	Финансовая поддержка	0,31	4	1,86
4.3	Целевые программы	0,21	5	1,05
4.4	Юридические услуги	0,08	3	0,64
4.5	Материально-техническое обеспечение	0,17	3	1,19
5. Группа «Администрация района»				
5.1	Управленческие ресурсы	0,4	7	1,2
5.2	Отработанные часы	0,17	5	0,85
5.3	Корпоративная культура	0,13	2	1,04
5.4	Компетенции сотрудников	0,3	5	1,5

Источник: сост. авт.

Наиболее актуальный ресурс, получаемый группой «Населения», – коммунальные услуги. В настоящее время ситуация в данной сфере постепенно улучшается: построен газопровод, подводится горячее водоснабжение, хотя неудовлетворенность данным ресурсом все еще достаточно высока, что говорит о низком качестве оказываемых услуг или их отсутствии.

Наиболее важным для группы «Сельское хозяйство» является земельный ресурс. Высокая оценка удовлетворенности данным ресурсом связана с тем, что АМР обладает большой площадью сельскохозяйственных земель, значительный процент которых в данный период не используется. Самый актуальный ресурс для группы «Сельское хозяйство» – услуги по

сбыту сельскохозяйственной продукции. Причиной этого является неразвитость процессов и форм сбыта сельскохозяйственной продукции.

Наиболее актуальным ресурсом, получаемым группой «Промышленность», являются природные ресурсы, имеющие высокую оценку важности при низкой оценке удовлетворенности. Это связано с тем, что на территории АМР недостаточная разработанность имеющихся месторождений природных ископаемых или полное отсутствие определенных категорий ресурсов.

Основные проблемы ресурсного взаимодействия района с «Краевой властью» связаны с низким процентом работающего населения.

Наиболее актуальным ресурсом для ГЗС «Администрация района» является заработная плата.

«Болевой» точкой в ресурсном обмене между МО и ГЗС «Население» является занятость населения.

Самые важные ресурсы, получаемые МО от «Сельского хозяйства» (налоги и продукция), имеют очень высокие оценки значимости, что связано со своевременными налоговыми выплатами и качеством производимой продукции. В то же время очень низкий процент организаций данной отрасли предоставляет проекты для участия в программах целевого финансирования, что обуславливает высокую актуальность соответствующего ресурса для АМР как традиционно сельскохозяйственного района.

«Болевые» точки в ресурсном обмене между АМР и группой «Промышленность» определяются низкими объемами производимой промышленной продукции.

Основной проблемой ресурсного взаимодействия района с «Краевой властью» выступает недостаточное финансирование со стороны краевых властей.

Наиболее актуальным ресурсом, получаемым МО от группы «Администрация района», является слабое привлечение молодых квалифицированных управленцев.

Таблица 3

Показатели эффективности АМР

ГЗС	Индивидуальная эффективность	Эффективность взаимодействия
Население	0,47	0,46
Сельское хозяйство	0,44	0,67
Промышленность	0,42	0,34
Краевая власть	0,46	0,49
Администрация района	0,51	0,54

Источник: сост. авт.

Далее на основании полученных данных рассчитываем показатели эффективности МО, в том числе показатели индивидуальной эффективности заинтересованных сторон, показатели целевой эффективности ресурсного обмена МО с каждой группой, эффективность и результативность МО (табл. 3).

По формулам 3 и 4 вычислим значения эффективности и результативности МО: $E = 0,46$ и $P = 0,49$.

При расчете показателей эффективности и результативности МО использовались весовые коэффициенты (коэффициенты значимости) ГЗС, определенные экспертно (табл. 4).

Таблица 4

**Сравнительная важность основных групп заинтересованных сторон
Анучинского МР**

ГЗС	Важность
Население	0,27
Краевая власть	0,22
Промышленность	0,2
Сельское хозяйство	0,18
Администрация района	0,13

Источник: сост. авт.

Близость численных значений эффективности и результативности АМР (несмотря на существенные различия между «вкладом» отдельных ГЗС и их индивидуальной эффективностью) свидетельствует о сбалансированности совокупного ресурсного потока между МО и его – стейкхолдерами.

В то же время обращает на себя внимание дисбаланс в ресурсном обмене АМР с группами «Сельское хозяйство» и «Промышленность». Это связано с тем, что группа «Сельское хозяйство» получает недостаточную поддержку от МО в области сбыта продукции, коммунальных услуг и налоговых льгот, в то время как ГЗС обеспечивает МО высококачественными продуктами и не имеет задолженностей по оплате налогов. Группа «Промышленность», наоборот, имеет серьезную поддержку со стороны МО в области налоговых льгот, предоставления доступа к природным ресурсам и выделения квот на них, но не реализовывает свой потенциал путем предоставления проектов для целевого финансирования и внедрения новых технологий промышленного производства.

1. Рахманова М.С. Разработка методов инновационного стратегического анализа вуза на основе теории заинтересованных сторон: дис. ... канд. экон. наук / М.С. Рахманова. – Владивосток, 2009. – 176 с.

2. Солодухин К.С. Инновационная технология стратегического анализа организации на основе теории заинтересованных сторон / К.С. Солодухин, М.С. Рахманова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2009. – № 2. – С. 102 – 111.

3. Марсталл Д. Опыт города Шарлот. «Дорожная карта» преобразования и повышения эффективности системы городского управления / Д. Марсталл, Д. Боргсдорф, Э. Блайденберг и др.; пер. с англ. О. Савельева, вступ. ст. С.Л. Байдакова. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2010. – 304 с.: ил.

ВЫСШАЯ ШКОЛА – БИЗНЕСУ

УДК 001.8

Ембулаев Владимир Николаевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Дегтярёва Ольга Григорьевна

*Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
Комсомольск-на-Амуре, Россия*

Системный подход как метод изучения рисковых ситуаций

В настоящее время при анализе и синтезе больших систем получил развитие системный подход, который предполагает последовательный переход от общего к частному, когда в основе рассмотрения лежит цель, причём исследуемый объект выделяется из окружающей среды. Данный метод даёт возможность оценить и учесть факторы риска и неопределённости при выборе наиболее оптимальных решений из всех возможных, что позволяет управлять рисковыми ситуациями.

Ключевые слова и словосочетания: *большая система, метод исследования, системный подход, управление, неопределённость, теория рисков.*

В условиях создания рыночной модели экономики ведущими сферами, развитие которых способно обеспечить её подъём, объявляются пассажирский транспорт, благоустройство городов и экономически доступное жилищное строительство, развитие здравоохранения и образования, защита окружающей среды.

Городской пассажирский транспорт (ГПТ) как одна из социально значимых отраслей городского хозяйства играет большую роль в обеспечении качества жизни городского населения. Пожалуй, это один из немногих секторов экономики, результаты которого в полной мере ощущают на себе все жители города. От эффективности функционирования пассажирского транспортного комплекса во многом зависит сохранение социальной, экономической и политической стабильности жизни города.

В городе ежедневно десятки, сотни тысяч людей передвигаются с одного места в другое. Разумеется, что для каждого конкретного человека указанные передвижения чем-то обусловлены. Однако отсутствие такой информации позволяет допускать, что эти передвижения являются случайными и как бы хаотическими. Кроме того, для решения задач организации транспортного обслуживания населения в поездках вовсе не обязательно знать о каждом жителе, почему он выбрал именно этот путь передвижения, а не другой, т.е. путь (i, j) , где i – пункт отправления, j – пункт назначения. Тогда выбор каждым жителем пути передвижения (i, j) , можно считать, производится случайно и независимо от других аналогичных выборов. Поэтому изучение передвижений населения в транспортной системе города требует вероятностной интерпретации.

С другой стороны, на эффективность предпринимательской деятельности перевозчиков при реализации транспортных услуг влияют рискованные ситуации, которые возникают как из-за природных случайных явлений (дождь, снег, обвалы, аварии и т.д.), так и при организации пассажирских перевозок по маршрутам города в условиях неопределённости, когда отсутствует информация о потребностях населения в поездках. Отсюда следует, что изучение рискованных ситуаций также требует вероятностной интерпретации.

Известно, что на теорию вероятностей существуют две точки зрения – объективная и субъективная. Объективная точка зрения заключается в том, что вероятность всегда можно измерить, наблюдая частоту осуществления событий в случайном эксперименте; субъективная точка зрения рассматривает вероятности как выражение человеческого незнания, мерой которого служит энтропия. С субъективной точки зрения цель теории вероятностей заключается в том, чтобы помочь получать правдоподобные прогнозы в случаях, когда не располагают информацией для однозначных выводов. А это, в свою очередь, позволяет снизить рискованные ситуации в предпринимательской деятельности перевозчиков при реализации транспортных услуг. И так как изучению рискованных ситуаций с позиций субъективной точки зрения на теорию вероятностей в настоящее время недостаточно посвящено исследовательских работ, то это направление исследований является новым направлением в развитии теории управления рисками.

Теория рисков есть теория принятия решений в условиях вероятностной неопределённости при отсутствии полной, своевременной и достоверной информации о состоянии предпринимательской деятельности. С математической точки зрения она является разделом теории вероятностей, в основе которой лежат понятия риска, меры и цены риска, отношения индивидуума к риску. Управление рисками – это процессы, связанные с идентификацией и анализом рисков и принятием решений, которые

включают максимизацию положительных и минимизацию отрицательных последствий наступления рискованных событий.

Следует отметить, что при изучении рискованных ситуаций совсем не обязательно пытаться сводить всё либо к объективной, либо к субъективной точке зрения; обе полезны. Но важно их не смешивать. При этом если появляется желание воспользоваться концепцией энтропии для описания некоторого события, то следует чётко определить, как её можно измерить, или же описать распределение вероятностей, связанное с каким-либо свойством события и порождающее энтропию этого события.

Для того чтобы управлять рискованными ситуациями, которые возникают в результате реализации транспортных услуг по маршрутам города, надо вначале проанализировать причины, порождающие такие ситуации, затем определить средства устранения этих причин и, наконец, установить пути реализации выбранных средств с учётом изучения рискованных ситуаций в условиях неопределённости принятия решений. Именно системный подход даёт возможность оценить и учесть факторы риска в условиях неопределённости выбора наиболее оптимального решения из всех возможных, что и позволяет управлять рискованными ситуациями в процессе организации транспортных услуг

Системный подход есть методология исследования трудно наблюдаемых и трудно понимаемых свойств сложных объектов, основанная на том, что не игнорируется наличие тесной взаимосвязи между большим числом как внутренних, так и внешних факторов, определяющих поведение рассматриваемой системы; учитывается имеющаяся неопределённость поведения системы в целом и отдельных её частей как результат действия случайных факторов и участие в системе людей; учитываются изменения во времени свойств системы и внешней среды. Всё это указывает на то, что при изучении сложных объектов возникают рискованные ситуации, которыми надо управлять в целях максимизации положительных и минимизации отрицательных последствий наступления рискованных событий.

В отличие от классического (или индуктивного) подхода, который рассматривает исследуемую систему путём перехода от частного к общему и синтезирует (конструирует) систему путём слияния её компонент, разрабатываемых отдельно, системный подход предполагает последовательный переход от общего к частному, когда в основе рассмотрения лежит цель, причём исследуемый объект-система выделяется из окружающей среды.

Подобный подход оказывается эффективным и при решении задачи анализа системы – определения функций, реализуемых системой при известных элементах и известной организации системы, и решении задачи синтеза системы – определения элементов и организации системы по заданной её функции. Системный подход – одно из наиболее перспективных

научных направлений в экономике, поскольку именно к категории больших систем относится большинство социально-экономических систем.

За последнее время о системном подходе пишут так часто и поразному, что это начало зачастую порождать бессистемное представление о его смысле и назначении. Именно поэтому возникла потребность дать основные понятия системного подхода, чтобы они образовали непротиворечивую совокупность взглядов или, иными словами, представляли системное описание системного подхода. При этом задача заключается в выявлении специфики системного подхода и определении его требований с определённой, достаточной для отличия работающей методологии от модного термина.

Термин «системный подход» (в близком, хотя и не синонимическом, смысле употребляются также такие термины, как «общая теория систем», «системология», «системные исследования», «системный анализ» и т.д.) уже давно вошёл в научный лексикон. Системный подход применяется в экономике, технике, биологии, медицине, истории, политике, военном деле. Он используется в теоретических и прикладных исследованиях, при выборе образцов новой техники, вариантов капиталовложений в развитие экономики и т.д.

Специфика системного подхода выявляется через ту проблемную ситуацию в науке и практике, для разрешения которой оказывается адекватным только этот подход. Такая проблемная ситуация довольно часто возникает в управлении сложными объектами и состоит в том, что традиционно эмпирически получаемая информация оказывается недостаточной для эффективного принятия решений. В процессе управления сложными для естественных возможностей человеческого интеллекта объектами применяют не только автоматизированные человеко-машинные системы на базе ЭВМ и математических методов, но и системный метод упорядочения исходной информации. Эту информацию надо собрать по такой системе показателей, которая создана на основе системного подхода и позволяет представить объект как систему.

Следовательно, появление системного подхода обусловлено усложнением процессов, обилием информации, фактов. При изучении сложных процессов аналитические методы становятся менее эффективными. Нужен был более действенный принцип, позволяющий систематизировать отдельные факты и устанавливать логические связи между ними. Таким принципом стал системный подход.

Продолжительное время системный подход базировался главным образом на применении математических моделей и методов. Однако по мере возникновения всё более сложных проблем с множеством неопределённостей одной математики стало недостаточно. Требовался подход, включающий диалектические принципы научного мышления, для логи-

ческого анализа систем с учётом их взаимосвязей и противоречивых тенденций. При таком подходе математические методы становятся лишь расчётным инструментом, а главенствующая роль сводится к логике системного подхода, обуславливающего упорядочение процедуры принятия решений.

Понятие «системный» означает, что при исследовании проблемы используется категория системы. Выделяют два подхода к пониманию термина «системный подход». Сторонники первого подхода видят его назначение в решении проблем формального описания сложных объектов с помощью средств математики (блочных диаграмм, сетей, математических уравнений). На основе формального описания ставится задача отыскания максимума (минимума) некоторой целевой функции при определённой системе ограничений на параметры функциональной системы. К системному подходу при таком понимании стали относить и работу, связанную с составлением блок-схем, характеризующих взаимосвязь и последовательность выполняемых операций для расчётов на ЭВМ.

Сторонники второго подхода во главу угла ставят логику системного подхода как методологию структуризации проблемы, которую предстоит решить с применением или без применения математики. Понятие структуризация включает: выяснение реальных целей системы, альтернативных путей достижения целей, оценку условий возникновения проблемы и, следовательно, ограничений и последствий, т.е. основной упор делается на применение диалектических принципов научного мышления, логический анализ сложных объектов с учётом их взаимосвязей и противоречивых тенденций. При таком подходе логический системный подход в той или иной степени только дополняется различного рода математическими методами и моделями. Этим второй подход и отличается от предмета и методологии формально-математических системных исследований.

Поскольку системный подход включает весьма разнородные элементы (от философских определений понятия системы до методов прикладной математики), то возникает потребность в необходимости дать основные понятия подхода так, чтобы они образовали непротиворечивую совокупность взглядов или, иными словами, представляли системное описание системного подхода.

Безусловно, системный подход не появился мгновенно, а формировался эволюционно по мере познания человеком окружающего мира. Слово «система» появилось в Древней Элладе 2 – 2,5 тыс. лет назад и первоначально означало устройство, организацию, нечто приведённое в порядок и т.д. На следующих этапах происходила дальнейшая универсализация значения слова, наделение его обобщающим смыслом, что позволяет применять его к объектам различной природы.

Окружающий нас мир – это система, ибо представляется нам в виде объективно существующей иерархии различно организованных взаимодействующих систем. Мышление человека также системно, что подтверждается формированием им мысленных конструкций по возникающим проблемам той или иной глубины в зависимости от имеющихся у него знаний (теоретических и практических) и навыков (природных и приобретённых).

Овладение системным подходом – довольно сложная задача. Её трудности обусловлены традиционным аналитическим построением наших знаний и специальностей в вузах. Поэтому наиболее восприимчивы к овладению системным подходом специалисты, проработавшие после окончания вуза несколько лет на производстве и на собственном опыте испытавшие, как не просто иметь дело с проблемами реальной жизни. Это те, кто уже пытался принимать решения без достаточного знания того, на чём основывается решение. Естественно, что разговор идёт об оптимальных, а не о любых решениях.

Оптимальные решения в реальной жизни практически невозможно принять в предметном знании (узкой специализации), особенно в условиях, когда необходимы фантазия и воображение в сочетании с работой мысли.

Первые шаги исследователя применить основы системного подхода начинаются с момента, когда он для осмысления новых знаний приходит к формулировке вопросов, на которые должен искать ответы в разных источниках; критически осмыслить полученную информацию (в процессе творческого мышления, т.е. синтеза) и получить целостное усвоение знаний.

Следует отметить, что углубление научной картины мира и рост сложности самого научного знания рождает потребность в системном подходе. Вместе с тем развитие системного знания как методологического средства имеет, конечно, и свои более конкретные гносеологические основания. Благодаря этому его понятия и специфические теоретико-познавательные конструкции успешно выполняют в науке определённые методологические функции, помогают точнее анализировать процессы и явления объективного мира, лучше синтезировать научное знание.

Что же изучает системный подход и каково его отношение к другим средствам научной методологии? Каковы те черты объективной действительности, которые он раскрывает? Каковы те феномены познания, которые с помощью системного подхода удаётся раскрыть полнее, чем иными средствами знаниями?

Научная методология имеет некие общие основания (для марксистской методологии это материализм и диалектика) и целый арсенал отдельных принципов, подходов и приёмов, специфичных для изучения процессов развития и функционирования, отношений причинности, взаи-

мосвязи и взаимодействия, противоречий, феноменов строения и структуры и т.п. Каждое из этих методологических средств является отражением одной из общих черт объективной действительности и, по сути дела, представляет собой особый логико-гносеологический аппарат адекватного изучения её природных и общественных форм.

Системный подход, как и все другие средства методологии, также базируется на познании некоторых всеобщих черт реальной действительности и представляет собой познавательный инструментарий для их адекватного изучения.

Так, познавая объективный мир, человек, как с первой внешней реальностью, сталкивается с тем, что любые явления природы и общества в действительности существуют не иначе, как в форме объектов, предметов, комплексов, единств. Иначе говоря, они обладают формой целого или свойством целостности, системности.

Современное научное познание показывает, что мир сложен и состоит из объективных реальностей трёх уровней:

- на микроуровне – это «элементы», «частицы» и т.п.;
- на мезоуровне – это предметы, явления, словом, ординарные объекты и индивидуумы природы и общества;
- на макроуровне – это надпредметные и надындивидуальные макроскопические объединения и комплексы: общественно-экономические формации, виды и роды животных и растений, геосистемы и экосистемы, галактики и метagalактики и т.п.

При этом явления любого уровня представляют собой некие «качественные узлы», сгустки материи, блоки взаимодействия, т.е. определённые единицы объективного мира, устойчиво, закономерно образом связанные в целостные единства. Эта, выражаясь гегелевским языком, «качественная узловатость» и есть необходимая форма существования явлений природы и общества, проявление одной из фундаментальных закономерностей объективной реальности.

Именно эти целостные, устойчивые единства, эти единицы объективного мира мы и называем обобщённо системами. А само изучение целостных предметов и явлений как закономерно обусловленных «качественных узлов», выявление закономерностей их образования, существования и взаимодействия считаем системным подходом. Это первая черта объективной реальности, отражением и аналогом которой в теории выступает системный подход.

Другая черта, которую специфически выражает системный подход, – интеграция. Фактически она является обратной стороной целостности, так сказать, её «вторым я». Поскольку сама целостность есть интегральный результат объединения частей в целое, главные структурные законы

целого суть законы интеграции, его системные качества – феномен интеграции и т.п. Словом, целостность и интеграция неразрывны и двуедины.

Не менее важно чётко себе представить, какими способами системный подход отражает действительность.

В практике научного познания отчётливо обнаруживаются две основные разновидности «системного видения», две его взаимодополняющие специфические формы: изучение предмета как системы и изучение системности самого мира. Иными словами, моносистемная и полисистемная фокусировки научного познания.

Так, моносистемное знание сфокусировано на познании предмета (явления) как системы. Следуя традиционным путём движения познания от явления к сущности, от формы к содержанию, оно характеризует все его системные стати – начиная с изучения целостности и механизмов интеграции частей в целое до законов структуры и других общесистемных законов. Это знание системноцентрическое, направленное в основном на изучение внутренних механизмов и законов явления.

В отличие от него, полисистемное знание нацелено на раскрытие системности самого мира, т.е. изучение действительности как многосистемной, а отдельного предмета как «элемента» многих разнопорядковых реальностей данной природной или общественной среды. Это знание многофокусное, многоуровневое, полидетерминантное, иначе говоря, сложное знание о предмете и действительности или о действительности и предмете в нем. Оно фактически расширяет представление о самом предмете познания за счёт изучения его макро- и микросистемных оснований, а также систем внешних взаимодействий.

Полисистемность – та сторона учения о системности, которая, пожалуй, наиболее сложна и вместе с тем наименее известна обыденному сознанию. В определённом смысле можно даже сказать, что пока речь идёт об изучении предметов как системы, то это делается конкретными науками даже и без специальных процедур системного подхода. (Хотя, конечно, с ними можно сделать полнее, глубже и лучше.)

Этого нельзя сказать об изучении проблем полисистемности. Многие науки пока не имеют собственного достаточно развитого арсенала теоретических и методологических приёмов исследования полисистемности и качественной многомерности, видимо, потому что это требует выхода за рамки традиционного отражения мира данной научной дисциплиной. В этих условиях общеметодологическая роль понятийного аппарата системного подхода особенно возрастает.

Здесь следует оттенить ещё одну сторону вопроса. Системный подход вовсе не является единственным средством изучения систем, тем более это отнюдь не панацея от всех бед. Естественные и общественные науки изучают бесчисленное множество различных объектов-систем, изучают специфические содержательные (физические, химические, биологические, социально-экономические и т.п.) закономерности генезиса,

структуры и функционирования целостных явлений природы и общества. Притом изучают, чаще всего не употребляя никакой системной терминологии. Так было и так в целом, видимо, и будет. Системный подход не может подменить конкретные науки в изучении конкретных систем, он призван помочь учёным всех специальностей изучать системы лучше, используя в концентрированно методологическом виде все достижения научного познания этого рода.

Итак, системный подход как методологическое учение использует «системный материал», добываемый всеми науками, в виде конкретного материала анализа, а сам он обобщает данные познавательного процесса и разрабатывает свои специфические гносеологические приёмы и процедуры. Прежде всего: а) вычисление общего в частнометодологическом знании о системах; б) описание и классификация типических системных форм и механизмов действия тех или иных системных феноменов; в) выработка наиболее рациональных схем научного анализа системных явлений применительно к сферам неорганической и органической природы, явлениям общественной жизни, различиям материальных и идеальных, естественных и искусственных систем; особенностям системных форм в статике, динамике и развитии; использование системных приёмов в синтезе научных знаний; применение системного анализа и синтеза в прогностике и т.п.

В результате, когда готовое и методологически хорошо выверенное системное знание применяется в конкретно-научных исследованиях, то его приёмы вооружают исследователя знанием о типах систем и их законах, предлагают ему использовать «лекала» системного знания в анализе определённых черт бытия изучаемых им конкретных явлений.

Таким образом, задачей системных исследований является, прежде всего, выработка соответствующей теоретико-познавательной технологии изучения явлений как систем и познания системности самого мира. Применение этой «познавательной технологии» добавляет научному знанию новые грани, делает его более систематичным, углубляет его, позволяет лучше справляться с проблемами сложности, точнее раскрывать многомерную картину действительности. Словом, системная компонента современного научного знания становится всё более богатой и действительной, она является ныне важной составляющей прироста методологического знания.

Анфилатов В.С. Системный анализ в управлении / В.С. Анфилатов, А.А. Емельянов, А.А. Кукушкин. – М.: Финансы и статистика, 2005.

Блауберг И.В. Системный подход в современной науке / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин // Проблемы методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970.

Дегтярев Ю.И. Системный анализ и исследование операций / Ю.И. Дегтярев. – М.: Высшая школа, 1996.

- Жариков Е.П. Системный анализ и проблема измерения синергизма / Е.П. Жариков, Н.Е. Якименко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.
- Зорина Л.Я. Системность – качество знаний / Л.Я. Зорина. – М.: Знание, 1976.
- Казиев В.М. Введение в анализ, синтез и моделирование систем / В.М. Казиев. – М.: БИНОМ, 2007.
- Квейд Э. Анализ сложных систем / Э. Квейд. – М.: Сов. радио, 1969.
- Лагоша Б.А. Основы системного анализа / Б.А. Лагоша, А.А. Емельянов. – М.: Изд-во МЭСИ, 1998.
- Моисеев Н.Н. Математические задачи системного анализа / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1981.
- Мостапенко М.Ф. Философия и методы научного познания / М.Ф. Мостапенко. – Л.: Лениздат, 1972.
- Научные основы организации управления и построения АСУ: учебник / под ред. В.Л. Бройда, В.С. Крылова. – М.: Высшая школа, 1981.
- Оптнер С. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем / С. Оптнер. – М.: Сов. радио, 1969.
- Панков Ю.С. Элементы теории макросистем и её приложения / Ю.С. Панков. – М.: ВНИСИ, 1985.
- Перегудов Ф.Н. Методика проектирования генеральной схемы управления хозяйством области. Опыт создания территориальных АСУ / Ф.Н. Перегудов, В.А. Силич, А.А. Фрицлер. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979.
- Перегудов Ф.И. Введение в системный анализ / Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко. – М.: Высшая школа, 1989.
- Прангишвили И. В. Системный подход и общественные закономерности / И.В. Прангишвили. – М.: Синтег, 2000.
- Райветт П. Исследование операций / П. Райветт, Р. Акофф. – М.: Мир, 1966.
- Системное проектирование АСУ хозяйством области / под общ. ред. Ф.Н. Перегудова. – М.: Статистика, 1977.
- Советов Б.Я. Моделирование систем / Б.Я. Советов, С.А. Яковлев. – М.: Высшая школа, 1985.
- Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: учебное пособие / В.Н. Спицнадель. – СПб.: Издательский дом «Бизнес-пресса», 2000.
- Черняк Ю.И. Системный анализ в управлении экономикой / Ю.И. Черняк. – М.: Экономика, 1975.
- Дегтярёва О.Г. Комплексная оценка эффективности управления хозяйственными рисками в сфере предпринимательства (на примере малых предприятий Хабаровского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук / О.Г. Дегтярёва. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. – 24 с.
- Ембулаев В.Н. Теоретические основы и методы управления транспортной системой крупного города / В.Н. Ембулаев. – Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2004. – 212 с.

УДК 336.61

Варкулевич Татьяна Владимировна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

О формировании системы управленческого учета в государственном вузе

Статья посвящена вопросам актуальности внедрения в систему управления деятельностью государственных учреждений управленческого учета, способного обеспечить системное управление затратами на оказание образовательных услуг и повышение эффективности деятельности учреждения в целом.

Ключевые слова и словосочетания: вуз, государственный университет, управленческий учет, затраты, себестоимость, образовательные услуги, эффективность деятельности, анализ.

В жизнь российских субъектов хозяйствования управленческий учёт вошёл вместе с возникновением и ростом предприятий, ориентированных на рынок. И это вполне понятно, ведь в условиях жесткой конкуренции от правильных, адекватных вызовам внешней среды управленческих решений зависят зачастую не только экономическое и финансовое благополучие субъектов хозяйствования, но и само их существование. Под воздействием различных объективных факторов, вызываемых новыми технологиями, государственным регулированием и ростом предприятий, усложняется структура бизнеса, возникает потребность в его диверсификации, а, следовательно, в формировании новых отделов, служб как на уровне отдельных подразделений, так и на уровне организации в целом.

Рыночные экономические отношения в России, глубоко и устойчиво внедрившиеся в систему образования, наряду с безусловно имеющимися позитивными результатами в формировании механизмов системы высшей школы на базе новых экономических отношений способствовали возникновению многих проблем и негативных тенденций в использовании накопленного в социалистический период ресурсного и кадрового потенциала.

В условиях рыночной экономики задачи вузов по обеспечению развития образования, науки и культуры, по существу, не изменились, однако они вынуждены искать и применять подходы, основанные на коммерциализации многих видов деятельности, а сама деятельность приобретает черты рыночных рискованных предприятий, часто требующих нестандарт-

ных решений. Это ведёт к необходимости внедрения более эффективных методов хозяйствования и выдвигает на первый план необходимость разработки системы управления его финансовыми ресурсами, направленной не только на их привлечение и повышение эффективности их использования, но, главным образом, на создание финансово-экономических механизмов, обеспечивающих их экономное и рациональное использование.

Рыночные отношения изменили порядок финансирования бюджетных образовательных учреждений. Теперь они не только имеют возможность оказывать образовательные услуги на платной основе, но последние зачастую превалирует над услугами, финансируемыми из государственного бюджета. Возможность получать средства из внебюджетных источников стимулирует образовательные учреждения развивать новые образовательные услуги для потребителя и брать на себя обязательства по гарантиям обеспечения их качества.

Однако тот же рынок предопределил необходимость решения ранее не свойственной вузам государственной системы высшего профессионального образования проблемы завоевания и расширения рынка сбыта образовательных услуг, выживания в условиях жестокой конкуренции.

Тем временем для повышения конкурентоспособности оказываемых государственными образовательными учреждениями услуг необходимо определить основные факторы, влияющие на их качество. К числу основных, по мнению автора, относятся:

- квалификация профессорско-преподавательского состава;
- внедрение новых, в том числе информационных, технологий;
- внедрение новых образовательных программ;
- состояние аудиторного фонда;
- оснащённость учебных аудиторий современным оборудованием;
- оснащённость университетской библиотеки;
- комфортные условия для проживания иногородних студентов в общежитии;
- качество предоставляемых вузом социальных программ.

Совершенно очевидно, что повышение качества любого из вышеперечисленных факторов влечет за собой и увеличение, по меньшей мере, материальных затрат. Поскольку именно затраты оказывают огромное влияние на вырабатываемую вузом стратегию ценообразования, основной задачей в решении данной проблемы является их минимизация в процессе оказания образовательных услуг.

Для того чтобы следить за издержками и доходами вуза, выявлять возможные резервы повышения эффективности его деятельности по всем направлениям, необходимо деятельность университета, связанную с оказанием образовательных услуг, рассматривать как единый производственный процесс.

Одним из способов оптимизации затрат, а, следовательно, повышения эффективности деятельности субъекта хозяйствования в целом может стать управленческий учет, актуальность которого на предприятиях, занятых производственной деятельностью, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения. Однако давно миновали те времена, когда считалось, что прибавочный продукт создаётся только в материально-производственной сфере. Услуги, в том числе и образовательные, заняли достойное место в иерархии общественного производства, ввиду чего образовательное учреждение в данном контексте не только не является исключением, а, напротив, все чаще рассматривается как производственный комплекс, специализирующийся по «производству» образовательных услуг, перечень которых в одном среднестатистическом вузе может достигать свыше 50 наименований, не считая программ дополнительного образования.

Все чаще в терминологии государственных вузов употребляются понятия экономической эффективности, доходности, рентабельности, прибыльности, финансового результата и др., ранее не свойственные государственным учреждениям.

Что же представляет собой управленческий учет в вузе и зачем он нужен государственному учреждению высшего профессионального образования? Как в сложившихся экономических условиях руководство учреждения может обладать необходимой управленческой информацией, чтобы не ошибиться в принятии верного управленческого решения?

Задачу предоставления необходимой информации решает именно управленческий учёт – система сбора и анализа данных о финансовой деятельности, доходах и затратах подразделений (центров ответственности), ориентированная на потребности высшего руководства и менеджеров по направлениям в информации, необходимой для принятия стратегических и тактических управленческих решений.

Сегодня существует три основных вида учёта, так или иначе присутствующие на всех крупных предприятиях: бухгалтерский, налоговый и управленческий. В контексте нашего исследования налоговый учет интереса для нас не представляет, следовательно, на его основных чертах и особенностях в данной статье останавливаться не будем. Что касается бухгалтерского и управленческого учета, то они очень тесно взаимосвязаны, но каждый имеет свои особенности. Так, бухгалтерский учёт ведется, в основном, в интересах собственников организации и внешних пользователей, поэтому информация из него, попадающая в последствии в бухгалтерскую отчетность, в принципе не является закрытой. Само же ведение учета регламентируется целым перечнем законодательных и нормативных документов, разрабатываемых государственными органами и общественными для всех предприятий.

Система управленческого учета может быть подчинена только внутренним регламентам и формируется с акцентами на потребности менеджеров организации и в соответствии со спецификой ее деятельности.

В общем смысле под управленческим учетом понимается упорядоченная система сбора, регистрации и обобщения информации в натуральном и денежном выражении о деятельности предприятия в целях контроля и принятия верных и своевременных управленческих решений.

Управленческий учет представляет собой составную часть информационной системы предприятия. Эффективность управления деятельностью обеспечивается информацией о деятельности структурных подразделений, служб, отделов предприятия. Эту информацию управленческий учет формирует для руководителей разных уровней управления внутри предприятия в целях принятия ими правильных управленческих решений.

Управленческий учёт в образовательном учреждении автор представляет как комплексную систему учёта, планирования, контроля и анализа информации о доходах, расходах и результатах хозяйственной деятельности вуза в разрезе реализуемых образовательных услуг, необходимую для оперативного принятия различных управленческих решений в целях оптимизации всех направлений деятельности.

Целью управленческого учёта в государственном образовательном учреждении выступает оптимизация затрат на реализацию образовательных программ с целью увеличения экономических выгод.

Предметом управленческого учета в образовательном учреждении является деятельность университета и его отдельных структурных подразделений, называемых центрами ответственности. При этом организация системы управленческого учета зависит от организационной структуры университета. Объектами же управленческого учета являются затраты (текущие и капитальные) и результаты финансово-хозяйственной деятельности как всего учебного заведения, так и отдельных центров ответственности, а также внутреннее ценообразование, бюджетирование и внутренняя отчетность.

Для понимания природы управленческого учета в государственном учреждении в ходе исследования были выявлены следующие его отличия от бухгалтерского учета (табл. 1).

Таким образом, управленческий учёт внедряется для повышения эффективности управления образовательным учреждением, а не для отчёта перед контролирующими инстанциями, например, органами Федерального казначейства или налоговой инспекцией, в чем его принципиальное отличие.

Формируя систему управленческого учета в государственном учреждении, в финансовой его политике необходимо использовать механизм сегментарного учета, являющийся важнейшей составляющей управленческого учета. Его можно определить как систему сбора, отражения

и обобщения информации о деятельности отдельных структурных подразделений вуза и реализуемых образовательных программах. Информации сегментарного учета может стать базой для построения системы управленческого контроля. Данные сегментарного учета будут удовлетворять информационные потребности менеджмента на всех управленческих уровнях, а также внутривузовского управления в целом и позволят, в итоге, контролировать затраты на всех уровнях их возникновения и формировать сегментарную отчетность.

Таблица 1

**Различия между бухгалтерским и управленческим учетом
в государственном образовательном учреждении**

Критерии	Бухгалтерский учет	Управленческий учет
Потребители информации	Государственные органы, внешние пользователи	Руководство учреждения, менеджеры образовательных программ
Свобода выбора	Учет организуется строго в рамках Бюджетного кодекса, инструкций и положений в области бюджетного учета	Полная свобода в выборе схем и формировании системы управленческого учета
Измерители	Рубли и натуральные единицы	Любая удобная единица
Группировка затрат	По статьям бюджетной классификации	По статьям затрат, определенных для «объекта учета»
Основной объект учета	Учреждение в целом	Отдельные образовательные программы
Точность показателей	Необходима абсолютная точность учета всех объектов	Допускается использование приблизительных величин
Обязательность ведения	Ведение обязательно в соответствии с нормами действующего законодательства	На усмотрение руководителя учреждения

Система управленческого контроля, основанная на информации сегментарного учета и отчетности, дает возможность руководителям всех уровней реализовывать одну из своих управленческих функций – функцию контроля за эффективным и рациональным использованием ресурсов посредством получения и детального анализа следующей информации:

- какова себестоимость образовательной программы с учетом всех потребляемых на ее реализацию ресурсов;
- какие ресурсы и в какой степени необходимы и потребляются для реализации образовательной программы;
- какие центры затрат вовлечены в процесс реализации программы, какие ресурсы и в каком объеме они используют;
- какие процессы при реализации программы можно оптимизировать;
- какие из затрат можно подвергнуть коррективам с целью их минимизации без ущерба качеству программы.

Детальный анализ позволит произвести группировку затрат и определить их роль в себестоимости образовательной услуги таким образом, что-

бы руководитель мог увидеть, насколько выгоден тот или иной вид деятельности, насколько рентабельна та или иная образовательная программа, эффективна ли существующая система организации производственного процесса, что можно изменить и в каком направлении продвигаться.

Однако для этого менеджеры образовательного учреждения должны понимать преимущества, которые даёт грамотно поставленный управленческий учёт, испытывать интерес к нему и хорошо понимать сущность этого процесса.

Ведение управленческого учета в вузе необходимо в разрезе каждого образовательного продукта; с помощью информации, формируемой в рамках управленческого учета, можно оперативно проанализировать и определить, какой финансовый результат получен при реализации той или иной программы, а при выявлении убыточных программ выяснить причины их убыточности и принять своевременный комплекс мер по исправлению положения либо обоснованное решение о прекращении их реализации.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что при грамотном подходе к формированию его системы управленческий учет способен:

- обеспечить высший уровень менеджмента в вузе информацией о консолидированных результатах коммерческой деятельности, состоящих из результатов по отдельным ее сегментам – образовательным программам;
- отразить результаты деятельности от реализации отдельных образовательных программ;
- показать результаты работы структурных подразделений, реализующих те или иные образовательные программы;
- осуществить контроль над затратами путём их учёта по видам и местам возникновения;
- дать возможность планировать и контролировать выполнение бюджетов как по отдельным образовательным программам, так и деятельности университета в целом.

Внедрение управленческого учета в образовательном учреждении обеспечит решение проблемы учета и контроля производственных процессов, позволит повысить обоснованность принимаемых решений, улучшить информационную структуру за счет повышения качества, оперативности и достоверности информации, обеспечит дисциплину принятия решений и управленческую деятельность образовательного учреждения в целом.

Аверчев И.В. Управленческий учет и отчетность: Постановка и внедрение / И.В. Аверчев. – М.: Вершина, 2009. – 512 с.

Борисов Р.В. Организация управленческого учета: методология, методика. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.

Бухгалтерский управленческий учёт: учеб. пособие / ред. Л.С. Васильева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 544 с.

УДК 336.6

Глухов Владимир Владимирович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Теоретические аспекты содержания и сущности научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов»

Статья посвящена адаптации финансов хозяйствующих субъектов к новым условиям хозяйствования, которая определяется внешними и внутренними характеристиками той среды, в которой они функционируют, соответствием теории финансовой науки потребностям реального сектора экономики, степенью их информированности о существующих научных концепциях и финансовых стратегиях, ресурсных преимуществах и пониманием закономерностей развития общества.

Ключевые слова и словосочетания: финансы хозяйствующих субъектов, государство, налоги, предприятия, организации, население.

Одной из особенностей современной финансовой науки является сложность взаимозависимости теории и практики, которая проявляется в существовании прикладных экономических дисциплин, имеющих относительную самостоятельность по сравнению с теоретическими аспектами.

Теория финансов нередко противоречит сложившейся практике, что усложняет процесс управления финансами, превращая их в категорию, далекую от реальной действительности, малодоступную для понимания даже специалистов.

В связи с этим актуальны вопросы: насколько далеки друг от друга теория финансовой науки и воплощение в жизнь её рекомендаций и возможно ли эффективное применение на практике многочисленных теоретических моделей как следствие использования предлагаемых финансово-инвестиционных стратегий?

Поскольку речь идет о корректном применении общепринятого понятийного аппарата в финансовой науке, разумным является нахождение общего значения терминов среди представителей различных оппонировавших друг другу экономических школ, имеющих свои методологические основания, свой инструментарий и свои рекомендации для их использования на практике.

Множественность предлагаемых методик и терминов приводит к тому, что в условиях плюрализма научных мнений хозяйствующие субъекты вынуждены самостоятельно решать проблемы выбора модели своего экономического поведения в сложившихся условиях хозяйствования, поиска рекомендаций и направлений использования теоретических разработок, которых им необходимо придерживаться в своей практической деятельности.

Изучение этих аспектов может дать ответ на вопрос, какая модель социально-экономического развития общества необходима для эффективного развития российского государства, т.к. с активизацией и распространением процессов глобализации меняется и сама архитектура мировой финансовой системы, включающая в себя национальные финансовые системы.

Исследования, проводившиеся в последние десятилетия, дают основания полагать, что существующие классические финансовые теории и модели не могут с достаточной степенью достоверности прогнозировать поведение хозяйствующих субъектов, в том числе и государства, и влиять на изменение экономической ситуации.

Вместе с тем наблюдается зачастую и неготовность хозяйствующих субъектов применять на практике научные разработки из-за изношенности основных фондов, неправильного менеджмента, низкой квалификации персонала и т.д.

В значительной степени это обусловлено тем, что действия хозяйствующих субъектов не всегда соответствуют предположениям об их рациональности, находящимся в основании теоретических разработок и возможности их эффективного использования на практике.

Современное состояние экономики России заставляет по-новому взглянуть на роль финансов хозяйствующих субъектов в сохранении национального благосостояния и создании условий для развития расширенного воспроизводства, т.к. они обеспечивают формирование доходной части бюджетов как домашних хозяйств, так и бюджетов различных уровней, внебюджетных и иных фондов.

Восстановление производственного потенциала России требует необходимости радикального преобразования реального сектора экономики и выработки новых подходов к пониманию значения финансов хозяйствующих субъектов, способствующих преодолению структурной раздробленности промышленности, созданию устойчивых взаимодействий между предприятиями различных форм собственности и повышению эффективности социально-экономического развития общества в целом.

Трансформация политических и экономических процессов, происходящих в нашей стране в течение двух десятилетий, сопровождается распространением предпринимательской деятельности как главной составляющей рыночной экономики, что способствует развитию новых форм

отношений, возникающих между элементами финансовой системы, реализации прав частной собственности, развитию экономической инициативы и финансовой грамотности населения.

В процессе проведения кардинальных преобразований в политической, экономической и социальной жизни нашей страны в последнем десятилетии XX века в финансовой системе государства появился децентрализованный сектор экономики – частные финансы, одним из элементов которых являются финансы хозяйствующих субъектов.

Под финансами хозяйствующих субъектов в научной литературе понимаются финансы коммерческих и некоммерческих предприятий и организаций различных форм собственности, участвующие в материальном и нематериальном производстве, оказывающие различные виды услуг юридическим и физическим лицам, имеющие не только экономическое содержание, но и правовое оформление в соответствующих нормативных документах.

Изменение концепции конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов, существующие формы и методы привлечения денежных ресурсов ставят перед российскими предприятиями неоднозначный вопрос: быть субъектом или объектом экономических процессов, происходящих в национальной экономике?

При этом наиболее корректным является выделение основных видов хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в контексте доминировавших в тот или иной период инструментов распределения и перераспределения собственности на средства и результаты производства в зависимости от формы государственного устройства и существующей идеологии, обладающих своими закономерностями и особенностями.

К примеру, формулировки финансов предприятий, которые давались в учебниках конца прошлого века под руководством таких авторитетных экономистов, как Дробозина Л.А., Родионова В.М., Сычев Н.Г. и др., отражали специфику финансовой науки данного периода.

В настоящее время наблюдаются тенденции роста активности экономического поведения хозяйствующих субъектов, но она отличается неравномерностью в различных секторах экономики. Так, наибольшей активностью отмечается деятельность крупных корпораций добывающего сектора экономики, при этом активность экономического поведения в перерабатывающем секторе экономики несколько ниже. Наиболее низкой стала активность и эффективность экономического поведения малого бизнеса, который в значительной степени «выдавливается» крупными монополиями и олигополиями из многих сфер деятельности.

Кроме того, специфической чертой формирования модели экономического поведения хозяйствующих субъектов в Российской Федерации

является широкое использование такого инструмента перераспределения собственности, как слияния и поглощения, направленного на формирование интегрированных бизнес-групп, при этом многие из поглощений относятся к числу конгломератных.

В части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) дано определение коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных и потребительских кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий, общественных или религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом [1].

В то же время не совсем корректно применять общий подход к определению и трактовке «финансов коммерческих и некоммерческих организаций» как «финансов предприятий», не учитывая их размеры, внутреннюю структуру, принципы построения и управления, принимая во внимание только мотивы извлечения и соответственно распределения прибыли.

Часто в научной, учебной, учебно-методической литературе и разных информационных источниках вместо научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов» используется понятие «финансы хозяйственных субъектов, субъектов хозяйствования, субъектов ведения хозяйствования, самостоятельных субъектов экономической сферы, предпринимательских структур, предприятий, организаций, корпораций, фирмы и т.д.», которые имеют свой смысл и трактовку в зависимости от позиции исследователя и его принадлежности к той или иной научной школе.

Некоторые учёные, несмотря на кажущееся сходство определения «финансов хозяйствующих субъектов» и родственных им понятий, в большинстве своем трактуют их как «финансы предприятия», используя при этом различную терминологию, которая требует некоторого уточнения, поскольку она не всегда корректна и часто не соответствует реальным процессам, происходящим в экономике.

Задача данной статьи – провести анализ трактовок содержания и сущности научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов – предприятий», появившихся в научной и учебной литературе за последние два десятилетия, раскрыть отличие и сходство в определениях авторов – экономистов, принадлежащих к различным научным школам.

При этом не ставится цель дать подробный обзор и рассмотреть все исследования и существующие точки зрения, но осветить только части работ представителей разных научных школ, изучающих финансы хозяйствующих субъектов.

Кроме того, следует иметь в виду, что существуют еще и иные трактовки исследуемого понятия, которые даются в других науках, к примеру в финансовом праве.

Ученых, исследующих финансы хозяйствующих субъектов, можно условно объединить в следующие группы:

- трактующие финансы хозяйствующих субъектов как денежные отношения [2, 30, 41, 4, 17, 13, 25, 37, 14, 40, 26, 22, 23, 42];
- трактующие финансы хозяйствующих субъектов как финансовые или денежные отношения [33; 7; 44; 29; 36; 5; 32];
- трактующие финансы хозяйствующих субъектов как экономические отношения [34; 27; 19; 43; 6; 8; 38; 20; 21];
- трактующие финансы хозяйствующих субъектов как экономическую категорию [18; 12; 10; 35; 24];
- предлагающие обобщающие определения и рассматривающие финансы хозяйствующих субъектов как отношения, связанные с формированием фондов денежных средств, финансовых ресурсов, как совокупность финансов объектов и управления ими, как систему денежных потоков и т.д. [8; 28; 3; 15; 31; 39; 11; 16].

Проведённое исследование терминологических проблем определения сущности и содержания научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов – предприятий» показало, что в данном контексте существует большое количество родственных терминов, широко представленных в отечественной и зарубежной научной литературе, которые имеют право на существование и не противоречат, а, напротив, дополняют друг друга, позволяя при этом более глубоко раскрыть социально-экономическую сущность и содержание исследуемой категории.

Некоторые авторы расширяют трактовку «финансы коммерческих предприятий (организаций)» до совокупности денежных отношений, добавляя к ним финансовые или экономические отношения.

Часть авторов, формулируя трактовку научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов – предприятий», предлагают универсальное определение, объединяющее все концепции и подходы, соединяющее в себе различную терминологию, или занимают позицию, не связанную с принадлежностью к той или иной научной школе.

При этом они отмечают, что финансы предприятий как отношения являются частью экономических отношений, возникающих в процессе хозяйственной деятельности.

Обобщая приведенные примеры, можно сделать вывод о том, что среди ученых, исследователей-экономистов нет единства взглядов в дефиниции научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов – предприятий» и часть авторов отождествляет их с денежными или финансовыми отношениями, другие считают, что это совокупность или система экономических отношений, третьи понимают под ними экономическую категорию и т.д.

Следовательно, в данном случае под одним и тем же термином понимаются совершенно разные категории, отличающиеся друг от друга и по содержанию, и по выполняемым функциям.

При этом часть авторов связывает финансы хозяйствующих субъектов – предприятий с формированием и использованием денежных фондов, потоков, накоплений, источников, финансовых ресурсов, валового дохода, капитала, резервов, средств и т.д., т.е. наблюдается полярность мнений и точек зрения, что приводит к «размыванию» трактовки данного понятия.

Но вместе с тем различные точки зрения и мнения лишь дополняют друг друга и позволяют в случае необходимости и аргументированности доводов встать на позицию соответствующей научной школы.

Это связано с тем, что в условиях российской действительности сложившаяся традиционная система экономических (денежных, финансовых) отношений хозяйствующего субъекта как с государством, так и с юридическими и физическими лицами значительно изменилась и усложнилась в связи с трансформацией национальной экономики, на которую оказывают активное влияние процессы глобализации и регионализации.

Но существование различных концепций и научных школ, рассматривающих и трактующих определение «финансы хозяйствующих субъектов» с принципиально разных позиций, приводит к неоднозначным выводам, способным ввести в заблуждение неискушенного исследователя, и ставит под сомнение возможности адаптации теоретических аспектов финансовой науки к запросам реального сектора при решении вопросов социально-экономической жизни общества.

В то же время в научной и учебной литературе также нет единой точки зрения в однозначности трактовки понятия «хозяйствующий субъект». При этом многие российские и иностранные исследователи единодушны в том, что хозяйствующий субъект как субъект многообразных экономических отношений является базовым элементом финансовой системы, под которым понимаются и государство, и предприятия, и домашние хозяйства, и отдельные физические лица.

Достаточно часто под понятием хозяйствующий (хозяйственный, экономический) субъект понимаются предприятия, организации, учреждения, компании, фирмы различных форм собственности, а иногда и сам бизнес.

Но вместе с тем многие имеющиеся в отечественной научной и учебной литературе трактовки понятия «финансы хозяйствующих субъектов – предприятий» являются основой противоречий и не дают ответа на ряд принципиальных вопросов:

– каким образом общепринятая трактовка «финансы предприятий – организаций» может учитывать их специфику и распространяться на все

виды хозяйствующих субъектов, отличающихся друг от друга по структуре, составу, организации финансового менеджмента в зависимости от их размеров и организационной формы;

– если предприятие находится в частной собственности, то его финансы соответствуют личным финансам индивида-собственника (собственников) – физического лица (лиц), который (которые) рассматривает его как личный финансовый (имущественный) актив. Наблюдается противоречие, с которым сталкивается собственник предприятия: с чем и как отождествлять финансы данного хозяйствующего субъекта – с финансами юридического или с финансами физического лица как субъекта экономических отношений, которые являются его частным финансовым активом, частной собственностью в виде данного предприятия как имущественного комплекса (гл. 6 ст. 132 Гражданского кодекса Российской Федерации). В то же время с позиции регистрации предприятия как объекта налогообложения таких вопросов может и не возникать;

– кто от имени предприятия как юридического лица имеет право распоряжаться его активами, владелец (собственник) или распорядитель денежных ресурсов, которые могут принадлежать одному физическому лицу, а фактически находиться в распоряжении другого;

– собственник хозяйствующего субъекта, инвестируя в его производственную деятельность и развитие свои личные финансы, трансформирует их в финансы предприятия как юридического лица и через извлечение и распределение прибыли (к примеру, выплата дивидендов) возвращает их себе обратно. Следовательно, в процессе производственной деятельности финансы физического лица принимают форму финансов юридического лица, а затем опять превращаются в финансы физического лица.

Таким образом, с позиции теории финансовой науки открытым остается вопрос: какая часть финансов хозяйствующего субъекта, находящегося в частной собственности, будет по своему составу и структуре соответствовать финансам предприятия – юридического лица, а какая часть личным финансам индивида-собственника?

Дискуссия, которая сегодня ведется в научной среде в отношении формулировок понятия «финансы хозяйствующих субъектов», в основном связана с определением принципов организации их деятельности, количества функций, качественных признаков и границ отношений, которые складываются с другими экономическими субъектами, а не вокруг применения и адаптации теорий финансовой науки на практике, их востребованности и последствий использования.

Необходимость продолжения исследований, трансформации теории финансовой науки заключается в том, что преобразования, произошедшие в социально-экономической жизни нашей страны, изменили форму

собственности хозяйствующих субъектов и приоритеты коллективных интересов их работников, т.к. изменились и сами их представители.

Изменилось качество и значение самих финансов хозяйствующих субъектов, утратились старые хозяйственные связи и формируются новые, изменяется мотивация поведения экономических агентов, следовательно, меняются направления взаимодействия между ними в ходе удовлетворения их потребностей, повышается заинтересованность в интеграции финансовых ресурсов, которая придает стабильность, устойчивость, надежность, и вместе с тем увеличивается степень ответственности за прочность связей с партнерами по бизнесу.

Заинтересованность в интеграции предлагаемых теорией финансов разных методик и концепций и запросов реального сектора экономики проявляется в стремлении к повышению качества управления и устранения неэффективности менеджмента, обеспечении возможности диверсификации производства, возможности «завоевания» лидирующих позиций в данном сегменте рынка среди аналогичных хозяйствующих субъектов и т.д.

Функционирование общегосударственной и региональных бюджетных систем находится в прямой зависимости от устойчивости финансового положения хозяйствующих субъектов: чем выше эффективность показателей их работы, тем в большем и полном объеме удовлетворяются социально-культурные и другие потребности общества, и активную помощь в этом может оказать теория финансовой науки, нацеленная на её практическое использование.

В данной статье была сделана попытка обратить внимание академического и научного сообщества на необходимость понимания проблемы единообразия терминологии в современной финансовой науке.

При постановке задачи исследования не ставилась цель проследить всю историю трактовки понятия «финансы хозяйствующих субъектов», осознавая, что нет ничего более легкого, чем критиковать и судить о достижениях предшественников с позиций современной финансовой науки и современных представлений об использовании единообразной терминологии, не предлагая ничего взамен.

Исходя из вышеизложенного, под финансами хозяйствующих субъектов в научной и академической практике предлагается понимать экономические отношения (которые включают в себя финансовые и денежные отношения) возникающие при взаимодействии с органами государственной и муниципальной власти, юридическими и физическими лицами, в процессе формирования, использования, распределения денежных доходов и накоплений, при производстве и реализации продукции, выполнении работ и оказании услуг.

Не отрицая существования иных точек зрения на содержание научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов», можно считать, что

предлагаемое определение отражает их особенности, свойственные самой категории «финансы», и позволяет более системно рассматривать отношения, возникающие между различными экономическими субъектами.

Следовательно, с точки зрения методологии будет правильно включить понятия «финансы хозяйственных субъектов, субъектов хозяйствования, самостоятельных субъектов экономической сферы, предприятий, организаций, компаний, фирмы и т.д.» в состав объединяющего научного понятия «финансы хозяйствующих субъектов».

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступно из справ.-прав. системы «Консультант Плюс»: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/>.
2. Анализ и планирование финансов хозяйствующего субъекта / И.Т. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 112 с.
3. Бахрамов Ю.М. Финансовый менеджмент: учебник для вузов / Ю.М. Бахрамов, В.В. Глухов. – СПб.: Питер, 2011. – 496 с.
4. Белялов Т.Е. Механизм управления финансовой деятельностью предприятий корпоративного типа: дис. ... канд. экон. наук: Т.Е. Белялов. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2006. – 161 с.
5. Берлин С.И. Теория финансов: учебное пособие / С.И. Берлин. – М.: Изд-во «Приор», 2000. – 256 с.
6. Бланк И.А. Основы финансового менеджмента. / И.А. Бланк. – К.: Ника-Центр, Эльга, 2001. Т.1. – 592 с.
7. Большухина И.С. Экономика предприятия: учебное пособие / И.С. Большухина; под общ. ред. В.В. Кузнецова. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 119 с.
8. Бурмистрова Л.М. Финансы организаций (предприятий): учебное пособие / Л.М. Бурмистрова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 240 с.
9. Вахрин П.И. Финансы и кредит: учебник для вузов / П.И. Вахрин, А.С. Нешиной. – М.: ИТК «Дашков и Ко», 2004. – 586 с.
10. Галицкая С.В. Деньги. Кредит. Финансы: учеб. пособие / С.В. Галицкая. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
11. Государственные и муниципальные финансы: учебник / под общ. ред. И.Д. Мацуляка. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 640 с.
12. Илышева Н.Н. О сущности финансов и финансово-инвестиционного механизма организации / Н.Н. Илышева, С.И. Крылов // Вестн. УГТУ. – 2007. – №6. – С. 66 – 76.
13. Карелин В.С. Финансы корпораций: учебник / В.С. Карелин. – М.: ИТК «Дашков и К», 2005. – 620 с.
14. Ковалев В.В. Финансы предприятий: учебник / В.В. Ковалев, Вит.В. Ковалев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 352 с.

15. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика / В.В. Ковалев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 1024 с.
16. Ковалев В.В. Эволюция категории «финансы» / В.В. Ковалев // Вестн. ВЭГУ. – 2011. – №1(51). – С. 40 – 50.
17. Корпоративные финансы: учебное пособие / В.В. Бочаров, В.Е. Леонтьев. – СПб.: Питер, 2004. – 592 с.
18. Литовских А.М. Финансы, денежное обращение и кредит: учебное пособие / А.М. Литовских, И.К. Шевченко. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003. – 135 с.
19. Мазурина Т.Ю. Финансы фирмы: учебное пособие / Т.Ю. Мазурина, Л.Г. Скамай. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 185 с.
20. Миляков Н.В. Финансы: учебник / Н.В. Миляков. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 453 с.
21. Моляков Д.С. Финансы предприятий, отраслей народного хозяйства: учебное пособие / Д.С. Моляков. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 200 с.
22. Родионова В.М. Финансы / В.М. Родионова, Ю.Я. Вавилов, Л.И. Гончаренко и др.; под ред. В.М. Родионовой. – М.: Финансы и статистика, 1993. – 400 с.
23. Слепов В.А. Корпоративные финансы в финансовой системе страны / В.А. Слепов // Финансы. – 2003. – №3. – С. 65 – 68.
24. Федулова С.Ф. Финансы: учебное пособие / С.Ф. Федулова. – 2-е изд. – М.: КНОРУС, 2005. – 400 с.
25. Фетисов В.Д. Финансы и кредит / В.Д. Фетисов, Т.В. Фетисова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 399 с.
26. Финансовая система и экономика / под ред. В.В. Нестерова, Н.С. Желтова. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 432 с.
27. Финансы: учебник / под ред. В.В. Ковалева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – 610 с.
28. Финансы: учебник / под ред. А.Г. Грязновой, Е.В. Маркиной. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 504 с.
29. Финансы: учебник для вузов / под ред. проф. Л.А. Дробозиной. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 527 с.
30. Финансы: учебник / под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт»; Высшее образование, 2010. – 462 с.
31. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник / В.К. Сенчагов, А.И. Сенчагов и др. – 2-е изд. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. – 720 с.
32. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник (Краткий курс) / под ред. Н.Ф. Самсонова. – М.: Инфра-М, 2003. – 302 с.

33. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учебник для вузов / под ред. Г.Б. Поляка. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 512 с.
34. Финансы и кредит СССР: учебник / Л.А. Дробозина, В.В. Деменцев, В.С. Захаров и др.; под ред. Л.А. Дробозиной. – М.: Финансы и статистика, 1988. – 463 с.
35. Финансы и кредит / М.Л. Дьяконова, Т.М. Ковалева, Т.Н. Кузьменко и др.; под ред. проф. Т.М. Ковалевой. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 384 с.
36. Финансы организаций (предприятий): учебник / Н.В. Колчина и др.; под ред. Н.В. Колчиной. – 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 368 с.
37. Финансы организаций: менеджмент и анализ: учебное пособие / Н.Б. Клишевич. – М.: КНОРУС, 2012. – 304 с.
38. Финансы предприятий: теория и практика: учебник / С.В. Большаков. – М.: Книжный мир, 2006. – 617 с.
39. Финансы предприятий: учебное пособие / Е.И. Бородина, Ю.С. Голикова, Н.В. Колчина, З.М. Смирнова; под ред. Е.И. Бородиной. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1995. – 208 с.
40. Финансы предприятия: краткий курс лекций / Т.П. Николаева. – М.: Изд-во «Юрайт», 2011. – 215 с.
41. Чеботарь Ю.М. Финансы и финансовые рынки / Ю.М. Чеботарь. – М.: Рид Групп, 2011. – 368 с.
42. Чернецов С. Финансы, денежное обращение и кредит: учебное пособие / С. Чернецов. – М.: Магистр, 2008. – 527 с.
43. Шуляк П.Н. Финансы предприятия: учебник / П.Н. Шуляк. – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – 624 с.
44. Экономика предприятия: учебное пособие / под общ. ред. В.В. Кузнецова. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 118 с.

УДК 330.1

Шевченко Юлия Александровна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Использование метода семантического дифференциала при анализе конкурентоспособности вуза (на примере ВГУЭС)

Вопросы конкурентоспособности вуза тесно связаны с восприятием образа организации, его целостностью и семантическим значением в сознании потребителей. Чем более четкими и устойчивыми являются границы образа вуза, тем большим преимуществом обладает вуз на конкурентном рынке. В рамках данной статьи предпринята попытка исследования восприятия образа вуза с помощью классического семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Ключевые слова и словосочетания: *семантический дифференциал, конкурентоспособность.*

Под конкурентоспособностью предприятия подразумевается способность создавать такое превосходство над конкурентами, которое позволяет достичь поставленных целей. Превосходство над конкурентами может иметь любую форму, но должно быть соблюдено одно важное условие – это превосходство должно быть очевидным для потребителя и значимым для его выбора. Исходя из вышесказанного, была сформулирована цель настоящего исследования: определить отношение (установку) учащихся к вузу. Установка в данном случае рассматривалась как некая целостная диспозиция, определенная прошлым опытом и влияющая на фактическое отношение личности как члена группы к тем или иным социальным объектам [1]. Иначе говоря, это то, как человек оценивает свои отношения с окружающим миром, в данном случае со ВГУЭС. Установка диспозициональна – это приобретенная способность думать о каком-либо предмете или явлении определенным образом [2, 3]. Установочные системы являются достаточно инертными для изменения, следовательно, положительно сформированную установку абитуриента, студента или выпускника по отношению ко ВГУЭС можно считать длительным конкурентным преимуществом, поскольку именно она формирует настоящее и последующее поведение человека, направляет его познавательные процессы и процессы восприятия именно в контексте уже сформированного мнения [3].

Исследование проводилось на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) в 2-х группах студентов очной формы обучения: студентов 1 курса по направлению «Торговое дело» (18 человек) и студентов 4 курса по специальности «Коммерция» (11 человек). Все перечисленные группы были примерно однородны по гендерному составу. По результатам работы группы планировалось провести предварительную оценку образа вуза потребителями, лояльность учащихся по отношению к вузу и готовность к сотрудничеству с университетом.

В данной статье приведены результаты исследования восприятия образа вуза с помощью классического семантического дифференциала Ч. Осгуда (СД). Семантический дифференциал – метод количественного и качественного индексирования значения при изменении эмоционального отношения человека к любым объектам.

Метод СД получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. В данной исследовательской работе метод СД использовался для определения семантической структуры понятия «ВГУЭС» в сознании студентов.

Классический СД предполагает процесс описания исследуемого объекта в форме помещения его в некоторое экспериментальное пространство, определенное двенадцатью парами противоположных по смыслу характеристик. Полученные координаты образуют выделенные в факторном анализе ортогональные факторы: «Оценка», «Сила» и «Активность», по выраженности которых происходит сравнение семантического поля объекта у разных групп [4, 5]. Методика классического СД предлагалась участникам исследования в виде стандартного бланка, снабженного следующей инструкцией: «Оцените, пожалуйста, ВГУЭС следующим образом. Перед вами список парных прилагательных, выражающих качественно противоположные характеристики оцениваемого понятия. Обведите в кружок одну цифру из ряда 3210123, которая, по вашему мнению, наиболее точно определяет степень выраженности данной конкретной характеристики ВГУЭС, при условии что, 0 – характеристика не выражена; 1 – слабо выражена; 2 – средне выражена; 3 – сильно выражена. Необходимо оценить ваше представление о ВГУЭС только одним словом из пары.

Просим вас не пропускать пары слов и сделать выбор по каждой паре. Благодарим за сотрудничество!».

По логике данного исследования семантическое пространство стимула «ВГУЭС» сравнивалось у студентов в зависимости от длительности их обучения.

Расчет СД проводился по стандартной схеме с использованием стандартной формулы (1):

$$R_{(E)} = \frac{n_{-3} \times (-3) + n_{-2} \times (-2) + n_{-1} \times (-1) + n_1 \times (1) + n_2 \times (2) + n_3 \times (3)}{N_i \times N_h} \quad (1)$$

где $R_{(M)}$ – итоговое среднее значение по фактору силы, оценки или активности,

n_{-3}, n_{-2}, n_{-1} и т.д. – частота встречаемости оценки «-3» и других оценок стимула «ВГУЭС» по четырем шкалам одного фактора,

N_i – Количество шкал, кодирующих фактор,

N_h – Количество испытуемых.

Результаты обработки методики изложены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты обработки методики классического семантического дифференциала Ч. Осгуда в группе студентов ВГУЭС

Перечень исследуемых групп	Шкала «Оценка»	Шкала «Сила»	Шкала «Активность»
В группе студентов 1 курса	-2,15	-1,6	-1,58
В группе студентов 4 курса	-2,42	-2,23	-1,76

Итоговое среднее значение может быть в промежутке от -3 до 3 баллов по каждому из факторов, причем «-3» и «3» – это максимальные «высшие» оценки фактора.

Фактор «Оценка» отражает эмоциональное восприятие, собственно отношение ко ВГУЭС, репрезентирует эмоциональную и моральную оценку (например дружелюбность – враждебность, одобряемое поведение, аффектотимичность, «за или против»); «симпатия – антипатия», «уважение – презрение».

Испытуемые в двух группах показали очень высокие показатели оценки данного фактора, что говорит о высоком уровне привлекательности ВГУЭС для студентов как старших, так и младших курсов, высоком уровне симпатии ко ВГУЭС, высокой степени предпочтения, атрактивности.

Фактору «Сила» студенты старших и младших курсов дали разную оценку (примерно на 10%), хотя этот фактор оценен достаточно высоко в обеих группах. Это деятельностная, прагматичная оценка, характеристика ВГУЭС, предопределяющая способность к деловому лидерству, претензии на то, чтобы занять лидирующую позицию в общении, заставить считаться со своими интересами и т.д.

Высокие показатели по фактору «Сила» указывают на то, что ВГУЭС воспринимается учащимися как проявляющий зрелую, стабильную, выдержанную позицию, желание доминировать в отношениях, определенные лидерские качества. Политика ВГУЭС может быть охарактеризована

как настойчивая, агрессивная, имеющая яркую тенденцию к самоутверждению, самонадеянная, активная при конфликтах в чем-то враждебная. По сути, если бы речь шла о человеке, то фактор «Сила» означает представленность и развитие волевых качеств.

Фактор «Активность» получил практически одинаковую оценку у двух групп студентов. Оценка по шкале «Активность» достаточно высокая, но ниже, чем по шкалам «Сила» и «Оценка». Высокие показатели по фактору «Активности» свидетельствует об открытости политики ВГУЭС, его активности и направленности во внешний мир, жизнерадостности, энергичности, смелости, склонности к риску, открытости для диалога.

При сопоставлении всех трех факторов еще раз следует отметить совпадение показателей и, как следствие, семантических полей у учащихся разных курсов, что говорит об устойчивости оценки ВГУЭС студентами. Это обстоятельство является особенно важным, поскольку свидетельствует о наличии ресурсов для формирования долгосрочных конкурентных преимуществ ВГУЭС.

Целью второго этапа исследования было определение именно конкурентоспособности, т.е. сравнительной оценки преимуществ ВГУЭС и его приоритетных конкурентов. На втором этапе было проведение тестирования в группах студентов 3-х крупнейших вузов г. Владивостока: ВГУЭС, Дальневосточного федерального университета (ДФУ) и Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (ДАЛЬРИБВТУЗ).

Анкетирование проводилось в следующих группах:

- 1) студенты ВГУЭС, 1 курс – 49 человек,
- 2) студенты ДФУ, 3 курс – 20 человек,
- 3) студенты «Дальрыбвтуз», 2 курс – 32 человека.

Студенты из трех групп определяли свое отношение к собственному учебному заведению, методика классического СД предлагалась участникам исследования так же в виде стандартного бланка, анализ результатов проводился по стандартной формуле. Результаты расчета изложены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты обработки методики классического семантического дифференциала Ч. Осгуда в группах студентов крупнейших вузов г. Владивостока

Перечень исследуемых групп	Шкала «Оценка»	Шкала «Сила»	Шкала «Активность»
В группе студентов ВГУЭС	- 2,18	-1,43	-1,49
В группе студентов ДФУ	-0,79	-1,28	-0,88
В группе студентов «Дальрыбвтуза»	-0,94	-1,09	-0,79

Итоговое среднее значение во всех трех группах существенно отличается по всем шкалам оценки (табл. 3).

Таблица 3

Интервалы значений шкал «Оценка», «Активность» и «Сила» у студентов вузов г. Владивостока*

Значение шкалы	-3	-2,5	-2	-1,5	-1	-0,5	0	3	2,5	2	1,5	1	0,5	3	Значение шкалы
Притяжение, привлекательность															Отвержение
Доминирование сила, настойчивость															Подчинение, слабость
Активность, открытость															Пассивность

* В таблице самым темным цветом обозначена позиция ВГУЭС, серым – ДВФУ, светло-серым «Дальрыбвтуз».

По фактору «Оценка» наиболее высокий результат – 2,18 получен у учащихся ВГУЭС, он почти в 3 раза выше, чем у учащихся ДВФУ. Это говорит о высоком уровне привлекательности и симпатии ко ВГУЭС, в то время как другие вузы вызывают гораздо меньшую симпатию у своих студентов. Тем не менее, оценка всех трех учебных заведений находится в зоне «привлекательности» и не вызывает отторжения.

Высокие показатели по фактору «Сила» указывают на то, что ВГУЭС более других учебных заведений проявляет зрелую, стабильную, выдержанную позицию, чуть менее это качество выражено у ДВФУ и у «Дальрыбвтуза». Фактор «Активность» получил высокую оценку у студентов ВГУЭС и примерно в 2 раза ниже, но почти одинаковую оценку у учащихся двух других вузов.

В целом, ВГУЭС имеет образ очень активного, энергичного, направленного на внешний мир университета, при этом самодостаточного и стабильного, который вызывает симпатию и уважение своих студентов как младших, так и старших курсов. Данный образ соответствует миссии, заявленной ВГУЭС, его провозглашаемым ценностям. Анализ не выявил разрыва между заявляемыми ценностями, самооценкой ВГУЭС, его позиционированием на рынке и фактическим восприятием вуза учащимися.

Что же касается двух других учебных заведений, то восприятие их образа студентами имеет гораздо более сглаженные, размытые черты по всем озвученным позициям, но, тем не менее, удерживается в границах привлекательности, настойчивости и активности, не переходя на нежелательный полюс семантического пространства.

Итак, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что ВГУЭС имеет значительный резерв конкурентоспособности, который связан

с восприятием образа учебного заведения в целом, его привлекательности, возможности вызывать уважение у потребителей, адекватности заявленной вузом социальной позиции. Этот резерв может быть использован при формировании стратегических маркетинговых планов, разработке коммуникационной программы учебного заведения.

---

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для студентов вузов / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010.
2. Зимбардо Ф. Социальное влияние: учебное пособие / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе; пер. с англ. Н. Мальгина, А.Федоров. – СПб.: Питер, 2001.
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2007.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие для студ. вузов / В.Ф. Петренко; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005.
5. Серкин В.П. Методы психосемантики: учебное пособие для вузов / В.П. Серкин. – М.: Аспект Пресс, 2004.

УДК 378.4

Масилова Марина Григорьевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Влияние организационной культуры на эффективность деятельности вуза

Статья посвящена анализу влияния организационной культуры на результаты деятельности вуза. Рассматриваются особенности организационной культуры высших учебных заведений в условиях модернизации системы профессионального образования, обосновывается значимость формирования культуры предпринимательского типа. Показано, что именно данный тип культуры обеспечивает вузу конкурентные преимущества.

Ключевые слова и словосочетания: организационная культура, предпринимательский тип организационной культуры, сильные и слабые стороны организационной культуры, результативность вуза.

В настоящее время возрастает интерес к изучению взаимосвязи организационной культуры и эффективности деятельности. Значительное число публикаций посвящено стратегическим аспектам развития организации, в них культура рассматривается как ее конкурентное преимущество (В.В. Козлов, Дж.П. Коттер, Р.Л. Кричевский).

В то же время недостаточно работ, отражающих анализ влияния организационной культуры на различные аспекты эффективности. И практически нет подобных работ относительно организационной культуры высшей школы.

Понятие «организационная культура» исследователи определяют различным образом в зависимости от мировоззрения, концепций, подходов к рассмотрению данного феномена. Традиционным является понимание организационной культуры как набора целей, ценностей, норм и правил, носящих относительно стабильный характер и разделяемых большинством сотрудников [14]. Типичная структура организационной культуры включает в себя перечисленные элементы.

Специфические особенности организационной культуры задаются такими факторами, как отраслевая принадлежность, форма собственности, размер организации, характер профессиональной деятельности и др. Они приводят к появлению отличий в направленности целей, ценностной основе деятельности, наличии и объеме ресурсов для формирования ор-

ганизационной культуры, стиле управления и способах применения технологий, квалификационных требованиях к персоналу и др. [3].

На организационную культуру в вузе влияют характеристики высшей школы как социального института и динамичный характер ее развития. Российская высшая школа сегодня претерпевает значительные трансформации: появляются новые структурные элементы, изменяются нормы и ценности, в целом характер системообразующих связей. Так, по словам М. Воскобойниковой: «...Высшая школа модифицировалась, она «приспосабливается» к рыночной экономике, сохраняя свою целостность, ищет пути соответствия новым требованиям общества...» [4].

Оказавшись в новых экономико-правовых условиях, вузы стали полноправными субъектами рыночных отношений, по сути, учреждениями, оказывающими широкий спектр образовательных услуг. Повышение требований к качеству профессиональной подготовки и практически полное отсутствие государственной поддержки приводят вузы к необходимости брать на себя ответственность за поиск источников финансирования, инициировать интеграцию со средними специальными и другими типами учебных заведений, развивать предпринимательскую активность.

Изучение исследований, посвященных организационной культуре вузов (Н.П. Макаркин, Ю.Г. Семенов, Н.Л. Яблонскене, Н.Н. Могутнова, А.Б. Зигаленко, М.Б. Сокуренок и др.), показывает, что она может быть типологизирована в соответствии с выделенными различными авторами типами. Так, в современных высших учебных заведениях присутствуют клановый, адхократический, иерархический, рыночный типы организационной культуры (по типологии К. Камерона и Р. Куинна).

Складывающаяся в условиях модернизации профессионального образования в системе высшей школы ситуация обуславливает превалирование организационной культуры рыночного типа, или предпринимательской организационной культуры. Вуз с доминированием предпринимательского типа культуры ориентирован в большей степени на рост и возможности, чем на контроль над ресурсами. Структура управления предпринимательским вузом характеризуется сетевым построением и гибкостью, а деятельность оценивается не на основе производительности, а на основе эффективности. Мотивация предпринимательской деятельности строится на поиске возможностей и достижении результата, на индивидуальной инициативе. Сконцентрированное развитие заменяется развитием по многим направлениям.

Эффективность вуза можно рассматривать как способность разрешать противоречия внутренней интеграции и внешней адаптации. На ее формирование влияют:

1) адаптивность – состояние, при котором организация гибко реагирует на требования своих клиентов, поставщиков и общества в целом, принимает риски, учится на своих ошибках и способна к изменениям;

2) вовлеченность – такое эмоционально-оценочное состояние работников и одновременно характеристика поведения, при которой сотрудники чувствуют, что их деятельность тесно связана с целями организации, они наделены полномочиями, ценится работа в команде и приоритет отдается развитию их профессиональных и личностных качеств;

3) согласованность – координация деятельности на всех уровнях, единство понимания и принятия ключевых ценностей.

Соотношение в вузе рассмотренных выше типов организационной культуры образует профиль, отражающий ее своеобразие. При этом на основе выявления предпочтений работников, студентов и требований общества можно составить профили реальной, предпочитаемой и требуемой организационной культуры. Наглядное отображение профилей показывает, в каком направлении в вузе следует развивать культуру, какого рода ценности и нормы отношений культивировать (рис. 1).

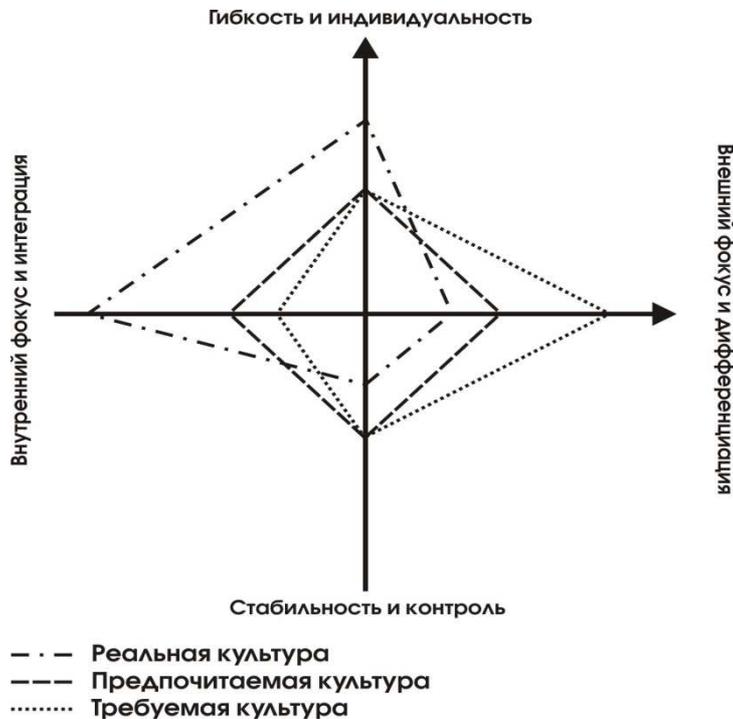

Рис. 1. Типичные профили организационной культуры вуза

Для формирования в вузе организационной культуры предпринимательского типа как основополагающего необходимо отражение данного принципа в миссии, стратегии развития, политике вуза; это должно стать основной задачей и ценностью для руководства, работников вузов и студентов. Только при этом условии в вузе возможно стратегическое разви-

тие, внедрение инноваций, реализация принципов социальной ответственности и достижение высоких результатов.

Нами на протяжении последних 10 лет ведется мониторинговое исследование организационной культуры Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) и ее влияния на результативность деятельности.

ВГУЭС – один из наиболее динамично развивающихся вузов Дальнего Востока, фактически сегодня является многопрофильным университетским комплексом, реализующим разноуровневые образовательные программы – от дошкольных до докторантуры. О динамике развития вуза можно судить по множеству показателей, однако основным является рост численности работников и обучающихся. За последние 10 лет численность персонала университета выросла на 39% и составляет более 2500 сотрудников, из которых более 1100 человек – преподаватели.

Число обучающихся за этот период выросло более чем в 2 раза и по всем формам и уровням обучения сегодня составляет более 22000 человек, из них по программам ВПО – более 14 000 человек.

Формирование в вузе организационной культуры предпринимательского типа в последние 10 лет осуществлялось целенаправленно по программе, разработанной в рамках стратегического планирования развития университета. Результаты данной деятельности периодически анализировались и подвергались научному осмыслению [1].

Обобщение исследований позволяет выделить несколько этапов в развитии организационной культуры вуза, совпадающих с основными периодами стратегических организационных изменений:

- первый этап (2000 – 2004) – осознание важности целенаправленного формирования организационной культуры, проведение диагностики сложившейся системы ценностей и отношений, формулирование корпоративных ценностей, кадровой политики, создание фирменного стиля, традиций, системы поощрения и др.;

- второй этап (2004 – 2009) – осуществление программы развития организационной культуры, внедрение системы ценностей и отношений в практику повседневной деятельности, формализация процессов, поиск стратегических преимуществ, формулирование стратегических амбиций, вовлечение вузовского сообщества в реализацию инициатив во всех направлениях работы;

- третий этап (2009 г. – по настоящее время) – развитие университета как социально ответственной предпринимательской организации.

К настоящему времени можно говорить о том, что в университете сформирована сильная предпринимательская организационная культура (рис. 2), что находит свое выражение во всех ее элементах¹.

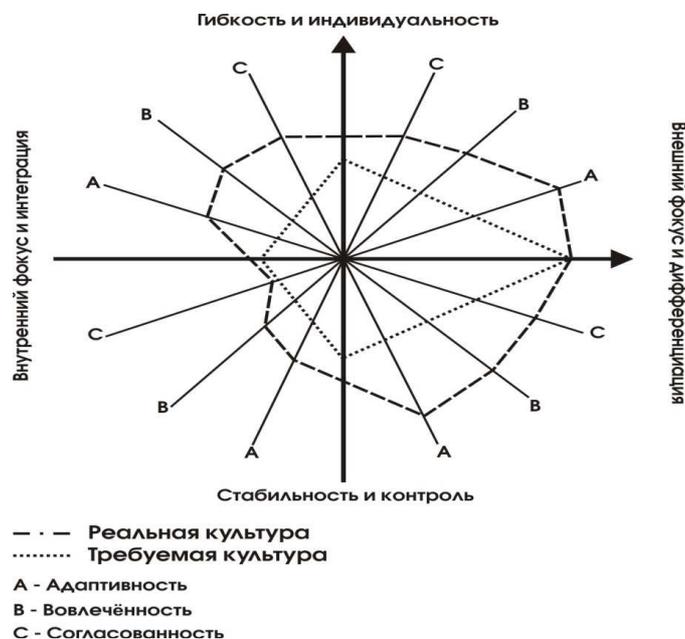

Рис. 2. Профиль организационной культуры ВГУЭС

Как известно, основным элементом оргкультуры является миссия – описание целей и направлений стратегического развития организации исходя из сложившегося в организации представления о ее будущем. В миссии ВГУЭС заявлено: «ВГУЭС – предпринимательский инновационный университет, центр образования международного уровня в сфере бизнеса и сервиса. Университет занимает ведущие позиции в области информационных технологий в образовании, содействует укреплению позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы готовим студентов к успеху в учебе, карьере и жизни!».

Стратегические приоритеты университета:

1. Развитие динамичной научной среды, интегрированной с реальным сектором экономики.
2. Интеграция в образовательное и социокультурное пространство стран АТР.
3. Обеспечение лидерства в области информационных технологий.
4. Создание условий для возможности обучения через всю жизнь.
5. Становление университета как саморазвивающейся организации.

¹ Профиль составлен по результатам опроса студентов и сотрудников, проведенного в 2011 – 2012 гг.

Нормы и ценности корпоративной системы отношений находят свое отражение в Кодексе корпоративного поведения работников ВГУЭС, в котором, в частности, провозглашено, что работник ВГУЭС дорожит деловой репутацией университета, формирует его достойный имидж в профессиональной деятельности, публичных выступлениях, личных беседах; в полной мере использует свои силы и способности, что является залогом процветания университета, приносит сотруднику моральное удовлетворение и материальную выгоду [5].

Однако в большей степени на формирование ценностей культуры предпринимательского типа влияет разработанная в вузе система материального стимулирования и морального поощрения за достижение качества и результатов деятельности. Так, в число критериев установления многочисленных стимулирующих надбавок и премий входят следующие:

- индивидуальные результаты работы и результаты работы структурного подразделения;
- результаты работы университета;
- результаты достижения стратегических приоритетов;
- высокие результаты в научно-исследовательской деятельности;
- итоги участия в конкурсах «Преподаватель года»;
- высокие достижения в учебной, учебно-методической и воспитательной работе и др.

С введением стимулирующих выплат по результатам труда среднее ежегодное увеличение заработной платы в университете составило 43%.

Для поощрения работников, помимо представления к государственным и отраслевым наградам, предусмотрены собственные виды награждения, среди которых – вручение ценного подарка с фирменной символикой, занесение на Доску Почета «ВГУЭС Вами гордится», Почетный нагрудный знак «Золотой фонд ВГУЭС» и др.

Существенное влияние на формирование организационной культуры вуза оказывают развитие предпринимательской активности, инициативы сотрудников и студентов. Этому способствует широкое приобщение работников к управлению различными направлениями деятельности, прежде всего, стратегическому планированию развития университета. Ежегодно в различных формах коллективной работы (сессиях, деловых играх, мозговых штурмах и т.п.) принимает участие до 200 человек – от рядовых преподавателей и студентов до руководства вуза.

ВГУЭС стимулирует развитие инновационно-предпринимательской активности не только в вузе, но и в регионе, вуз является центром генерации и поддержки лучших предпринимательских идей, внедрения инноваций, развития территории Владивостока и Приморского края. В 2009 г. в университете начал работу первый на Дальнем Востоке бизнес-инкубатор для поддержки предпринимателей.

Важным элементом организационной культуры ВГУЭС является фирменный стиль. Это мощное средство визуального воздействия на вузовское сообщество и внешнее окружение не только способствует формированию организационной идентичности, но и формирует бренд вуза. К основным элементам графического оформления фирменного стиля ВГУЭС относятся логотип, эмблема, шрифт, цветовая гамма, вспомогательные элементы, которые используются в дизайне различного рода информационной и рекламной продукции (визитные карточки, каталоги, буклеты, плакаты, проспекты и т.п.), деловой документации (бланки письма, конверты и др.). В фирменном стиле оформляется поздравительная и наградная (папка-адрес, благодарности, дипломы, нагрудный знак) сувенирная и канцелярская продукция (брелки, календари, флеш-карты, пакеты, авторучки, ежедневники и пр.).

Наиболее яркой характеристикой фирменного стиля университета является продуманный дизайн, смысловая нагрузка, динамизм и цветовая гамма, что способствует росту его узнаваемости, формированию приверженности сотрудников и студентов своему вузу.

Изучая воздействие организационной культуры предпринимательского типа на деятельность вуза, можно выделить три уровня результатов в зависимости от влияния отдельных подсистем или направлений на общие показатели. При этом необходимо учитывать как динамику различных показателей деятельности (рост заработной платы работников, увеличение объектов инфраструктуры), так и внешние объективные оценки, отраженные в аккредитационных показателях, рейтингах и др.

Первый уровень включает результаты формирования и развития материально-технической основы деятельности, функционально-коммуникационных условий образовательного процесса.

Материальная база ВГУЭС – учебные корпуса, общежития, библиотека, спортивные и развлекательные комплексы – за последние 10 лет претерпела существенные изменения. Так, общая площадь зданий увеличилась почти в 18 раз и составляет более 78 тыс. м², площадь спортивных залов выросла в 14 раз (с 1,66 до 24 тыс. м²).

Сегодня ВГУЭС представляет собой университетский кампус с развитой инфраструктурой, которая предназначена не только для сотрудников и студентов, но и жителей города.

Важнейшее значение для современного образовательного учреждения имеет информатизация как учебного процесса, так и управленческой деятельности. По показателям информатизации ВГУЭС находится на 3 месте в рейтинге высших учебных заведений страны, на одном уровне с таким престижным вузом, как МГИМО.

Второй уровень обеспечивают результаты качества образовательных услуг, включающие показатели эффективности процесса создания «ко-

нечного продукта» – студента, обладающего требуемой профессиональной и социальной компетентностью.

В 2009 г. университету присуждена премия Правительства РФ за достигнутые значительные результаты в области качества продукции и услуг и внедрение высокоэффективных методов менеджмента качества.

ВГУЭС стал единственным вузом на Дальнем Востоке, выигравшим право готовить волонтеров для XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в Сочи в 2014 году.

Участвуя на протяжении десяти лет в конкурсных программах Благотворительного фонда В. Потанина, четыре раза ВГУЭС занимал I место в рейтинге среди вузов Дальневосточного федерального округа (2007, 2009, 2011, 2012 гг.). Такие результаты свидетельствуют не только о высоком качестве подготовки студентов, но и их социальной активности.

Третий уровень отражают конечные результаты деятельности вуза, степень реализации заявленной миссии. О достигнутых в этом направлении результатах свидетельствует победа университета в конкурсе Минобрнауки РФ по поддержке программ стратегического развития в числе 55 вузов России, которые будут получать государственные субсидии на поддержку стратегии развития на 2012 – 2016 гг. Кроме того, университет получил государственное задание на выполнение научно-исследовательских работ «Разработка методологических основ обеспечения устойчивости развития предпринимательского вуза в условиях реформирования системы образования» (2012 – 2014).

Таким образом, целенаправленное формирование в вузе организационной культуры предпринимательского типа приводит к достижению высоких результатов и приобретению конкурентных преимуществ.

Наиболее важными характеристиками организационной культуры, влияющими на эффективность деятельности, являются адаптивность, вовлеченность и согласованность. При этом они по-разному влияют на достижение результатов. Адаптивность, характеризующая внешнюю направленность вуза, оказывает существенное влияние на рост объемов услуг и долю рынка; вовлеченность и согласованность, характеризующие внутреннюю направленность, оказывают влияние на качество продукции и удовлетворенность сотрудников и общества в целом.

Все рассмотренные факторы с очевидностью доказывают высокую значимость целенаправленного формирования в вузе требуемого типа организационной культуры.

---

1. Богдан Н.Н. Кадровый менеджмент в вузе: монография / Н.Н. Богдан, Е.А. Могилевкин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 244 с.

2. Богдан Н.Н. Организационная культура вуза в условиях реформ / Н.Н. Богдан, И.Ю. Парфенова // Университетское управление: практика и анализ. – 2009. – №6(64). – С. 23 – 30.
3. Воскобойникова М. Качество образования как фактор конкурентоспособности вуза / М. Воскобойникова, Н. Пугачева, И. Чепурышкин // Высшее образование в России. – 2008. – № 5. – С. 139 – 143.
4. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры (Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on Competing Values Framework) / К. Камерон, С. Куинн. – СПб.: Питер, 2001. Сер. «Теория и практика менеджмента».
5. Кодекс корпоративного поведения [Электронный ресурс] / Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/newrus/egrowth.ssi> (дата обращения: 12.02.2013).
6. Масилова М.Г. Персонал вуза как объект социальной политики / М.Г. Масилова // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: сб. науч. тр. / под ред. д-ра экон. наук М.В. Удальцовой. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. Вып. 8. – 366 с.
7. Масилова М.Г. Корпоративная социальная политика вуза как фактор эффективности управления персоналом: автореф. дис. ... канд. социол. наук / М.Г. Масилова. – Новосибирск, 2006. – 20 с.
8. Масилова М.Г. Социальная ответственность вуза в условиях реформ / М.Г. Масилова, Н.Н. Богдан, Е.В. Балганова // Философия образования. – 2011. – №6(39). – С. 89 – 99.
9. Социальный отчет 2010 – 2012 [Электронный ресурс] / Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Режим доступа: <http://www.vvsu.ru/about/report/> (дата обращения: 12.02.2013).
10. Управление современным университетом: кол. монография / под общ. ред. Г.И. Лазарева. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. – 324 с.
11. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Э.Х. Шейн; пер. с англ.; под ред. В.А. Спивака. – СПб.: Питер, 2002. – С. 330.

Морозов Виталий Олегович

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Определение стратегических позиций стейкхолдер-организации

Статья посвящена осмыслению понятий внутренней и внешней стратегической позиции стейкхолдер-организации. Данные понятия предлагаются как часть механизма разработки стратегии развития стейкхолдер-организации на основе исследования ключевых компетенций. Представлены общие понятия компетенции и стейкхолдер-организации.

Ключевые слова и словосочетания: *стейкхолдер-организация, ключевая компетенция, внутренняя и внешняя стратегическая позиция, теория заинтересованных сторон.*

Важнейшими целями существования любой организации являются непрерывность ее деятельности и поступательное развитие. Для коммерческой организации третьей важнейшей целью становится получение прибыли. В рамках ресурсного обмена организации приходится взаимодействовать с другими организациями, физическими лицами, государством и даже со своими сотрудниками, все они являются группами заинтересованных сторон (ГЗС, стейкхолдерами) организации. В таких условиях непрерывность деятельности организации обеспечивается, главным образом, за счет непрерывности отношений с важнейшими группами заинтересованных сторон. Организации, для которых способность устанавливать и поддерживать отношения с широким кругом заинтересованных сторон является условием существования, называются стейкхолдер-организациями [4].

Под компетенцией, вслед за В.С. Ефремовым и И.А. Ханьковым, мы понимаем «особого свойства информационный ресурс, содержащий опыт, знания и навыки о способе организации и управления ресурсами и бизнес-процессами (способностями организации) для достижения поставленных целей, носителем которого индивидуально или коллективно являются работники» [1. С. 16]. В свою очередь, ключевой будем называть компетенцию высшего порядка, участвующую в создании наибольших конкурентных преимуществ, т.е. являющуюся коллективным знанием, позволяющим организовывать и управлять использованием других компетенций, способностей и ресурсов для достижения наиболее эффективного взаимодействия со стейкхолдерами организации [6].

Таким образом, умение использовать ресурсы и способности, а также знания того, как разворачивать, организовывать и управлять ими, составляют «компетенции». В этой связи чрезвычайно важной задачей становится определение ключевых компетенций, которые обеспечивают сбалансированные отношения организации с конкретными группами, а также тех компетенций, недостаточная развитость которых препятствует установлению сбалансированных отношений с теми или иными ГЗС [5].

Достижение организацией сбалансированных отношений с группами заинтересованных сторон базируется на развитии соответствующих компетенций. Последовательность анализа компетенций стейкхолдер-организации представлена на рис. 1 [4. С. 195].

Рис. 1. Последовательность анализа компетенций стейкхолдер-организации

Для количественной оценки компетенций организации используется модифицированный метод В.С. Ефремова и И.А. Ханькова [1], предложенный К.С. Солодухиным [5]. В данном методе рассматривается четыре группы отношений, по которым необходима оценка взаимосвязей между множествами элементов:

- первая группа (ресурсы, получаемые ГЗС; свойства организации);
- вторая группа (свойства организации; ресурсы организации);
- третья группа (ресурсы организации; способности организации);
- четвертая группа (способности организации; компетенции организации).

Для того чтобы определить, как связаны ресурсы, получаемые ГЗС, с компетенциями организации осуществляется последовательное замыкание отношения (ресурсы, получаемые ГЗС; свойства организации) на отношение (способности организации; компетенции организации) через (свойства организации; ресурсы организации) и (ресурсы организации; способности организации), используя композиционное правило:

$$(xy)_{ij} = \frac{\sum_k (xz)_{ik} \cdot (zy)_{kj}}{\sum_k (xz)_{ik}} \quad (1)$$

После применения правила (1) необходимо учесть, что каждый ресурс, получаемый заинтересованной стороной, имеет для неё разную значимость, а сами ГЗС в разной степени удовлетворены полученным ресурсом. Полученные данные свидетельствуют о развитости компетенций организации относительно данной ГЗС. Другими словами, для построения иерархии компетенций стейкхолдер-организации надо найти средневзвешенные по значимости получаемых ГЗС ресурсов суммы столбцов матрицы отношения (ресурсы, получаемые ГЗС; компетенции организации). Элементами полученного в результате вектора будут степени важности компетенций организации относительно данной ГЗС. Ключевыми (относительно данной ГЗС) являются компетенции, степени важности которых являются наибольшими (при условии трудности их копирования конкурентами) [4].

Ефремов В.С. и Ханыков И.А. в статье «Развитие компании на основе использования ключевых компетенций» вводят понятия внутренней и внешней стратегической позиции [2], которые были переосмыслены нами для применения в рамках стейкхолдерского подхода.

Внутренняя стратегическая позиция в вышеуказанной статье рассмотрена как «совокупность намерений в отношении развития ресурсов, способностей, компетенций и элементов потребительской стоимости бизнес-системы» [2. С. 30]. Для рассмотрения внутренней стратегической позиции в рамках стейкхолдерского подхода разделим элемент «ресурсы» на «ресурсы организации» и «ресурсы, получаемые ГЗС» [5], добавим элемент «свойства организации» и исключим из рассмотрения элемент «потребительная стоимость». Координатное пространство внутренней стратегической позиции представлено на рис. 2 [3].

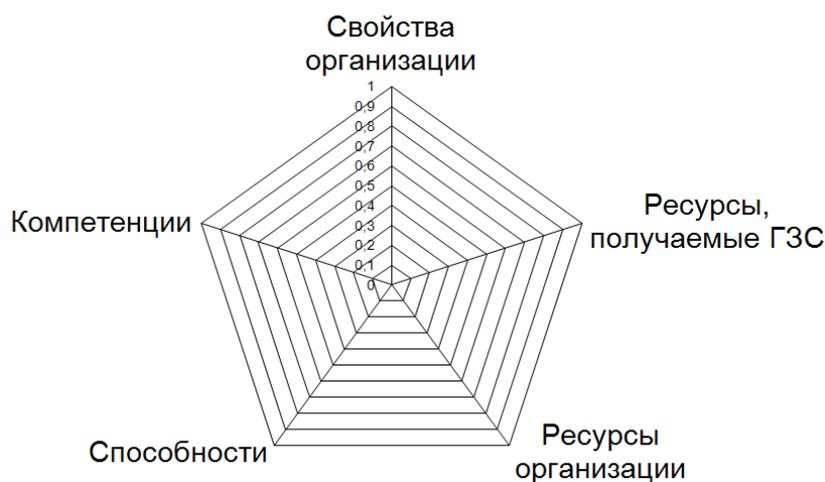

Рис. 2. Координатное пространство внутренней стратегической позиции

Формально внутренняя стратегическая позиция описывается по формуле:

$$Si = \{a; b; c; d; f\}, \quad (2)$$

где Si – внутренняя стратегическая позиция;

a – оценка силы изменений компетенций, рассчитанная по формуле (3);

b – оценка силы изменений способностей, рассчитанная по формуле (3);

c – оценка силы изменений свойств организации, рассчитанная по формуле (3);

d – оценка силы изменений ресурсов организации, рассчитанная по формуле (3);

f – оценка силы изменений ресурсов, получаемых ГЗС, рассчитанная по формуле (3);

$$x_{a,b,c,d,f} = \frac{\sum_{i=1}^n m_i}{5k}, \quad (3)$$

где x – значение параметров a , b , c , d или f в формуле (2), в зависимости от того, для какой категории элементов выполняется расчет;

m_i – количество баллов, присужденных i -му элементу целевой структуры компетенций либо рассчитанных для ресурсов, свойств, способностей как сумма баллов, присужденных компетенциям, средневзвешенная по оценке взаимосвязи данного ресурса, свойства или способности с компетенциями;

n – количество элементов в целевой структуре;

k – количество элементов в существующей структуре свойств, ресурсов, способностей либо компетенций.

В таблице 1 представлена оценка силы изменений внутренних условий организации в баллах. Соответственно, внутренняя стратегическая позиция определяется путем присвоения баллов из указанной таблицы каждой существующей или планируемой новой компетенции, способности, ресурсу или свойству [2].

Как видно из табл. 1, более низкий балл свидетельствует о преобладании процессов применения или приложения существующих ресурсов, свойств, способностей и компетенций. Более высокое значение силы изменений элемента свидетельствует о преобладании процессов развития существующих или создания новых ресурсов, свойств, способностей и компетенций.

Внешняя стратегическая позиция в работе Ефремова В.С., Ханькова И.А. [2] понимается как положение компании на рынке. Нами же этот термин будет рассмотрен как позиция стейкхолдер-организации в отношениях с ГЗС.

Таблица 1

Оценка силы изменений внутренних условий организации

Описание происходящих изменений	Балл
Вводится полностью новый элемент либо устраняется существующий	6
Вводится новый элемент на основе существующего, существующий элемент замещается другим существующим	5
Элемент подлежит существенному усилению	4
Элемент подлежит усилению	3
Планируется некоторая адаптация элемента	2
Развитие элемента не находится в сфере внимания стратегического планирования и происходит нецеленаправленно	1
Элемент не изменяется	0

Источник: по данным [Ефремов, Ханыков, 2003. С. 31].

Формально внешняя стратегическая позиция описывается по следующей формуле:

$$Se = \{f, g, \}, \quad (4)$$

где f – степень взаимного влияния организации и ГЗС ($f \in \{-5 \div 5\}$),

g – степень желаний изменений ГЗС ($g \in \{1 \div 10\}$).

Степени взаимного влияния и желаний изменений рассчитываются по методике, описанной в диссертации Солодухина К.С. «Разработка методологии стратегического управления вузом на основе теории заинтересованных сторон» [4].

Координатное пространство внешней стратегической позиции представлено на рис. 3 [3].

Рис. 3. Координатное пространство внешней стратегической позиции

Внешняя стратегическая позиция организации очевидным образом увязывается с четырьмя базовыми типами стратегий взаимодействия с группами заинтересованных сторон, которые были предложены Солодухиным К.С. и представлены в табл. 2 [4. С. 214].

Таблица 2

Типы стратегий взаимодействия

Характеристика отношений		Тип стратегии взаимодействия
Влияние	Желание изменений	
Влияние ГЗС сильнее, чем организации	Высокая степень желаяния изменений ГЗС	Удовлетворение запросов
Влияние ГЗС сильнее, чем организации	Невысокая степень желаяния изменений ГЗС	Защита
Влияние организации сильнее, чем ГЗС	Невысокая степень желаяния изменений ГЗС	Воздействие
Влияние ГЗС и организации примерно одинаково	Желание изменений ГЗС и организации практически отсутствует	Сотрудничество

Источник: по данным [Солодухин, 2011. С. 214].

Путем составления внутреннего и внешнего компонентов стратегической позиции появляется возможность учесть тенденции развития среды отношений с различными ГЗС и охарактеризовать имеющиеся и перспективные ключевые компетенции, способности, свойства и ресурсы стейкхолдер-организации.

1. Ефремов В.С. Ключевая компетенция организации как объект стратегического анализа / В.С. Ефремов, И.А. Ханыков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 2. – С. 8 – 33.
2. Ефремов В.С. Развитие компании на основе использования ключевых компетенций / В.С. Ефремов, И.А. Ханыков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 5. – С. 26 – 37.
3. Морозов В.О. Определение внутренней и внешней стратегической позиции стейкхолдер-организации / В.О. Морозов // Сб. тез. 2-й Международ. конф. по контроллингу. – М., 2012. – С. 74 – 78.
4. Солодухин К.С. Разработка методологии стратегического управления вузом на основе теории заинтересованных сторон: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / К.С. Солодухин. – М., 2011. – 293 с.
5. Солодухин К.С. Стратегическое управление вузом как стейкхолдер-компанией: монография / К.С. Солодухин. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 289 с.
6. Солодухин К.С. Стратегии взаимодействия организации на основе использования ключевых компетенций / К.С. Солодухин, Т.Ю. Плешкова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2008. – С. 223 – 230.

УДК 338.1

Белозерцева Наталья Петровна, Шендрик Любовь Сергеевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Разработка методики оценки конкурентоспособности предприятий транспортной отрасли

Рассмотрены существующие методики оценки деятельности транспортных компаний и предложена новая комплексная методика оценки конкурентоспособности предприятий транспортной отрасли, основанная на изучении предпочтений грузоотправителей и грузополучателей при выборе перевозчика, экспедитора или логистического оператора.

Ключевые слова и словосочетания: *потребительские предпочтения, оценка конкурентоспособности, экспедиторы, логистические операторы, транспортная отрасль, качество транспортных услуг.*

В Российской Федерации, как и в других развитых странах, транспорт является одной из крупнейших базовых отраслей хозяйства, важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры.

Транспорт играет важную роль в социально-экономическом развитии страны. Транспортная система обеспечивает условия экономического роста, повышения конкурентоспособности национальной экономики и качества жизни населения.

Важной составной частью транспортной отрасли является качество предоставления услуг перевозки грузов и пассажиров населению. Компании, работающие на транспортном рынке, конкурируют между собой, стараясь привлечь клиентов. В связи с этим существует необходимость оценки конкурентоспособности предприятий, оказывающих транспортные услуги. Полученные оценки необходимо использовать для построения рейтинга предприятий, предоставляющих транспортные услуги в России.

В мировой практике для оценки развития транспортного рынка различных стран специалистами Всемирного банка был разработан Индекс эффективности логистической системы (LPI). Указанный индекс и его индикаторы позволяют обобщить информацию, получаемую от международных компаний, осуществляющих перемещение грузов, фрахт и доставку срочных грузов, т.е. на международном уровне определяют наибо-

лее выгодные способы доставки товаров. Раз в два года Всемирный банк публикует рейтинг стран, составленный на основе этого индекса.

LPI основывается на следующих шести «областях эффективности»: эффективность процесса таможенной очистки и качество работы других пограничных агентств, качество логистической транспортной информационно-технологической инфраструктуры, простота и доступность организации международных поставок, уровень компетентности местных логистических компаний, возможность отслеживать международные поставки, своевременность полного завершения поставок. Наивысшая оценка, которую та или иная страна может получить в глобальном рейтинге LPI, составляет 5 баллов. Лидер рейтинга 2010 г. Германия получила 4,11 балла. Россия оказалась на 94-м месте в рейтинге LPI, получив 2,61 балла.

В российской практике существует рейтинг «Логистический оператор России», дающий оценки участникам транспортного рынка страны. Методика построения рейтинга по расчетным оценкам базируется на использовании метода весовых коэффициентов и определении суммарного показателя на основе семи основных критериев.

В качестве основных рейтинговых критериев, которые соответствуют специфике современного бизнеса логистических компаний и характеризуют все основные аспекты их финансово-производственной деятельности, используются следующие характеристики:

- уровень компетентности компании,
- финансовое состояние,
- комплекс логистических услуг,
- техническая и технологическая оснащенность,
- объемы работ и услуг,
- имидж компании,
- наличие сети отделений и филиалов на территории России.

Эти критерии являются сложными составными критериями, которые при подведении итогов рейтинга играют различные роли. Для учета относительной значимости каждого критерия вводятся весовые коэффициенты. Значения весовых коэффициентов устанавливаются исполнителем рейтинга с привлечением при необходимости экспертов в области логистики. В результате вес критерия изменяется в пределах от 0 до 1.

На наш взгляд, в указанных двух методиках оценки деятельности компаний транспортного рынка недостаточное внимание уделено оценке качества транспортных услуг с точки зрения потребителей, коими являются грузоотправители и грузополучатели. Именно они и осуществляют выбор транспортной компании (экспедитора или логистического оператора), являясь заказчиками транспортировки грузов.

Учитывая необходимость оценить работу транспортных компаний потребителями данных услуг, а также используя уже существующие методики, был разработан метод оценки конкурентоспособности компаний-грузоперевозчиков Дальнего Востока, который позволяет составить рейтинг компаний, осуществляющих грузоперевозки преимущественно на территории Дальнего Востока.

Критерии комплексной оценки компаний-грузоперевозчиков г. Владивостока были разделены на четыре группы:

- критерии потребительских предпочтений;
- комплексность предоставляемых логистических услуг;
- позиция компании на рынке;
- удовлетворенность потребителей.

Общий рейтинг компании рассчитывается по следующей формуле:

$$R = \frac{(\bar{D} + \bar{L} + \bar{P} + \bar{S})}{4},$$

где $\bar{D}$ – критерий потребительских предпочтений;

$\bar{L}$ – критерий комплексности логистических услуг;

$\bar{P}$ – критерий позиции компании на рынке;

$\bar{S}$ – критерий удовлетворенности клиентов.

Метод расчета рейтинга – интегральный, что означает сочетание нескольких методов оценки: оценка данных, предоставляемых компанией, экспертная оценка, потребительская оценка. Последняя осуществлялась путем анкетирования потребителей транспортных услуг.

Оценка потребительских предпочтений представляет собой перечень показателей, выделенных потребителями с расставленными по важности для потребителей весовыми коэффициентами. Из двадцати представленных в анкете были выделены десять наиболее важных для клиентов показателей (табл. 1).

Таблица 1

**Критерии потребительских предпочтений в сфере грузоперевозок
г. Владивостока**

№ п/п	Название показателя	Вес
1	Выдерживание сроков транспортировки	0,20
2	Тарифная политика	0,15
3	Своевременное предоставление документации	0,15
4	Возможность отслеживания отправленных грузов	0,10
5	Возможность доставки сборных грузов	0,10
6	Широкая география доставки грузов	0,10
7	Репутация	0,07
8	Частота отправок	0,05
9	Квалификация персонала	0,05
10	Возможность отправки разными ж/д скоростями	0,03

Результаты исследования заносятся в оценочный лист, который составляется в отдельности для каждой компании, участвующей в анализе конкурентоспособности. Форма такого листа представлена в табл. 2.

Таблица 2

Пример оценочного листа предприятия транспортной отрасли по критерию потребительских предпочтений

Качество предоставляемых услуг		Экспедитор-Т				
№ п/п	Наименование показателей	Вес показателя	Оценка			Среднее значение по показателю
			Клиентская	Экспертная	по данным компании	
1	Выдерживание сроков транспортировки	0,20	3	×	×	0,60
2	Тарифная политика	0,15	3	3	×	0,45
3	Своевременное предоставление документации	0,15	3	×	×	0,45
4	Возможность отслеживания отправленных грузов	0,10	3,5	4	5	0,42
5	Возможность доставки сборных грузов	0,10	4	5	5	0,47
6	Широкая география доставки грузов	0,10	5	4	5	0,47
7	Репутация	0,07	×	4	×	0,28
8	Частота отправок	0,05	4	×	×	0,20
9	Квалификация персонала	0,05	4,5	4	×	0,21
10	Возможность отправки разными ж.-д. скоростями	0,03	3,5	5	5	0,14
Сумма:						3,68

Оценка комплексности предоставляемых логистических услуг производится исходя из данных, предоставляемых самой компанией, где респондент сообщает, оказывает он данную услугу или нет. Максимальный суммарный балл за каждую предоставленную услугу – единица. Количество услуг – десять. Весовой коэффициент для каждой услуги одинаков и равен 0,5 балла (табл. 3).

Следующий критерий «Позиция компании на рынке» состоит из таких показателей, как период работы компании на рынке (вес 0,1), число сотрудников компании (вес 0,05), объем грузоперевозок в динамике (вес 0,15), наличие у предприятия складских помещений и транспортных средств (вес 0,3) и мнение экспертов рынка грузоперевозок о компании (вес 0,4). Пример расчета критерия по выделенным показателям представлен в табл. 4.

Таблица 3

Пример расчета оценки по критерию комплексности предоставляемых услуг в сфере грузоперевозок

№ п/п	Название показателя	Вес показателя	Услуги, предоставляемые компанией Экспедитор-Т	Вес показателя, умноженный на балл
1	Ж.-д., авто-, авиа- и мультимодальные перевозки грузов	0,5	1	0,5
2	Услуги таможенного оформления грузов	0,5	0	0
3	Доставка контейнеров «от двери до двери»	0,5	1	0,5
4	Доставка сборных грузов	0,5	1	0,5
5	Погрузочно-разгрузочные работы	0,5	1	0,5
6	Отслеживание вагонов и контейнеров в пути	0,5	1	0,5
7	Страхование грузов	0,5	1	0,5
8	Поиск товаров и производителей	0,5	1	0,5
9	Складские услуги	0,5	1	0,5
10	Консолидация грузов	0,5	1	0,5
<i>Итого:</i>				4,5

Таблица 4

Пример расчета оценки по критерию «Позиция компании на рынке» для компании Экспедитор-Т

Позиция компании на рынке	Вес показателя	Клиентская оценка	Экспертная оценка	Оценка по данным компании	Среднее значение по показателю
Сколько лет работает компания на рынке	0,10	х	х	5	0,50
Число сотрудников	0,05	х	х	5	0,25
Объем перевозок	0,15	х	х	4,6	0,69
Наличие складских помещений	0,20	х	х	5	1,00
Наличие транспортных средств (судов, подвижного состава)	0,10	х	х	5	0,50
Мнение экспертов	0,40	х	4	х	1,60
<i>Сумма:</i>					4,54

Критерий «Удовлетворенность потребителей» оценивается с помощью опроса-анкетирования нескольких клиентов компании-грузоперевозчика по двадцати равнозначным критериям по 5-балльной шкале. Далее находится среднее значение. Например, для компании Экспедитор-Т среднее значение составило 3,75 балла.

Затем по формуле (1) высчитывается общий рейтинговый балл для каждой компании, который в итоге отражает уровень конкурентоспособ-

ности этих компаний. Для компании Экспедитор-Т рейтинг составил 4,12 балла.

Данная методика комплексной оценки позволяет всесторонне оценить каждого участника рынка грузоперевозок, выявить его конкурентные преимущества и дать оценку общему состоянию рынка грузоперевозок.

Белозерцева Н.П. Структура и особенности современного рынка грузоперевозок / Н.П. Белозерцева, М.С. Ярайкина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса: научный журнал. – 2012. – №1 (14). – С. 64 – 73.

Белозерцева Н.П. Разработка методики оценки конкурентоспособности транспортно-экспедиторских компаний и логистических операторов [Электронный ресурс] / Н.П. Белозерцева, М.С. Ярайкина // Наукovedение: Интернет-журнал. – 2013. – №2 (15). Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik15/2.pdf>, свободный.

Логистика. Интеграция и оптимизация логистических бизнес-процессов в цепях поставок: учебник для студ. вузов / В.В. Дыбская, Е.И. Зайцев, В.И. Сергеев, А.Н. Стерлигова; под ред. В.И. Сергеева. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

Миротин Л.Б. Транспортная логистика: учеб. для транспортных вузов / Л.Б. Миротин, Ы.Е. Ташбаев, В.А. Гудков; под общ. ред. Л.Б. Миротина. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007. – 512 с.

Структура и особенности рынка логистики и грузоперевозок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uleks.ru/blogs/1/3.html> (дата обращения: 06.04.2012).

Lynch Clifford. Developing a Strategy for Outsourcing: Logistics Management and Distribution Report. – June 2011. – Vol. 40. – Iss. 6.

УДК 338.1

Белозерцева Наталья Петровна, Ярайкина Мария Сергеевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Анализ тенденций развития рынка грузоперевозок в Приморском крае

Проводится анализ основных тенденций развития рынка грузоперевозок в Приморском крае, приводятся результаты исследования уровня развития транспортных услуг, основных проблем и тенденций развития транспортной логистики в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: рынок грузоперевозок, экспедиторы, логистические операторы, логистические технологии грузоперевозки.

Использование достижений логистики при организации процесса грузоперевозок является залогом повышения эффективности отечественного транспортного комплекса и активизации его интеграции в мировую транспортную систему.

Сегодня как никогда актуальны задачи увеличения объемов перевозок, повышения экономической эффективности деятельности многочисленных отечественных грузовых перевозчиков и экспедиторов. Как свидетельствует зарубежный опыт, качественного «скачка» в транспортной сфере можно достигнуть лишь за счет использования новых технологий обеспечения процессов перевозок, отвечающих современным требованиям и высоким международным стандартам, в частности, за счет расширения логистического мышления и освоения принципов логистики.

На сегодняшний день самыми современными технологиями в сфере транспортировки грузов обладают логистические операторы. Они в состоянии обеспечить для клиента построение всей логистической цепочки от производителя до конечного потребителя, заменив собой службу логистики на предприятии (логистический аутсорсинг). Для оказания таких услуг компания должна обладать серьезными материальными и нематериальными активами: складами, специализированной техникой, развитой филиальной сетью, квалифицированным персоналом и т.п.

Увеличение количества и качества работы логистических операторов способствует существенному улучшению состояния рынка грузоперевозок. В России, по оценке РБК, проникновение на рынок логистических

операторов составляет всего 22%, в то время как в Европе и США этот показатель доходит до 60%.

Каково же состояние развития рынка грузоперевозок в Приморском крае? Для выяснения этого вопроса было проведено пилотное исследование среди 45 компаний-грузоперевозчиков на железнодорожном и морском транспорте и 25 компаний – потребителей этих услуг (рис. 1).

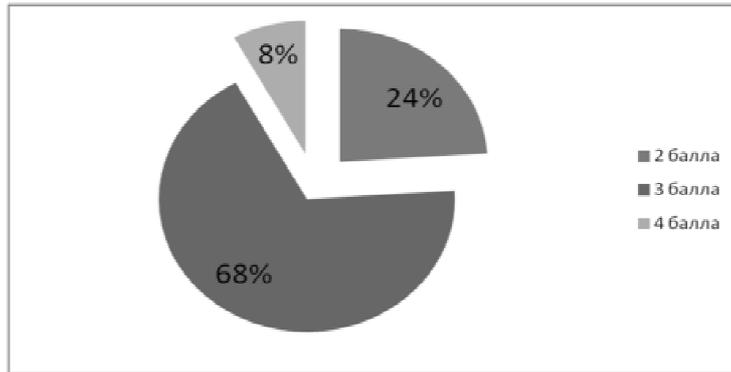

Рис. 1. Оценка уровня развития транспортно-логистических услуг в Приморском крае (мнение потребителей данных услуг)

Согласно данным рис. 1 на вопрос: как вы оцениваете уровень развития транспортно-логистических услуг в Приморском крае? – 68% респондентов ответили, что он заслуживает оценку 3 балла, т.е. является «средним», 24% опрошенных считают, что он заслужил всего 2 балла, т.е. имеет «низкий» уровень развития. При этом стоит учесть, что не было ни одного ответа с оценкой 5 баллов «высокий» и всего 8% респондентов присвоили ему оценку 4 балла – «выше среднего». Полученные данные указывают на неудовлетворенность клиентов качеством услуг грузоперевозок.

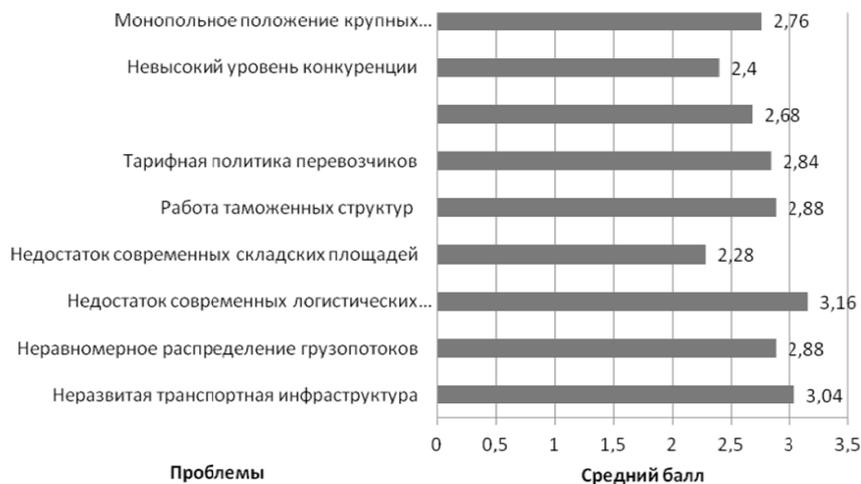

Рис. 2. Оценка важности проблем, препятствующих развитию транспортной логистики в Приморском крае

В чем же причина столь низко оцененного уровня развития транспортно-логистических услуг в Приморском крае? Для выяснения этого респондентам было предложено выбрать из 10 вариантов самые, на их взгляд, важные препятствия в развитии транспортной логистики и оценить их в баллах от 1 до 5 по степени важности (1 – наименее важные, 5 – наиболее важные). Затем, рассчитав средний балл, был выстроен рейтинг проблем развития грузоперевозок в Приморском крае (рис. 2).

По данным рис. 2 наибольший средний балл согласно мнению компаний-респондентов получила проблема недостатка современных логистических технологий транспортировки и грузопереработки. На втором месте по значимости стоит проблема неразвитой транспортной инфраструктуры, на третьем – недостаточно эффективная работа таможенных структур и неравномерное распределение (несбалансированность) грузопотоков по направлениям «во Владивосток» и «из Владивостока».

Бесспорно, что развитие рынка грузоперевозок связано, прежде всего, с внешними факторами: инфраструктурой, таможенными органами, законодательством. Но безусловным фактором развития служат и сами участники рынка: крупные компании, логистические операторы, способные, совершенствуя свою деятельность, дать серьезный толчок развитию всей отрасли.

Существуют ли в Приморском крае логистические операторы и какова их доля в структуре рынка грузоперевозок?

На вопрос о том, известно ли понятие «логистический оператор» потребителям транспортных услуг, 32% респондентов ответили отрицательно, остальные 68% ответили положительно и приняли участие в уточнении перечня услуг, которые отличают его от транспортно-экспедиторской компании. Обработка данных показала следующие отличия, присущие логистическим операторам (рис. 3).

Рис. 3. Отличия логистических операторов и транспортно-экспедиторских компаний по набору предоставляемых услуг

На рисунке 3 под условным обозначением ЛО приведен набор услуг, который отличает логистического оператора от транспортно-экспедиторской компании (ТЭК).

Из 45 опрошенных транспортных компаний в Приморском крае лишь 4% компаний предоставляют весь спектр приведенных выше логистических услуг, а значит, могут именоваться логистическими операторами. Этот показатель подчеркивает значительное отставание не только от мировых, но и от общероссийских тенденций развития рынка грузоперевозок.

Увеличение логистических операторов могло бы существенно улучшить состояние транспортной отрасли. Согласны ли с таким утверждением компании-потребители транспортных услуг Приморского края? (рис. 4).

Согласно данным рис. 4 большинство компаний, пользующихся услугами грузоперевозок, посчитали увеличение количества логистических операторов на рынке нашего региона необходимостью. При этом 59% респондентов уточнили, что нужно увеличить количество истинных логистических операторов, предоставляющих качественные услуги грузоперевозок. 18% респондентов считают, что в этом нет необходимости, а еще 18% уточняют, что услуги логистических операторов необходимы только крупным компаниям, корпорациям, поэтому того количества компаний, которое сейчас присутствует на рынке, вполне достаточно.

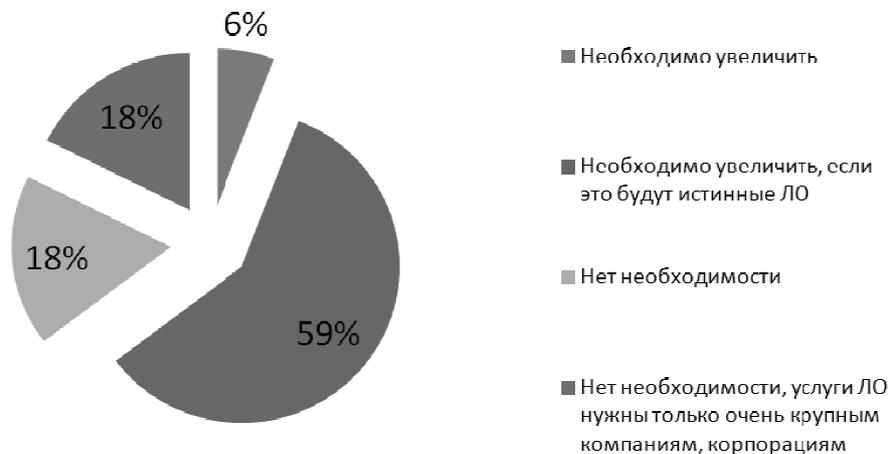

Рис. 4. Мнение клиентов транспортных услуг об увеличении количества логистических операторов в Приморском крае

Несмотря на необходимость увеличения количества логистических операторов, грузоотправители хотели бы также улучшить качество работы существующих транспортно-экспедиторских компаний по самым важным для них критериям, по которым они выбирают, какой компанией пользоваться. Из предложенного списка в 20 критериев наиболее важными для оценки качества работы транспортной компании респонденты ука-

зали (в порядке убывания важности): выдерживание сроков транспортировки, тарифную политику компании-перевозчика, своевременное предоставление документации, широкую географию перевозок, возможность доставки сборных грузов.

Наименее значимыми критериями для выбора транспортной компании в Приморском крае стали (также в порядке убывания): наличие собственного подвижного состава, собственных складских площадей и собственных подъездных путей, наличие акций, бонусов, продолжительность работы компании на рынке, известность компании на рынке.

Приморский край (в частности Владивосток), так же как и другие российские регионы, развивается аналогично европейским странам. Поэтому в соответствии с мировым опытом, они пройдут три основных этапа роста и развития логистических компаний:

1 этап. Транспортировка/дистрибуция по контракту.

2 этап. Логистический аутсорсинг.

3 этап. Интегральное управление логистическими цепочками.

В 2005 г. РФ вошла во второй этап становления рынка. К 2017 г. по прогнозам экспертов постепенно придет и к третьему. Ускорению этого процесса будет способствовать увеличение на рынке компаний-логистических операторов, предоставляющих весь комплекс услуг по грузоперевозке.

Проведенное в Приморском крае пилотное исследование обозначило ряд острых проблем, которые необходимо решать для качественного роста рынка транспортно-логистических услуг и ликвидации отставания от мировых тенденций развития. В частности, это недостаток логистических технологий, неразвитая инфраструктура, неэффективная работа таможенных структур, несбалансированность грузопотоков. Также важным фактором является недостаток крупных логистических операторов, способных, совершенствуя свою деятельность, дать качественный скачок развитию отрасли в конкретно взятом регионе.

Аникин Б.А. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента: учеб. пособие / Б.А. Аникин, И.Л. Рудая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 320 с.

Беспалов Р.С. Транспортная логистика. Новейшие технологии построения эффективной системы доставки: учеб. пособие / Р.С. Беспалов. – М.: Вершина, 2008. – 384 с.

Белозерцева Н.П. Структура и особенности современного рынка грузоперевозок / Н.П. Белозерцева, М.С. Ярайкина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса: научный журнал. – 2012. – №1(14). – С. 64 – 73.

Белозерцева Н.П. Динамика основных показателей транспортной отрасли Дальнего Востока [Электронный ресурс] / Н.П. Белозерцева, М.С. Ярайкина // Наукоеведение: Интернет-журнал. – 2013. – №2(15). Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik2/15.pdf>, свободный.

Структура и особенности рынка логистики и грузоперевозок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uleks.ru/blogs/1/3.html> (дата обращения: 06.04.2012).

Куда стремится логистический аутсорсинг в России? [Электронный ресурс] // Новости ИЛЦ «Аэроград». Режим доступа: <http://www.aero-grad.ru/projectairgrad/pviewcomm?new=787> (дата обращения: 06.04.2012).

УДК 336.719

Белокрылов Игорь Сергеевич, Просалова Вероника Сергеевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Актуальность трансформации бюджетирования в кредитных организациях в процессно-ориентированное бюджетирование

Рассматриваются классическое бюджетирование, его достоинства и недостатки, актуальность перехода от классического бюджетирования к процессно-ориентированному.

Ключевые слова и словосочетания: *бюджетирование, процессно-ориентированное бюджетирование, бюджет банка.*

Необходимость обеспечения контроля над использованием финансовых ресурсов, создания механизмов повышения доходности и снижения затрат, необходимость как максимально корректной и оперативной оценки финансовых показателей, так и деятельности в принципе отдельных организационных структур и организации в целом таков неполный список факторов, приводящих к выводу, что применение бюджетирования в банковском секторе – достаточно важная проблема. Отсюда ввиду неординарности решения задач бюджетирование не теряет свою актуальность.

В частности, при грамотном построении системы бюджетирования с применением новых IT-разработок в процессе решения оперативных задач бюджетирование позволяет автоматизировать контроль над финансовыми потоками с возможностью уменьшения временных затрат на обработку рутинных процессов и выделения большего времени на решение актуальных и нестандартных задач.

Тем не менее, традиционное бюджетирование – бюджетное планирование, концентрирующее свое внимание на отдельных центрах затрат, в число которых входят отделы, подразделения, где межфункциональные бизнес-процессы зачастую игнорируются [2].

Классический подход к ведению бюджетирования приводит к контролю доходной и расходной частей бюджета. Основное внимание уделяется планированию и достижению определенных значений показателей, которые закрепляются за каждым центром финансовой ответственности (ЦФО). В свою очередь, сам центр ответственности руководствуется

только собственным пониманием уровня доходов и затрат и целевыми показателями, которые часто спускаются «сверху».

Независимо от размеров банка и количества продуктов, представляемых им на рынке, финансовое планирование может сводиться к составлению сметы доходов и расходов в рамках стандартного подхода к бюджетированию. Фактически бюджет в данном случае представляется как стандартный бухгалтерский баланс с последующим его анализом. Некоторые кредитные организации рассматривают бюджетирование как процесс формирования отчетности для контролирующих органов, например, Центрального банка РФ или налоговой инспекции, не используя методы бюджетирования как способ контроля и управления финансами предприятия. В данном случае, как и в приведенном выше, при желании руководства провести анализ предприятия возникает большая вероятность ошибок из-за неполноты и некорректности общего финансового состояния организации.

Непосредственно бюджетирование как способ детального учета и оптимизации затрат в управлении был разработан достаточно давно и даже успел устареть в динамически развивающихся экономиках стран, где применяется последние 50 лет фактически на всех предприятиях.

Таким образом, бюджетирование в классическом понимании либо не дает полной картины состояния компании, либо является атавизмом в динамически развивающихся отраслях экономики.

Суммарно принято выделять следующие недостатки классического бюджетирования:

- не способствует созданию стоимости;
- представляет собой упражнение с использованием электронных таблиц, когда к фактическим данным за предыдущий отчетный период применяется произвольно выбранный процент корректировки;
- основное внимание уделяет затратам, а не выходным результатам;
- не выделяет и не изучает те особенности продукции и потребителей, наличие которых вызывало отклонения (план-факт);
- не контролирует затраты в период роста масштабов хозяйственной деятельности;
- потворствует играм с бюджетом;
- не учитывает рабочую нагрузку по видам деятельности;
- не предоставляет финансовых отчетов по бизнес-процессам;
- не отслеживает уровни обслуживания;
- не отслеживает потери;
- не увязывает бюджетный процесс с экономической стоимостью и стратегией компании;
- основное внимание уделяет только постоянным и переменным издержкам, а не неиспользуемым функциональным возможностям [1].

Недостатки стандартного бюджетирования достаточно хорошо описал эксперт Академии народного хозяйства при Правительстве РФ В.Е. Хруцкий.

При составлении бюджета менеджер может задавать легко достижимые цели при максимально возможной выгоде. Таким образом, формируется не интенсивный бюджет, направленный на развитие компании в целом, а бюджет, основанный на личных выгодах конкретного сотрудника компании. Обратная сторона данной проблемы – нежелание формировать бюджет на перспективу. Формирование происходит с заведомо низкими, легкодостижимыми показателями, что ведет в целом к риску упущенной финансовой выгоды. Вышеприведенные проблемы могут послужить причиной конфликта между руководством и подчиненными, особенно при методе формирования оперативного бюджета банка «сверху-вниз». Бюджеты как бы фокусируют менеджмент на внутренних процессах компании, но не на внешних, влияющих на компанию. Менеджеры, увлекающиеся борьбой за разделение бюджетных средств, рассматривают факторы положительные только для своего подразделения, но опять же не для компании в целом. По словам В.Е. Хруцкого, бюджеты должны отражать организационную структуру подразделений, функциональных и бизнес-единиц. В сущности, каждое звено организации должно оптимизировать использование своих ресурсов. В итоге в рамках целого бизнеса наблюдается субоптимизация, то есть достижение отдельных частных целей оказывается с точки зрения бизнеса в целом неоптимальным вариантом. Если вертикально организованные структуры, параллельные друг другу, спорят по поводу того, кто из них получит дополнительную часть бюджета, говорить об операционных показателях прорывного типа не приходится. Прорывы могут быть, когда все данные структуры работают вместе, определяют новые пути развития рынка и распределения ресурсов. Бюджетный же процесс явно препятствует такому стилю делового мышления. Менеджеры давно усвоили, насколько они выигрывают, если анализируют процессы, начиная от потребностей заказчиков и двигаясь назад ко всем подразделениям организации. В этом отношении бюджетный процесс является своей прямой противоположностью и фактически «вредит» организации [10].

Классическое бюджетирование, как правило, концентрирует внимание не на результатах деятельности, а на затратах. Затраты легко измеряются, легко управляются и поддаются стимулированию к снижению. Результатами же деятельности, особенно там, где нет чистой прибыли, управлять трудно. Поэтому неизбежно измеряется уже то, что получили. Из этого следует очевидный вывод, если основной показатель, по которому судят о том, как вы работаете, – достижение некоторых бюджетных цифр, они обязательно будут достигнуты. Предпринимаемое для этого

снижение затрат может быть болезненным, однако само по себе это занятие сравнительно простое. При нынешнем подходе выход за установленные бюджетные цифры повышает вероятность дискредитации ответственного за бюджетирование сотрудника организации, и, наоборот, снижение затрат дает обратный эффект.

Бюджетное планирование осуществляется на конкретный период, как правило год. Различают также оперативное планирование бюджета кредитной организации на квартал и ежемесячное корректирование. Бюджеты, показатели функционирования и графики оказываются тесно взаимосвязанными друг с другом. Из-за этого персонал, участвующий в процессе бюджетирования, начинает манипулировать как показателями, так и отчетностью с целью избегания наказания и продвижения по карьерной лестнице в случае положительного эффекта от манипуляций. Но необходимо понимать, что манипуляции такого рода не являются частью прогресса компании и зачастую оказываются «миной замедленного действия».

Бюджетный процесс не способствует коренному пересмотру вопроса о том, как лучше всего использовать ресурсы организации [10]. Использование финансовых показателей прошлого периода с последующим его увеличением в планировании будущего бюджета, не основанное на подробном анализе, а базирующееся на субъективных предположениях участников бюджетного процесса, приводит к устойчивому подходу необоснованного планирования. Такой подход со временем теряет связь с реальностью, что повышает риск снижения конкурентоспособности организации.

Бюджетный процесс – это, в конечном счете, соглашение между различными составляющими менеджмента о выделении ресурсов в обмен на обещание достижения определенных результатов на протяжении года. Фактически это формализованный вариант управленческого соглашения. Но когда начинают доминировать штабные функции и штабисты становятся посредниками между отдельными звеньями менеджмента, процесс взаимных обязательств пропадает. Как результат этого игра по прежним правилам прекращается, а начинаются политиканство и мошенничество.

Бюджеты делают виды бизнеса заложниками прошлого. Инкрементальный бюджетный подход строится на допущении, что то, как мы действовали в течение прошлого года, в целом приемлемо и на следующий год. Данный недостаток неприемлем к динамически изменяющимся веяниям рынка и не может, например, максимально корректно (выгодно) сформировать цену на некоторые виды банковских продуктов. Соответственно еще один из недостатков – недостаточная гибкость бюджетирования. Единственная здесь реакция на происходящие в мире изменения сводится к увеличению или снижению бюджетов. В таких условиях насаждение принципиального изменения работы в масштабах всей организации, где каждый постоянно защищает лишь краткосрочные цели, оформ-

ленные на организационном уровне в виде «шахтных» структур, неизбежно чревато серьезными конфликтами [10].

Процессно-ориентированное бюджетирование (ПОБ) является наиболее прогрессивным видом бюджетирования для решения первоочередной задачи отображения стратегических целей компании.

Основная идея заключается в том, что процессно-ориентированное бюджетное планирование концентрирует свое внимание на изучении видов деятельности и их связи с достижением стратегических целей. Используемый вместе с процессно-ориентированным бюджетным планированием метод калькуляции затрат исходя из особенностей продукции и услуг основан на выявлении вариаций процессов, вызванных специфическими требованиями или условиями (особенностями) отдельных продуктов и услуг. Знание таких «особенностей» помогает компаниям понять и минимизировать вариации, в результате чего затраты станут более предсказуемыми и управляемыми. ПОБ с калькулированием затрат исходя из особенностей продукции и услуг:

1) возлагает ответственность и учет на работников, с тем чтобы они сами управляли своими видами деятельности в целях выполнения плановых показателей;

2) предлагает более реалистичный взгляд на объем рабочей нагрузки, включая влияние уровня обслуживания;

3) позволяет увидеть причины вариаций, по которым можно принять меры;

4) дает возможность понять, каким образом продукт/услуга вызывают спрос (или заинтересованность) на конкретный вид деятельности, который, в свою очередь, вызывает потребность в ресурсах;

5) создает возможности контроля на том уровне, который позволяет принимать соответствующие меры;

6) делает прозрачным управление избыточными и/или недостаточными мощностями [1].

Конкурентное преимущество, которое дает ПОБ, – формирование стоимости с учетом затрат, явных и скрытых, а также прозрачность представления бюджета организации в прямой связи с бизнес-процессами.

В нынешней ситуации в банковской сфере России формирование стоимости банковского продукта или услуги для большинства банков не является актуальной задачей. Данная функция ПОБ актуальна, пожалуй, для некоторых крупных банков РФ – лидеров банковского рынка. По мнению заместителя председателя правления Сбербанка Александра Горбахова, изменение, например, фронта кредитных ставок влечет за собой неизбежную корректировку ставок у конкурентов [1]. Таким образом, большинство банков при формировании цен на свои продукты и услуги

ориентируются лишь на их конкурентность в сравнении с другими игроками рынка.

Более важная задача, которую позволяет решить ПОБ в банке, – улучшение контроля движения финансов, транспарентность отчетности и углубленность информации, получаемой в процессе изучения, внедрения и использования бюджетирования по процессно-ориентированному методу. Используя ПОБ и современные системы автоматизации бюджета и управленческого учета, руководство банка имеет большую возможность становления рутинных процессов на автоматические рельсы и освобождает больше времени для решения неординарных, новых, неоднозначных задач бюджетирования и управленческого учета. Конечно, ПОБ не является новым методом бюджетирования, который станет панацеей и избавит руководство как предприятий, так и банков от недостатков традиционного бюджетирования. Например, поскольку в ПОБ очень велика роль непосредственно начальников отделов, а также каждого сотрудника, в частности, возрастает необходимость дополнительной конкретизированной мотивации сотрудников и поддержания заинтересованности на протяжении всего цикла бюджетирования. Создаваемые бюджетные межструктурные комиссии на порядок лучше могут решать задачи бюджетирования, в отличие от практики применения бюджетно-плановых отделов, но не всегда в состоянии эффективно выполнить свою задачу в части повышения заинтересованности как менеджеров, так и сотрудников.

---

1. Бримсон Джеймс. Процессно-ориентированное бюджетирование. Внедрение нового инструмента управления стоимостью компании / Джеймс Бримсон, Джон Атос при участии Джея Коллинза; пер. с англ. В.Д. Горюновой; под общ. ред. В.В. Неудачина. – М.: Вершина, 2007. – 336 с.

2. Бримсон Д.А. Процессно-ориентированное бюджетирование [Электронный ресурс] / Д.А. Бримсон // Элитариум: Центр дистанционного образования. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2007/06/21/processnoorientirovannoe_bjudzhetirovanie.html (дата обращения 28.12.2012).

3. Буйлов М. Интервью заместителя председателя правления Сбербанка Торбахова А. // Деньги. – 2012. – №13. – С. 54 – 55.

4. Добровольский Е. Бюджетирование: шаг за шагом / Е. Добровольский, Б. Карабанов, П. Боровко, Е. Глухов, Е. Бресла. – СПб.: Питер, 2005. – 448 с.

5. Жуков Е.Ф. Банковское дело: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим дисциплинам и специальности «Финансы и кредит» / Е.Ф. Жуков, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 405 – 436.

6. Зозуля В. Activity-Based Budgeting: Видеть легко, трудно предвидеть [Электронный ресурс] / В. Зозуля // ITeam – технологии корпоративного управления. Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/finances/section_12/article_11/ (дата обращения 29.12.2012).
7. Косецкая Ю. Баланс коммерческого банка [Электронный ресурс] / Ю. Косецкая. Режим доступа: http://www.banki.ru/wikibank/balans_banka/ (дата обращения 04.01.2013).
8. Орлов А.В. Финансовое планирование в коммерческих банках: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.В. Орлов. – СПб., 1999.
9. О правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации: положение ЦБ РФ от 26 марта 2007 г. № 302-П.
10. Хруцкий В.Е. 12 главных проблем бюджетирования [Электронный ресурс] / В.Е. Хруцкий // Элитариум: Центр дистанционного образования. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2004/12/03/12_glavnykh_problem_bjudzhetirovanija.html (дата обращения 29.12.2012).

УДК 336

Кургузкин Александр Дмитриевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Ипотечное кредитование в США и России как способ приобретения жилья

Рассмотрен термин «ипотека» как способ приобретения недвижимости. Подробно описан механизм ипотечного кредитования в США. Сравниваются американская и российская модель ипотечного кредитования. Приведены основные сходства и различия в них.

Ключевые слова и словосочетания: ипотечное кредитование, недвижимость, залог, финансирование.

Термин «ипотека» (hypotheca) впервые появился в Греции в начале VI века до н. э. Это понятие, введенное в обиход законодателем Солоном, означало реальную ответственность должника перед кредитором, которая обеспечивалась определенными земельными владениями. В Средние века термин вошел в европейское законодательство, тогда же он стал известен и в России. Однако после октябрьских преобразований ипотеку как форму залога исключили из финансово-экономической системы страны [1].

В настоящее время ипотека рассматривается как залог недвижимости, т.е. залог наиболее ценного и неизменяемого имущества: земельных участков, зданий, строений, предприятий, квартир и другого недвижимого имущества. Выдавая кредиты, банки требуют оформить залоговый документ. В соответствии с этим документом имущество не передается кредитору (залогодержателю) в собственность, а остается у должника (залогодателя), что дает ему возможность по-прежнему пользоваться предметом залога для удовлетворения собственных нужд. Залогодержатель (кредитор) вправе лишь контролировать это использование, чтобы не допустить ухудшения качества или исчезновения предмета залога. Если это все же происходит, то кредитор вправе потребовать дополнительное обеспечение [2].

В настоящее время ипотечное кредитование является основным механизмом решения жилищного вопроса в США, где почти 90% квартир и домов приобретается в кредит [3]. Для российской экономики ипотека хотя и не является новой услугой, но все еще остается незнакомой многим потенциальным потребителям. Это происходит из-за того, что про-

цесс ипотечного кредитования окружен множеством предрассудков, появившихся в результате недостаточной осведомленности россиян о возможностях данной финансовой услуги. Тем не менее, механизмы, доказавшие свою эффективность во всем мире, не могут остаться незамеченными в России, где в настоящее время сложилась ситуация, когда формирование системы долгосрочного ипотечного кредитования стало не только актуальной, но и осуществимой задачей.

Система финансирования жилья США – это сложный общенациональный рынок, на котором действуют множество учреждений (ипотечные банки, сберегательные и кредитные ассоциации, коммерческие и сберегательные банки, страховые компании, пенсионные фонды и т.п.) для непрерывного обслуживания платежей по ценным бумагам, обеспеченным ипотечными кредитами, создана специальная структура проведения операций приобретения ипотечных кредитов и эмиссии ценных бумаг. Fannie Mae – крупнейшая национальная корпорация по активам в США. Акциями Fannie Mae торгуют Нью-Йоркская биржа и другие крупные фирмы. Ее акции находятся среди наиболее активно продаваемых. Они также перечисляются в Каталоге «Standard & Poor's 500 Composite Stock Price Index».

Правительство США приняло закон о создании *Fannie Mae* в 1938 г. во время Великой депрессии как части «Нового курса» президента Франклина Д. Рузвельта. Он позволил частному предприятию находиться «под эгидой правительства», что давало американцам возможность финансировать покупки домов в рамках попытки экономического подъема [4]. Первоначальной задачей Ассоциации было обеспечение банков и финансовых компаний дешевыми ресурсами для кредитования покупки и строительства жилья. Ассоциация выкупала у банков закладные по кредитам и на их основе выпускала обеспеченные облигации. Государственные гарантии обеспечивали минимальную стоимость заимствований ассоциации, что, в свою очередь, приводило к снижению конечных процентных ставок по кредитам населению. Постепенно развитие ипотеки позволило отказаться от государственных гарантий. В 1968 г. Fannie Mae стала частной акционерной компанией, находящейся под надзором государственных органов, поэтому цель ее деятельности – получение прибыли. Ее акции котируются NYSE. Коммерческие банки пользуются услугами ипотечной ассоциации как при покупке, так и при продаже ипотечных облигаций.

Безупречная кредитная история компании и высший рейтинг надежности ее облигаций заменили государственные гарантии. Сегодня Fannie Mae выпускает на рынок широкий спектр ценных бумаг, которые приобретаются пенсионными и взаимными фондами, страховыми компаниями и коммерческими банками. Всего в качестве частной компании Fannie Mae при-

влекла в жилищное строительство около \$3 трлн, ее услугами воспользовались более 43 млн семей. В 2002 г. компания выпустила для инвесторов ценные бумаги, обеспеченные ипотекой, на сумму \$478,3 млрд.

В общем виде деятельность Ассоциации заключается в следующем. Кредитор направляет информацию о кредитах и графиках платежей Fannie Mae. Ассоциация проверяет, соответствует ли полученная информация условиям договора, и утверждает покупку. Затем Fannie Mae выпускает ценные бумаги в форме электронных бухгалтерских записей. Таким образом, Ассоциация берет на себя кредитный риск и риск процентной ставки, оставляя банку плату за обслуживание кредита. Обмен пулов кредитов на ипотечные ценные бумаги позволяет банкам увеличить свою ликвидность, улучшить качество структуры своих активов, увеличить доходы от обслуживания, а также дает возможность при необходимости заимствовать средства под залог ценных бумаг.

Однако организация деятельности вторичного рынка ипотечных кредитов США выходит далеко за рамки деятельности Федерального ипотечного агентства. На ипотечном рынке США кроме Федеральной национальной ипотечной ассоциации (Fannie Mae) свою деятельность осуществляют Корпорация жилищного кредитования (Freddie Mac) и Правительственная национальная ипотечная ассоциация (Ginnie Mae). Все эти организации располагают полномочиями покупать ипотечные кредиты на жилье под государственную гарантию или под государственное страхование, выпускать ценные бумаги, обеспеченные выкупленными ипотечными кредитами.

Федеральная жилищная администрация (ФЖА) создана в 1934 г. Уполномочена страховать ипотеки под жилые дома и квартиры, чтобы поощрять жилищное строительство и домовладение. ФЖА устанавливает предельный размер ссуды и первоначального взноса, максимальный срок ссуды, величину страхового сбора по закладной и ежемесячного взноса по налогам, определяет условия оценки и проверки недвижимости, а также максимальный ссудный процент. Помимо страхования закладных начиная с 80-х гг. ФЖА занимается прямым субсидированием ренты и выплат по закладным, что также играет немаловажную роль в развитии жилищного строительства [5].

В России доля купленных в кредит квартир до сих пор не перешагнула отметку 10% от общего числа сделок. А, например, в США с помощью ипотечного кредитования приобретается до 90% жилья. Почему же американская модель ипотеки оказалась настолько успешней ее российского аналога?

В среднем ипотечные кредиты в США на сегодняшний день выдаются под 6% годовых, кроме того, в дальнейшем у заемщиков появляется возможность рефинансировать кредит и выплачивать его на более выгод-

ных условиях. В Америке и в России банки предлагают ипотечные кредиты на примерно одинаковые сроки: от 1 года до 30 лет. Но при этом, как показывает практика, наши соотечественники изо всех сил стремятся погасить ипотеку в кратчайшие сроки, в то время как американцы стараются максимально растянуть выплаты во времени. Возможно, это различие обусловлено тем, что в России средняя ставка по ипотечному кредиту составляет 12% годовых, то есть в 2 раза выше, чем в США [6].

По видам ставок (фиксированная или плавающая) отличий между российскими и американскими банками нет, но граждане США предпочитают кредитные программы с плавающей процентной ставкой, а российские заемщики – с фиксированной ставкой, то есть одинаковой на протяжении всего срока действия кредитного договора.

Еще одним принципиальным для российского покупателя моментом является выбор рынка для приобретения жилья – первичного или вторичного. Приобретение квартиры на начальном этапе строительства позволяет сэкономить до 30% от ее общей стоимости. Российские банки неохотно кредитуют заемщиков, желающих принять участие в долевом строительстве. В первую очередь это связано с риском недостроя. В США первичный и вторичный рынок жилья не имеют столь принципиальных различий, так как дома и квартиры там продаются уже готовыми, а значит, в любом случае по ипотечному кредиту уже есть предмет залога.

В России покупатель новостройки может не брать ипотеку в банке, а стать просто соинвестором строительства. Для многих этот вариант является довольно привлекательным, поскольку позволяет сэкономить на переплате за кредит. Вполне возможно, если бы у американских граждан была такая возможность сэкономить на «первичном» рынке, то это, вероятно, могло снизить общее количество ипотечных кредитов. В США практически все жилье продается в кредит, поэтому у кредиторов нет каких-то «классовых» предпочтений, справедливо говорить лишь о специализации тех или иных банков на эконом-классе, бизнес-классе или элитном жилье.

В Америке, как и в России, некоторые банки выдают кредиты без первоначального взноса, но обычно он составляет минимум 10 – 20% от стоимости жилья. Принимая решение по выдаче кредита, американские и российские банки обращают внимание на документы, подтверждающие платежеспособность клиента, его возраст, место проживания, род занятий, семейное положение, а также кредитную историю потенциального заемщика.

Выходит, что в американской и российской моделях ипотечного кредитования очень много схожего. Поэтому многие специалисты рынка недвижимости полагают, что в нашей стране банки должны стремиться

приблизить условия отечественной ипотеки к американской модели кредитования для вовлечения в ипотеку большего числа российских граждан.

В настоящее время слова «ипотека», «ипотечное кредитование» присутствуют в многочисленных публикациях, выступлениях на радио и телевидении. Но самую возможность ипотечного кредитования любое кредитное учреждение неразрывно увязывает с проблемой рефинансирования денежных средств, выданных в виде ипотечных кредитов, с использованием в качестве основы для привлечения долгосрочного ссудного капитала активов, возникающих у них после выдачи кредитов под залог недвижимости. В результате этого финансовые и кредитные институты рассматривают ипотечное кредитование как системное образование, способное обеспечить устойчивое, прибыльное ведение дел.

В свою очередь, ипотечное кредитование рассматривается государством в качестве механизма, способного решить задачи огромной социальной важности в масштабах страны: жилищную проблему, проблему финансирования капитального строительства и др. Для абсолютного большинства рядовых граждан ипотечное кредитование представляется единственно возможным источником решения извечного для россиян жилищного вопроса [7].

-
1. URL: <http://www.www.metal-profi.ru/library/yuscoik.htm>.
  2. Филимонов Ю.С. Доступное жилье / Ю.С. Филимонов, И.Л. Далаксакуашвили, В.Л. Ясько, Л.В. Ясько. – М.: «Феникс», 2006. – С. 34.
  3. URL: <http://flatcenter.ru/clauses/ipoteka/v-rossii-v-amerike.html>.
  4. URL: <http://www.fanniema.com>.
  5. URL: <http://www.rusipoteka.ru/publications/razumova-1.htm>.
  6. Артемов С.А. Система ипотечного жилищного кредитования / С.А. Артемов. – М.: Наука и образование, 2010. – С. 101.
  7. Елисеева Т.В. Оптимизация нормативов ипотечного кредитования / Т.В. Елисеева. – М.: Юриспруденция, 2010. – С. 88.

Просалова Вероника Сергеевна, Никитина Анастасия Александровна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Понятие банковских инноваций и их классификация

Рассматривается понятие «банковские инновации». Выявлены основные причины необходимости использования инноваций в банках, также представлена классификация банковских инноваций и их краткая характеристика.

Ключевые слова и словосочетания: *банковские инновации, классификация банковских инноваций.*

В соответствии с динамично меняющимися условиями экономической деятельности инновации в банках стали условием успешного функционирования любого коммерческого банка. Являясь полноценным участником рынка, каждый банк вынужден меняться сам и инициировать внутриорганизационные инновационные процессы. Естественно, что течение данных процессов не должно быть стихийным, иначе говоря, регулировать их необходимо в рамках стратегии инновационного развития банка.

Базисные инновации уже сформировали современный технологический уклад начала XXI века в наиболее развитых странах мира. В основе – микроэлектроника и информатика, составляющие его ядро, которое, в свою очередь, образовали взаимосвязанные технологии производства.

Для того чтобы завоевать доверие клиентов, кредитным организациям недостаточно предоставлять им только традиционный спектр услуг. Необходимо менять формы и методы обслуживания, расширять сервисные возможности, предлагать комплексный банковский сервис.

В настоящее время одним из основных факторов успешной банковской деятельности выступает политика постоянных нововведений. Данное утверждение вытекает из ряда предпосылок, характеризующих существующее на сегодняшний день положение экономики [10].

Во-первых, отношения банков с клиентами основаны на принципах партнерства. Это, в частности, означает, что банки проявляют постоянную заботу не только о сохранении, но и о приумножении капитала своих клиентов, предлагая им новые услуги, которые способствуют расшире-

нию финансово-хозяйственной деятельности, снижению издержек, развитию деловой активности и повышению ее доходности.

Второй причиной появления новых видов банковских услуг является конкуренция между банковскими институтами в условиях рыночных отношений. Чтобы выжить в условиях рынка, необходимы многовариантность и нестандартность деловых решений, неординарность хозяйственных операций, внедрение инноваций во всех сферах деятельности банка.

Третьей причиной является развитие новых дорогостоящих банковских технологий. Именно научно-технический прогресс, признанный во всем мире в качестве важнейшего фактора экономического развития, все чаще сейчас связывается с понятием инновационного процесса.

Тем не менее, нововведения в банковской сфере включают в себя не только технические или технологические разработки, но и внедрение новых форм бизнеса, новых методов работы на рынке, новых продуктов и услуг, новых финансовых инструментов. Они характеризуются более высоким технологическим уровнем, более высокими потребительскими качествами товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом. Инновации являются важнейшим фактором конкурентоспособности банков и обеспечивают их экономический рост.

Эффективность работы банка и его конкурентоспособность на рынке во многом зависят от внедрения новых банковских продуктов, технологий или процессов.

Понятие «инновация» (от англ. «innovation») впервые появилось в научных исследованиях культурологов в XIX веке. Инновацией называли процесс адаптации новой формы культуры или адаптивную норму культуры. Технические нововведения стали изучать только в начале XX в. [2].

Исследователь И.Т. Балабанова в своей работе толкует понятие «банковская инновация» исходя из того, что последняя представляет собой часть финансовых инноваций (инновации, функционирующие в финансовой сфере).

Банковская инновация – это реализованный в форме нового банковского продукта или операции конечный результат инновационной деятельности банка [1].

В диссертации А.В. Муравьевой предлагается следующее определение банковских инноваций: банковская инновация как совокупность принципиально новых банковских продуктов и услуг – это синтетическое понятие о цели и результате деятельности банка в сфере новых технологий, направленных на получение дополнительных доходов в процессе создания благоприятных условий формирования и размещения ресурсного потенциала при помощи внедрения нововведений, содействующих клиентам в получении прибыли [7].

Банковские инновации – это доведенные до клиентов и принятые ими новые или кардинально видоизмененные услуги или продукты, внедренные в банковский процесс современные технологии, в том числе и инфокоммуникационные, позволяющие изучить экономический или социальный эффект [4]. К инновациям в последнее время относят также разработку и внедрение новых типов организационных структур кредитных организаций. Современные банки развиваются в условиях глобализации телекоммуникационных средств, развития сетевой формы организации различных форм бизнеса. На этом фоне центральное место занимает вопрос новых форм организации (структуры).

Проанализировав указанные выше работы, а также работы Л.В. Кох [6], Б. Санто. [11], М. Березовской [2], мы выделили общий признак, характеризующий банковские инновации. А именно то, что все ученые сходятся во мнении, что банковская инновация – это продукт, услуга или технология, внедрение которой приводит к качественным изменениям в банковской деятельности и, как правило, приносит банку напрямую или опосредованно прибыль.

На наш взгляд, применительно к особенностям банковского сектора об инновациях можно говорить как о создании банковского продукта (или услуги), обладающего более привлекательными потребительскими свойствами по сравнению с предлагаемым ранее. Под инновациями можно понимать и создание качественно нового продукта (или услуги), способного удовлетворить неохваченные ранее потребности его потенциального покупателя, либо использование более совершенной технологии.

Изучив работы А.В. Охлопкова [8], П. Друкер [4], В.С. Викулова [3], можно отметить, что термины «инновация» и «нововведения» не имеют четкого разграничения, многие ученые приравнивают эти понятия друг к другу. Мы придерживаемся точки зрения, что эти понятия близки в своем определении, но все же имеют определенные различия. Например, инновация – это, по сути, практическое применение нововведений. Не всякое нововведение является инновацией, так как инновация предполагает совершенствование в лучшую сторону. Но не всякое нововведение может быть положительным. Другими словами, инновация является результатом успешного внедрения и использования нововведения.

Разнообразие банковских инноваций в современном банковском деле отражает их классификация (табл. 1).

Таким образом, приведенная выше классификация банковских инноваций дает возможность выявить некоторые закономерности в возникновении и прохождении инновационных процессов в кредитных организациях [9]. Дело в том, что преобладание того или иного типа инноваций определяет тип и направленность инновационной стратегии банка (т.е. возможно осуществить «привязку» определенных типов инноваций

к определенным типам инновационных стратегий). В свою очередь, типология банковских инноваций позволяет конструировать соответствующие экономические и управленческие механизмы, поскольку они определяются именно типом внедряемых инноваций и выбранной инновационной стратегией. При этом любой банк в процессе реализации системного подхода к определению своей инновационной стратегии, рассматривая свою инновационную деятельность с учетом вышеописанной классификации, получает возможность точнее позиционироваться на рынке, определить формы продвижения и реализации своих разработок и продуктов на рынок, которые для разных типов инноваций различны.

Таблица 1

Классификация банковских инноваций

Классификационный признак	Название	Краткая характеристика
1	2	3
1. По временному аспекту	а) сверхновые и новые; б) оперативные (текущие, краткосрочные); в) перспективные (долгосрочные)	<i>Сверхновые</i> применяются впервые в банковской сфере; <i>новые</i> ранее уже применялись в других банках, но в конкретной кредитной организации используются впервые. <i>Оперативные</i> : разрабатываются конкретные формы реализации выбранной инновационной стратегии. <i>Перспективные</i> направлены на получение конкретного результата в будущем
2. По причинам зарождения	а) стратегические; б) реактивные	Стратегические инновации в основном направлены на упреждение необходимости инновационных преобразований, их основная цель – получение в перспективе определённых конкурентных преимуществ. Реактивные инновации относятся к проведению банком так называемой оборонительной стратегии, они направлены на выживание кредитной организации на рынке и являются в основном реакцией на инновацию банка-конкурента. В этом случае банк вынужден осуществлять инновационную деятельность для обеспечения своего выживания в конкурентной борьбе на рынке
3. По объёму воздействия	а) точечные; б) системные	Точечные инновации имеют место в частном случае совершенствования технологии на отдельном участке работы. Системные инновации определяют изменение всей структуры производственных отношений

1	2	3
4. В зависимости от сферы внедрения инноваций в банке	а) инфотехнологические; б) продуктовые; в) организационные	К инфотехнологическим относятся инновации, созданные с использованием современных методов получения, обработки, хранения и передачи информации: безналичные переводы денежных средств, банковские пластиковые карты, весь спектр услуг с использованием сети Интернет и др. Продуктовые инновации – новые банковские продукты, которые могут быть связаны как с новыми операциями, так и с традиционными в период их развития и трансформации. Так, традиционные магнитные банковские карты постепенно эволюционировали до «чиповых». Организационно-экономические инновации являются необходимой предпосылкой для внедрения самих инноваций, а также основой эффективного проведения инновационной политики в области создания новых банковских продуктов и технологий
5. По влиянию нового продукта на поведение потребителей	а) адаптивная; б) функциональная; в) фундаментальная	<i>Адаптивная инновация</i> предполагает минимум изменений в продукте или услуге для продления их жизненного цикла, при этом потребитель не изменяет своего поведения и предпочтений. <i>Функциональная инновация</i> предполагает сохранение функций продукта либо услуги, возможно изменение характера реализации. Способствует более полному удовлетворению потребностей клиентов. При этом потребитель изменяет свои предпочтения и привычки. <i>Фундаментальная инновация</i> . Предполагает реализацию совершенно новой идеи, бизнес-концепции, результатом чего становится появление новых, не известных ранее функциональных качеств. Способствует удовлетворению тех потребностей, которые не удовлетворялись в достаточной степени или ранее не удовлетворялись в силу их отсутствия. Примером служит появление форфейтинга

Источник: сост. по Охлопкова А.В. [8], Викулова В.С. [3], Кох Л.В. [5].

1. Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент / И.Т. Балабанов. – СПб., 2011. – 303 с.
2. Березовская М. Инновационный аспект экономического развития / М. Березовская // Вопросы экономики. – 2007. – № 3. – С. 58 – 66.
3. Викулов В.С. Концептуальный подход к разработке инновационной стратегии коммерческого банка / В.С. Викулов // Финансовый менеджмент. – 2010. – № 5. – С. 106.
4. Друкер П. Бизнес и инновации / П. Друкер; пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2009.
5. Кох Л.В. Инновации в банковском бизнесе / Л.В. Кох, Е.Н. Смольянинова, В.С. Просалова. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 49 с.
6. Кох Л.В. Эффективность инновационной деятельности банка: теория и методология: монография / Л.В. Кох. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008. – С. 24.
7. Муравьева А.В. Банковские инновации: мировой опыт и российская практика: дис. ... канд. экон. наук. / А.В. Муравьева. – М., 2005. – С. 12.
8. Охлопков А.В. Инновации в сфере предоставления банковских услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.В. Охлопков. – М., 2011. – 19 с.
9. Просалова В.С. Понятие банковских инноваций и их классификация / В.С. Просалова, А.А. Никитина // Науковедение: электронный журнал. – 2013(14). – №1.
10. Просалова В.С. О необходимости расчета эффективности инноваций в банковской сфере / В.С. Просалова, А.А. Никитина // Материалы междунар. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». 16–20 апреля 2011 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011.
11. Санто Б. Инновация как средство экономического развития / Б. Санто. – М.: Прогресс, 2010. – С. 95.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

УДК 327

Гарусова Лариса Николаевна

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы и политика США

Возможности и перспективы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI в. будут во многом зависеть от взаимоотношений с мировым и региональным лидером – Соединенными Штатами Америки. Преодоление периферийной позиции России в Пасифике предполагает ее активное экономическое и политическое сотрудничество со странами региона. Современная внешняя политика Соединенных Штатов целенаправленно сориентирована на Азиатско-Тихоокеанский регион. Цель тихоокеанской политики Вашингтона – сохранение мирового доминирования Америки в условиях растущего влияния Китая. На практике Соединенные Штаты зачастую не воспринимают Россию в качестве составной части АТР и не включают ее в свою тихоокеанскую политику. Однако, по мнению некоторых американских экспертов, Соединенным Штатам необходима поддержка России, чтобы оказывать сдерживающее влияние на Китай. В свою очередь, Россия нацелена, прежде всего, на сотрудничество с Китаем.

Ключевые слова и словосочетания: *Азиатско-Тихоокеанский регион, внешняя политика США, тихоокеанская политика, администрация Обамы, российско-американские отношения.*

Соединенные Штаты Америки – современный мировой и региональный лидер, главным направлением своей внешней политики в XXI в. избрали Азиатско-Тихоокеанский регион. Цель тихоокеанской политики

---

*Рубрика подготовлена по материалам круглого стола «Новые тенденции в азиатско-тихоокеанской региональной архитектуре: роль и место российского Дальнего Востока», Владивосток, 22 марта 2013 г.

Вашингтона – сохранение мирового доминирования Америки в условиях растущего влияния и мощи («подъема») Китая. По словам президента Барака Обамы, Соединенные Штаты готовы и дальше играть роль лидера в АТР, понимая, что «успех Америки связан с экономическим ростом стран региона». В свою очередь, Азия, по словам бывшего Госсекретаря Хиллари Клинтон, нуждается в том, чтобы Соединенные Штаты оставались её «динамичным экономическим партнером и оказывали стабилизирующее военное влияние». Соединенные Штаты – торговый партнер номер один для региона и самый крупный или второй по величине партнер каждой из крупнейших экономик Азии. Из десяти крупнейших торговых партнеров Америки шесть находятся в АТР, в том числе Канада, Китай, Япония, Республика Корея, Мексика, Гонконг.

Новая американская администрация, сформированная президентом Б. Обамой в феврале 2013 г., подтвердила готовность США к активному взаимодействию со странами АТР, поддерживая сложившийся там баланс сил, но при этом по-новому расставляя акценты. По-прежнему, главный интерес для американской внешней политики представляет Китай, серьезной региональной угрозой обозначена ядерная программа КНДР, а некоей внешнеполитической инновацией Соединенных Штатов стал расширенный поиск союзников в регионе. В таком контексте нельзя исключать возможности активизации тихоокеанской политики США и по отношению к России.

Превращение Азиатско-Тихоокеанского региона в центр мировой экономики и политики заставило Россию, в свою очередь, позиционировать себя в качестве тихоокеанской державы. Проведение саммита АТЭС во Владивостоке по инициативе Москвы – наглядное тому подтверждение. Место и роль России в АТР зависит от ряда факторов, в том числе и от тихоокеанской политики мирового и регионального лидера – Соединенных Штатов Америки.

Отношение США к России в АТР кратко можно охарактеризовать как парадоксальное. С одной стороны, Соединенные Штаты понимают и признают, что Россия и Соединенные Штаты являются ближайшими тихоокеанскими соседями в АТР, имеющими общую границу, а Дальний Восток России и Западное побережье США поддерживают на протяжении последних 20 лет стабильные, хотя и весьма неровные, экономические, политические и гуманитарные связи¹.

С другой стороны, официальный Вашингтон, формулируя свою азиатско-тихоокеанскую политику (заявления, обращения, выступления прези-

---

¹ Например, в сентябре 2012 г. состоялся 17-й ежегодный форум Российско-Американского Тихоокеанского Партнерства (РАТОП) с представителями федеральных и региональных властей, а также бизнеса двух стран.

дента Б. Обамы и госсекретаря Х. Клинтон), практически никогда не упоминает Россию в азиатско-тихоокеанском контексте. Тихоокеанский вектор российской внешней политики игнорируется. Россия воспринимается Америкой скорее как восточноевропейская, нежели тихоокеанская держава.

Исключением стали высказывания г-жи Клинтон на саммите АТЭС во Владивостоке. Х. Клинтон подчеркнула, что у США «нет проблем с Россией, играющей ответственную роль в Азии. На деле мы приветствуем это. Мы только что сказали русским, и я говорила президенту Путину вчера – Соединенные Штаты хотят углубить свое экономическое сотрудничество с Россией в Азии, на Дальнем Востоке. ... Мы очень привержены сотрудничеству с Россией, особенно по вопросам экономического роста и повышению благосостояния. В конце этого месяца в г. Такома, штат Вашингтон, состоится форум РАТОП – Российско-Американского Тихоокеанского партнерства – для взаимодействия представителей бизнеса и власти в целях укрепления деловых связей между нашими Тихоокеанскими побережьями, Соединенными Штатами и российским Дальним Востоком» [1].

После открытия российского Дальнего Востока (РДВ) внешнему миру на рубеже 80 – 90-х гг. XX века Соединенные Штаты Америки, наряду с ближайшими азиатскими соседями России – Китаем, Южной Кореей и Японией, стали весьма значимым контрагентом Тихоокеанской России. Именно в 1990-е гг. Соединенные Штаты проявили наибольший за последние 20 лет интерес к РДВ. Это период активного экономического, политического, гуманитарного сотрудничества и присутствия Америки в Дальневосточном регионе. В 1998 г. была официально сформулирована «Американская правительственная стратегия для российского Дальнего Востока». Она разъясняла, что программа помощи правительства США Дальнему Востоку ведется с 1992 г. и включает задачи «создания базовых институтов рыночной экономики, формирования основных управленческих навыков, обеспечение малому бизнесу доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям в регионе, поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества».

Внимание Соединенных Штатов к РДВ детерминировалось, во-первых, интересами национальной и региональной безопасности Америки, обеспечение которой американское правительство видело через превращение постсоветской России в рыночно-демократическую страну по типу западных демократий. Дальний Восток России особенно важен для безопасности США, т.к. это территория, соседствующая с западным побережьем США, обладающая мощным милитарным сегментом в лице Тихоокеанского флота страны с ядерным арсеналом.

Во-вторых, имела место определенная экономическая (ресурсно-сырьевая) заинтересованность американской стороны в сотрудничестве с РДВ, значение которой, однако, не следует преувеличивать. Определенным потенциалом обладают и транзитно-транспортные возможности Тихоокеанской России, например, транспортный коридор от американского порта Такома до Бреста, который обе страны пытались создать на рубеже столетия как проект «Восток – Запад» в 1999 г.

В-третьих, важнейшим стимулом для американского интереса и сотрудничества на РДВ являлись сами межгосударственные, межправительственные отношения Америки и России, которые в первой половине 1990-х гг. развивались весьма успешно и обе страны демонстрировали друг другу свою лояльность и симпатию на всех уровнях и направлениях взаимодействия.

В 1992 г. было открыто Генеральное консульство США как главный проводник интересов США в Тихоокеанской России. В свою очередь, в Сиэтле было открыто 4-е по счету российское консульство. В 90-е гг. под патронажем консульства работали помимо представительства Госдепа американское министерство торговли, транспорта, сельского хозяйства, правительственные агентства ЮСИА/БЕКА, Агентство по международному развитию (АМР – ЮСАИД), Корпус мира и т.д. В 1997 г. вместе с администрацией Приморского края Генеральное консульство США создало первый и единственный в России консультативный совет по иностранным инвестициям для поощрения иностранных инвестиций в Дальневосточном регионе.

Успешно развивались административно-политические контакты местных администраций с представителями американских властей всех уровней. Дальний Восток посещали конгрессмены, министры и высокопоставленные сотрудники министерств торговли, энергетики, обороны, экологии, госдепа, а также губернаторы западных штатов, мэры, представители муниципалитетов и т.д. Развивалось военно-политическое сотрудничество между тихоокеанскими флотами двух стран. Регулярно в порты РДВ заходили с визитами или для совместных учений по связи и маневрированию эскадры американских кораблей, а в порты США – российские корабли. С участием американского военного ведомства и бизнеса в Приморье был построен завод по переработке жидких ядерных отходов и утилизации списанных АПЛ.

Активно формировались побратимские связи между городами и районами РДВ и западного побережья США. (К концу 1990-х гг. насчитывалось 17 российских и американских городов-побратимов.) На территории РДВ эффективно действовали американские неправительственные и некоммерческие организации и фонды, обеспечивавшие гуманитарное сотрудничество и программы создания гражданского общества: IREX,

АСТР, Всемирный фонд дикой природы, Католическая служба милосердия, ИСАР-ДВ, Фонд Евразия и т.д. Они «закрывали» такие сферы, как образование, наука, благотворительность, здравоохранение, охрана природы и экологическое просвещение, Интернет и информационные технологии, поддержка НКО и НПО и т.д.

Успешно развивались торговые отношения. Наиболее активными торговыми партнерами РДВ в 1990-е гг., как и сегодня, являлись 4 страны АТР – Китай, Республика Корея, Япония и США. Их совместный вклад в торговлю РДВ варьировался от 76 до 90%. В 1995 г. доля США в международной торговле Дальнего Востока составлял более 16% или 515,5 млн. долл. (Для сравнения, доля США в международной торговле России была меньше в 2 – 2.5 раза и составляла всего около 6%). На США приходилось 28% от импортируемых РДВ товаров. При этом, в Америку уходило не более 2% товаров с Дальнего Востока. Эти данные опровергают сложившийся миф о крайней заинтересованности США в природных ресурсах Дальнего Востока. Торговля РДВ с США, как и с другими странами тихоокеанской «четверки» носила колониальный характер: вывозилось сырье – лес, рыба, металлы, позже в 2000-е гг., к ним добавились нефть и газ. Ввозилась продукция машиностроения и продовольствие. В 1990-е гг. расширились транспортные связи между двумя тихоокеанскими побережьями, в том числе и за счет авиарейсов компаний Аляска Эйрлайнз и Аэрофлот.

К концу 1990-х гг. Соединенные Штаты превратились в главного инвестора РДВ с инвестициями. Именно в это время началось осуществление крупнейших нефтегазовых проектов серии «Сахалин» с участием американского капитала (Эксон, Маратон, Макдермот, Мобил, Тексако). С 1997 по 2012 гг. на РДВ действовала программа Региональная инвестиционная инициатива под патронажем АМР. В ее реализации участвовали государственные и коммерческие структуры – Эксимбанк, Агентство по торговле и развитию, ОПИК, ТУСРИФ и т.д. Развитию торговли и инвестирования между РДВ и США способствовала вышеупомянутая Российско-американская ИРГ «Российский Дальний Восток – Западное побережье США». В ней участвовали 11 дальневосточных субрегионов и 5 тихоокеанских штатов Америки. Она активно продвигало через свои 10 секторов совместные российско-американские проекты в Тихоокеанской России в таких областях как торговля, транспорт, энергетика, лесная, рыбная и горнодобывающая промышленности, экология, сельское хозяйство, информационные технологии, туризм, юриспруденция. Во многом, благодаря ее поддержке экономическое сотрудничество России и США на Дальнем Востоке продолжилось после того, как обе страны дистанцировались друг от друга.

На рубеже 1990 – 2000-х гг. началось свертывание американского делового и гуманитарного присутствия на РДВ. Непреодолимым препятствием для региональной торговли и инвестиций стали: во-первых, неблагоприятный инвестиционный климат на Дальнем Востоке, который сохраняется и сегодня¹. Во-вторых, существенное ухудшение российско-американских отношений. В-третьих – переориентация внешнеэкономических связей и всей внешней политики России на Китай.

Сокращение масштабов недостаточно эффективного экономического сотрудничества на российском Дальнем Востоке и США на фоне движения российской внешней политики в сторону Китая, долгое время не особенно беспокоило Вашингтон. В первое десятилетие XXI века главными приоритетами американской внешней политики стали Ирак, Иран и Ближний Восток в целом. При этом внимание США к АТР, за исключением Китая, заметно снизилось. Интерес к России в американской элите и обществе также минимизировался. Так, опрос (ноябрь 2011, Колледж Вильяма и Мэри, США) американских «академиков» и «политиков» засвидетельствовал катастрофически низкий интерес к России, поскольку только 3% университетских ученых считают территорию бывшего СССР, включая Россию, регионом, имеющим важное стратегическое значение для Соединенных Штатов. Эти же 3% «академиков» подтвердили сохранение стратегической значимости России и стран СНГ для Америки через 20 лет. Политики-практики в своих оценках России проявили еще больший скептицизм. По их мнению, и сегодня, и через 20 лет, Россия сохранит нулевое (0%) значение для американской внешней политики [2].

В официальных документах, связанных с азиатско-тихоокеанской стратегией Америки, Россия, в отличие от Китая, как правило, даже не упоминается. Минимальное присутствие России в АТР, имеющиеся разногласия между Москвой и Пекином, а также настороженное отношение некоторой части россиян к Китаю и китайцам оценивались Вашингтоном как некий индикатор и гарант безопасности Америки в регионе.

В настоящее время американское экономическое и гуманитарное присутствие на РДВ достигло своего минимума. По разным причинам прекратили свою работу все вышеупомянутые американские НКО и НПО на Дальнем Востоке. В структуре Генерального консульства США сего-

---

¹ «Отсутствие власти закона», «криминализация бизнеса», недостатки нового таможенного кодекса, двойное налогообложение, усложненная система выдачи разрешений на работу для иностранных граждан, недостаточная инфраструктура и т.д. Отсутствие прямого воздушного коридора и морского судоходного маршрута, связывающих Камчатку, Магадан, Сахалин и другие регионы Дальнего Востока с западным побережьем США. Так как на сегодняшний день судоходная транспортировка от западного побережья США до Камчатки через порт Владивосток занимает 45 – 60 дней, этот срок должен быть уменьшен до 15 – 20 дней.

дня остались только визовый отдел, Отдел образования, культуры и печати, представительство министерства сельского хозяйства. В октябре 2012 г. по всей стране были закрыты представительства АМР, одно из которых на Дальнем Востоке финансировало 30 программ в сфере поддержки малого бизнеса, рационального природопользования, здравоохранения, демократических инициатив и т.д.

О том, что РДВ перестал быть сколько-нибудь значимым объектом внимания Соединенных Штатов свидетельствуют данные по торговле и инвестициям. Если в 1990-е гг. доля США в региональной внешней торговле РДВ превышала в 2 – 2,5 раза долю США во внешней торговле России, то в настоящее время ситуация изменилась с точностью до наоборот. По итогам 2011 г. доля США равна почти 16% во внешнеторговом обороте России с АТЭС. При этом доля США во внешней торговле ДВФО (по разным источникам) составляет от 2,2 до 2,6% [3]. (Напомним, что в 1995 г. она составляла 16%.) При этом Америка практически не ввозит дальневосточные товары, но экспортирует свои в ДВФО – 7,6% от всего дальневосточного импорта – \$697,8 млн (2010 г. – экспорт из США на Дальний Восток РФ 535 млн долл.). Из США на РДВ ввозят высокотехнологичные товары, в том числе вертолеты, самолеты, космические аппараты и ракеты (около 16%), а также грузовые автомобили. Заметную долю в импорте из этой страны составила свинина (6,4%). В настоящее время США являются главным торговым партнером лишь Чукотского автономного округа. Доля американских инвестиций на Дальнем Востоке сегодня минимальна и составляет 0,1% в общем объеме инвестиций. Даже у традиционно не инвестирующего в Дальний Восток Китая она выше и достигла 1%.

Инициативная рабочая группа как форма организации регионального сотрудничества России и США сохранилась, трансформировавшись в 2002 в новую структуру – Российско-Американское Тихоокеанское партнерство (РАТОП), потеряв при этом (до 2009 г.) поддержку политических лидеров (вторых лиц обеих государств). Сегодня в сессиях РАТОПа участвуют представители региональных властей и бизнеса Америки и России, а также чиновники из министерств экономики, торговли и иностранных дел двух стран. Реструктуризация и укрупнение секторов РАТОП в 2005 – 2007 гг. отражает свертывание многих направлений взаимодействия РДВ и США, а также дальнейшее снижение интереса американских властей и бизнеса к сотрудничеству с Дальним Востоком. В настоящее время реально работают три сектора РАТОП:

- транспорт и торговля;
- энергетика, энергосбережение и высокие технологии (например, участие компании «Майкрософт» в создании электронного правительства на Дальнем Востоке);
- природоохранная деятельность и туризм.

Эти сектора отражают сохранившиеся экономические связи двух стран на РДВ, а также заинтересованность США в данных сферах экономики Дальнего Востока. Например, это масштабный проект Сахалин-1 с участием корпорации Эксон Мобил, с ее инвестициями в 10 млрд долл. в экономику Дальнего Востока. Данный факт отметила Госсекретарь Х. Клинтон на саммите АТЭС во Владивостоке, говоря о возможностях и перспективах сотрудничества РДВ и США в Тихоокеанском регионе. «Крупный нефтегазовый проект Exxon Mobil стоит около 10 млрд долл. инвестиций и дает работу примерно 600 гражданам России. С контрактами на более чем 7,7 млрд долл. с российскими компаниями или совместными предприятиями проект уже создал много других рабочих мест по всему региону».

Деятельность РАТОП в поддержании межрегионального российско-американского делового и гуманитарного партнерства во многом содействовала подписанию Россией и США (Х. Клинтон и С. Лавровым) 8 сентября 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке документов особенно значимых для РДВ и западных штатов: 1. Соглашения о межрегиональном сотрудничестве – с акцентом на российский Дальний Восток и Тихоокеанский Северо-Запад. 2. Соглашение (которое должно быть официально подписано до 31 декабря 2012 г.) о создании охраняемого совместного природного комплекса на Чукотке и Аляске в районе Берингова пролива – на базе проекта «Берингия», курируемого РАТОП в течение многих лет.

Активизация политики Вашингтона в АТР администрации Б. Обамы и новая Азиатско-Тихоокеанская стратегия Америки становятся фактором трансформации американской политики в отношении России в целом и ее Дальнего Востока в частности. Цель современной тихоокеанской политики США – сохранение мирового доминирования Америки в условиях «подъема» Китая. При этом не следует преувеличивать разногласия этих двух мировых держав. Вашингтон и Пекин, разумеется, пока не собираются вступать в конфронтацию друг с другом. Китай – главный торговый партнер США в АТР, а Соединенные Штаты для Китая – это второй после Евросоюза торговый партнер и 5-й по значимости инвестор в китайскую экономику. Вашингтон всегда подчеркивает значимость китайско-американского сотрудничества для обеих стран и всего мира. Х. Клинтон четко обозначила официальную позицию Вашингтона по данному вопросу: «Всё, что служит процветанию Америки – также хорошо и для Китая, и что служит процветанию Китая – хорошо для Америки». Тем самым остальным странам, включая Россию, дается понять, что бесполезно пытаться внести раскол в китайско-американские отношения. Однако при этом новая военная стратегия (2012 г.) предусматривает перемещение в АТР в текущем десятилетии 60% американских ВМС.

В таком контексте понятна озабоченность Вашингтона поисками новых союзников и партнеров в АТР, включая Россию. Поскольку Россия практически не упоминалась до последнего времени в высказываниях и официальных документах США по тихоокеанской политике, то ответ на вопрос о реальной заинтересованности Вашингтона в сотрудничестве с Россией в АТР и на Дальнем Востоке можно было найти только в докладах американских экспертов, «работающих на правительство».

Сегодня интерес Соединенных Штатов к Дальнему Востоку и России в АТР прослеживается в формате «китайского фактора». Возможности России рассматриваются в двух плоскостях:

- Россия как потенциальный союзник и партнер Америки в борьбе с общей угрозой – усилением Китая;
- Россия как угроза Соединенным Штатам вследствие укрепления российско-китайского партнерства, которое существенно усиливает Китай.

Так, в докладе, представленном правительству США в конце 2011 г. группой «10» (известных американских ученых, военных и политиков), утверждается, что Россию должно беспокоить усиление Китая. «Подъем» Китая «является главным вызовом, встающим перед Соединенными Штатами и Россией в ближайшие десятилетия». В свете общей угрозы Вашингтон должен «более тесно работать с Россией».

Особенно опасно для Америки сотрудничество России и Китая по следующим направлениям, имеющим территориальную привязку к Дальнему Востоку России:

- нацеленность экспорта российских углеводородов преимущественно на китайские рынки;
- экспорт вооружений и военных технологий из России в КНР;
- поддержка или нейтралитет России в отношении Китая в так называемых «морских спорах» с союзниками США (Японией и Республикой Корея) за морские ресурсы Восточной Азии (природные, транспортно-коммуникационные, судоходные, стратегические и т.д.).

Эксперты рекомендуют своему правительству: «Принимая крупные решения по международной политике, Соединенные Штаты должны задумываться о том, не дадут ли действия США повод для консолидации российско-китайского сотрудничества в ущерб глобальным целям Америки».

Привлечение России на сторону США в Тихоокеанском регионе логичнее всего начинать через расширение экономического сотрудничества на Дальнем Востоке, где во-первых, особенно заметно китайское влияние, а во-вторых, имеется некий задел, «плацдарм», наработанный американским бизнесом и политикой еще в 1990-е гг. Американский эксперт из Исследовательского института внешней политики (г. Филадельфия) Ренсселер В. Ли в июле 2012 г. накануне саммита АТЭС заявил, что США

и их азиатские союзники – Япония и Республика Корея «имеют очевидный интерес к развитию ДВР с целью получения доступа к природным богатствам региона и недопущения захвата Китаем первых ролей в решении вопросов политики развития региона» [4].

Эксперт уверен, что сотрудничество с США и их союзниками на Дальнем Востоке выгодно и России, так как, «сдерживая растущее влияние Китая в регионе, другие тихоокеанские государства могут даже укрепить российский суверенитет, защищая при этом свои собственные интересы в Северо-Восточной Азии».

Высказывания Хиллари Клинтон, сделанные во время саммита АТЭС-2012, равно как и два российско-американских соглашения «региональной направленности», подписанные во Владивостоке, свидетельствуют о том, что рекомендации экспертов были услышаны правительством США. Госсекретарь Клинтон дала ясно понять президенту Путину в ходе саммита АТЭС, что Америка желает «работать с Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [5]. Сама Х. Клинтон подчеркнула: «У нас нет проблем с Россией, играющей ответственную роль в Азии. На деле мы приветствуем это» [1]. Можно предположить, что значение российского Дальнего Востока на фоне усиления китайского давления на АТР будет заново переоценено американской стратегией в АТР. Поэтому нельзя исключать вероятности возрастания интереса США к Тихоокеанской России в ближайшее время. Проблема состоит в том, найдет ли американское «внимание» позитивный отклик в Москве. Учитывая стойкие антиамериканские настроения в российской элите, вероятность такого развития событий невелика.

---

1. Press Availability in Vladivostok, Russia, Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/197534.htm>.

2. The Ivory Tower Survey. How IR scholars see the world // Foreign Policy. Jan/Feb 2012. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/the_ivory_tower?page=full.

3. Итаров Е. Почему Россия гордится членством в АТЭС? / Е. Итаров // Дальневосточный капитал. – 2012. – №8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zrpress.ru/dk/2012/08/56208/>.

4. Lee Rens. The Far East between Russia, China, and America. Foreign Policy Research Institute. – July 2012. URL: <http://www.fpri.org/enotes/2012/201207.lee.fareast.html>.

5. Background Briefing on APEC Summit Meeting. Special Briefing, Senior State Department Official. Vladivostok, Russia, September 8, 2012. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197520.htm>.

УДК 327

Верещагин Сергей Григорьевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Экономическая и демографическая безопасность Дальнего Востока как важнейший фактор обеспечения внешней политики России в АТР

Проведен детальный анализ проблем, связанных с экономической и демографической безопасностью Дальнего Востока в контексте реализации концептуальных основ внешней политики России в АТР.

Ключевые слова и словосочетания: *экономическая и демографическая безопасность, демографические процессы, стабилизация процесса воспроизводства населения, депопуляция, трудоспособный возраст, занятость в экономике, экономически активное население.*

Сибирь и Дальний Восток все больше погружаются в демографическую и экономическую пропасть. Социологические опросы показывают, что более 40% жителей Сибири и Дальнего Востока хотят уехать жить в другое место. Стремительно пустеющий восток России, с таким трудом освоенный, – это проблема уже не регионального, а федерального уровня. Задача социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока и закрепления там населения – это проблема быть или не быть целостности России в условиях, когда страна не может жить без этих регионов. Важность демографических процессов стоит в одном ряду с обеспечением необходимых темпов роста экономики и на этой базе подъема жизненного уровня населения, решением вопросов, связанных с безопасностью государства.

Сегодня проблемы Сибири и Дальнего Востока, на которые приходится 60% территории страны, можно выразить одним словом – уезжают. Сейчас здесь проживает всего 25 млн человек. И хотя практически во всех регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов показатели рождаемости и смертности соответствуют общероссийским тенденциям, численность населения региона от переписи к переписи сокращается. При этом если Россия в целом с 1989-го по 2010 год потеряла 3,5% населения, то СФО – 8,6%, а ДФО и вовсе 20%. И дело не в повышенной смертности, а именно в миграции с востока в другие регионы страны.

Еще сложнее ситуация в ДФО. На начало 2011 г. на Дальнем Востоке проживало 6 млн 284 тыс. чел. (4,4% населения РФ). По рангу показателя численности и плотности (1 чел. на км²) населения ДФО находится на последнем месте среди федеральных округов России [1].

За постсоветский период (1991 – 2010 гг.; 1991 г. – год максимальной численности населения – 8 млн. 64 тыс. чел.) регион потерял 1 млн 780 тыс. чел., или 22,1% собственного населения (более, чем каждого пятого жителя!), в том числе 225,5 тыс. чел. (12,7%) составила естественная убыль и 1 млн 554,5 тыс. (87,3%) – миграционный отток [2].

Выступая перед участниками Третьего Дальневосточного международного экономического форума (30 сентября 2008 г.), хабаровский губернатор Виктор Ишаев привел данные ЮНЕСКО, согласно которым к 2025 году на Дальнем Востоке при сохранении существующих демографических тенденций из почти 7 млн останется 4,7 млн жителей. А уже к 2050 году – максимум 4 млн.

По данным Росстата, сокращение населения регионов, составляющих нынешний ДФО, в постсоветской России превысило порог невосполнимости. Так, в Чукотском АО этот показатель равен 168 уехавших на тысячу живущих, в соседней Магаданской области – 120. В результате население области сократилось более чем в два раза (с 392 до 157 тыс. человек), а Чукотки и вовсе в три с лишним раза (со 164 до 51 тыс. человек) – цифры, как модно сейчас говорить, немыслимые для мирного времени [3].

Депопуляция не могла не сказаться на экономике восточных территорий. Для экономического развития важны такие демографические показатели, как количество экономически активного населения (зависит от возраста и учитывает, какое количество людей на территории потенциально может работать) и реально занятых в экономике (тех, которые действительно работают). В результате здесь уменьшается и численность населения в трудоспособном возрасте, и количество реально занятых в экономике.

Как известно, успех модернизации экономики, российских реформ, темпы и эффективность их проведения связывают с социально-экономическим благополучием страны, стабилизацией процесса воспроизводства населения в регионах [4]. Но ситуация в последние годы не только не исправляется, но становится все хуже. Резко возросшие ожидания людей и есть главная причина протестных настроений.

Проблема в том, что экономика Сибири и Дальнего Востока исторически имеет чрезвычайно упрощенную структуру. Типичные места работы местного населения: либо заводы и карьеры, либо торговля и сектор услуг. «Крупные проекты первого передела сырья, разработанные еще во времена СССР, не конвертируются в повышение качества жизни местного населения». Современные инициативы федерального центра по улучшению качества жизни выглядят как в советские времена: сначала нужно

вовлечь в оборот новые месторождения, большей частью открытые еще в годы СССР, запустить «новую индустриализацию» восточных территорий (или местами – доиндустриализацию) и за счет «сырьевой ренты» и общего роста налоговой базы обустроить местную жизнь. Во всяком случае именно в этой привычной логике «нового колониализма» лежат все последние политические и социально-экономические решения федерального центра.

Будучи частью России, Сибирь и Дальний Восток остаются ресурсной колонией. Территория за Уралом – 71% площади страны, но живут здесь 20% россиян. Плотность населения (2,24 чел./км²) невысока, климат тяжел, расстояния огромны. Но это проблема не сибиряков, а власти.

В Канаде, где плотность населения сопоставима (3,4 чел./кв. км), плотность железнодорожной сети выше в 4, автодорожной – в 7 раз, а количество аэропортов – в 19 раз. В Австралии эти показатели превышают сибирские в 3, 10 и 14 раз соответственно. В обеих странах подушевой ВВП составляет \$40 тыс. против 241 тыс. рублей (\$8,2 тыс.) за Уралом.

И для успеха не нужна независимость от метрополии: находящаяся в составе США Аляска с плотностью населения в 0,49 чел./кв. км (!) имеет среднедушевой доход в \$64,4 тыс. – выше, чем Калифорния или Нью-Йорк. Следует «всего лишь» воспринимать такие территории как развивающиеся не для абстрактных «нужд страны»; необходимы разумная налоговая система, инфраструктурная политика и инвестиционный климат.

Ничего этого в Сибири нет. И этому не следует удивляться, ведь объемы инвестиций упали за рассматриваемый период в 2,4 раза, а масштабы жилищного строительства – почти на 45%. Деньги идут и шли в энергетику и металлургию, один-два инфраструктурных проекта и гигантскую стройку на острове Русский. При этом основные игроки – «Газпром», «Роснефть», РЖД, «Базовый элемент», «Норильский никель» и другие – платят налоги в Москве. В «большой Сибири» в качестве налогового резидента зарегистрирован один российский миллиардер – Михаил Прохоров, в Москве —75. Не стоит удивляться, что доходы бюджета Москвы в 2012 г. (11,5 млн жителей) запланированы в сумме 1,46 трлн руб., бюджета Новосибирска (1,5 млн жителей) – 31 млрд, а Омска (1,15 млн жителей) – 10,6 млрд [5].

Москва при таком планировании бюджета, как Новосибирск, имела бы в год доходную часть примерно 235 млрд руб., а не 1,46 трлн руб., как сегодня.

Говорят, что Россия должна слезть с сырьевой иглы. Но конъюнктура не оставляет надежд на резкое падение сырьевых цен, а ментальность нашей бюрократии – на отказ от взимания сырьевой ренты. Изменить Россию может только политическое пробуждение Сибири и Дальнего Востока. Им пора заявить права на богатства, которые добывают ее жители, ведь ги-

гантские прибыли федеральных компаний возникают и оседают в Москве.

Федеральные компании должны регистрироваться в регионах, где они имеют основные производящие или добывающие мощности. Только эти два нововведения увеличат объем налогов, поступающих в бюджетную систему Сибири и Дальнего Востока, более чем втрое. Центральная Россия пусть задумается о том, что она «производит» и за счет чего «цветает». Только допустив обогащение Сибири, Россия может начать нормально развиваться. Не может валовой региональный продукт Москвы и области (по данным на 2010 г.) на 8% (!) превышать ВРП всей территории к востоку от Урала!

Сибирь и Дальний Восток – исторически несчастное дитя российского государства. Долгое время сибиряки и дальневосточники ковали успехи России, пренебрегая собственными проблемами. Но в XXI веке они не могут и дальше обеспечивать успешность России, не став успешными сами.

Россия веками придерживалась в основном западного вектора своего развития, что было вполне оправдано. Однако в наши дни центр мировой экономики сместился на Восток, уже очень скоро там окажется и центр мировой политики. Сегодня России предстоит не просто удержать Дальний Восток, который имеет огромное геополитическое значение, его надо в значительной степени освоить.

Нельзя не отметить, что Москва не игнорирует существующие проблемы, а пытается их решать. Так, в 2012 году создано Министерство по развитию Дальнего Востока и создается корпорация по развитию Сибири и Дальнего Востока. Правительство показывает, что озабочено развитием территории, которой, как говорил Ломоносов, «богатство России прирастать будет».

---

1. Доклад Мотрич Е.Л. на Пятом Дальневосточном международном экономическом форуме 4–5 октября 2011 г. в г. Хабаровске [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_demogr.htm.

2. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/65oz-shisl28.htm.

3. Попов А. Мертвый восток / А. Попов, С. Чернышов // Эксперт Сибири. – 2012. – №27.

4. Акьюлов Р.И. Демографическое поведение населения как условие модернизации индустриального региона / Р.И. Акьюлов, Е.И. Акьюлова // Научный вестн. Уральского академии государственной службы. – июнь 2011 г. – Вып. №2(15).

5. Иноземцев В. Сибири нужна не госкорпорация, а деколонизация / В. Иноземцев // Московский Комсомолец. – 2 мая 2012 г. – № 25930.

УДК 327

Песцов Сергей Константинович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Тихоокеанская Россия в АТР: новые горизонты азиатско-тихоокеанской интеграции

Исследуется комплекс проблем, связанных с возможностью интеграции Тихоокеанской России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Опираясь на Концепции внешней политики РФ на 2013 год, автор подчеркивает, что азиатско-тихоокеанский внешнеполитический вектор приобретает все большую конкретность и детализацию.

Ключевые слова и словосочетания: *Концепция внешней политики России, азиатско-тихоокеанское направление, транспарентная и равноправная архитектура сотрудничества, модель «догоняющего жизненного цикла продукта», модель регионального развития, хозяйственно-экономическая кооперация.*

Все последние годы российское руководство настойчиво декларирует необходимость все более существенной переориентации внешнеполитической активности страны в пользу азиатско-тихоокеанского направления, подчеркивая важность интеграции страны в Азиатско-Тихоокеанский регион. В Концепциях внешней политики РФ 2000, 2008 и 2013 гг. азиатско-тихоокеанский внешнеполитический вектор закрепляется в ряду основных региональных приоритетов, постепенно приобретая все большую конкретность и детализацию. Последний из указанных документов, утвержденный Президентом РФ В. Путиным 12 февраля 2013 г., также подчеркивает возрастающую необходимость укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе с ориентацией на решение двух основных задач. Первая из них связана с созданием в АТР транспарентной и равноправной архитектуры сотрудничества, опирающейся на универсальные принципы равной и неделимой безопасности. Вторая нацелена на использование возможностей АТР при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока [3].

Без особых изменений оставлен Концепцией внешней политики РФ 2013 г. и внешнеполитический инструментарий, главным элементом которого выступает «сетевая дипломатия» – вхождение страны во все действующие региональные объединения и налаживание в регионе партнерской

сети многосторонних организаций. Одновременно с этим новая Концепция вносит заметные коррективы в перечень региональных институтов и отдельных стран-партнеров, активизация взаимоотношений с которыми представляет для РФ особую значимость. Место прежнего ключевого институционального партнера в АТР – АТЭС теперь занимает Восточно-азиатский саммит (ВАС), который рассматривается в качестве основной площадки для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности и сотрудничества в регионе. Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) переместилась в число «вспомогательных» структур вместе с такими региональными общеполитическими объединениями, как Диалог Россия – АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Форум «Азия – Европа» (АСЕМ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА плюс) и Форум «Диалог по сотрудничеству в Азии» (ДСА). Заметные подвижки произошли и в перечне индивидуальных стран-партнеров РФ в этом регионе. Первое место Концепция внешней политики РФ 2013 г. сохранила за Китаем и Индией, а Япония, традиционно замыкавшая тройку приоритетных стран, уступила место КНДР и Республике Корея и теперь упоминается немногим ранее Монголии. В качестве стратегического партнера в Концепции специально упомянут Вьетнам. А замыкают этот список Австралия, Новая Зеландия и, несколько неожиданно, малые островные государства южной части Тихого океана [3].

Однако, несмотря на постоянные декларации и оптимистические доклады российских дипломатов о том, что с 2011 года РФ стала членом всех действующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе интеграционных объединений и потому теперь может в каждом из них продвигать свою повестку, реальное присутствие РФ в регионе выглядит не очень радужно. Даже без учета качества участия (интенсивность и результативность взаимодействий) показатели эти по-прежнему выглядят довольно скромно. На сегодняшний день РФ в качестве полноправного члена присутствует в 8 из 40 наиболее значимых региональных объединений. Российское присутствие в институционализованных интеграционных структурах АТР, как правило, ограничивается членством в универсальных и/или функциональных организациях общерегионального, межрегионального и трансрегионального уровней (в 7 из 19), таких, как ЕврАзЭС, ШОС, АТЭС, АРФ и АСЕМ. По общему правилу чем более масштабной (по числу членов или пространственному охвату) является организация, тем более общей становится обсуждаемая в ее рамках проблематика и менее обязывающими принимаемые ею решения.

Поскольку предметом первостепенной озабоченности России в АТР выступает общая региональная архитектура, кажется вполне ло-

гичной ее предпочтительная ориентация на присоединение именно к такого рода структурам. Однако, во-первых, она слабо сопрягается с возможностями решения задачи экономического и социального развития Сибири и Дальнего Востока, которая выступает в качестве важнейшего внутреннего стимула интеграции России в АТР. Во-вторых, нельзя не видеть, что общая региональная проблематика, как правило, вырастает из конкретных потребностей интеграционного сотрудничества, а переговорный вес государств региона в широких универсальных объединениях прямо пропорционален масштабу их присутствия в региональных экономических взаимодействиях, степени вовлеченности в конкретные интеграционные проекты и локальные кооперационные схемы. Россия не участвует практически ни в одной из региональных структур субрегионального и/или трансграничного уровней за исключением формального присутствия в программе «Большой Туманган», на практике реализующейся помимо ее желания. За процессами реализации большинства других аналогичных проектов она пока что только наблюдает. Крайне незначительным, если не брать во внимание отдельные двусторонние контакты, остается присутствие России в программах трансграничной кооперации Южной и Юго-Восточной Азии. В этой связи неудивительно, что многие, казалось бы, привлекательные региональные инициативы РФ не встречают широкой поддержки и тихо угасают.

Заметный разрыв между декларациями и устремлениями РФ, с одной стороны, и ее реальными позициями в АТР с другой, обуславливается многими обстоятельствами. Наряду с тактическими недоработками, негативное воздействие, ограничивающее успехи России на поприще регионального строительства и интеграции, оказывает ряд факторов мировоззренческого характера. К их числу могут быть отнесены (а) отсутствие у РФ позитивного опыта интеграционного сотрудничества, (б) ее болезненная приверженность принципу суверенитета и (в) склонность рассматривать региональную политику в качестве инструмента глобального влияния. Наконец, что не менее важно, в целом верное представление об АТР как ускоренно развивающемся геополитическом пространстве, куда перемещается центр тяжести мировой экономики и политики, зачастую скрывает целый ряд иллюзорных представлений и заблуждений.

Так, чрезмерно оптимистичными выглядят и общераспространенные представления, и не только отечественные, о содержании, характере и перспективах интеграции в АТР в целом. В значительной степени они вытекают из традиционных объяснений, связывающих экономические успехи азиатских государств с интенсификацией «неформальной» интеграции или «де-факто» регионализма. В действительности, основу азиатского экономического чуда обеспечил не только и даже не столько фактор интеграции. Более существенную роль в создании современной «фаб-

рики Азии» сыграла так называемая схема согласованного экономического роста или модель «догоняющего жизненного цикла продукта», получившая свое теоретическое обоснование еще в конце 1960 – начале 1970-х годов. Сущность взаимодействий в рамках этой модели определяется постоянным переходом сравнительных преимуществ от более развитых к менее развитым странам, который обеспечивается эффективным разделением труда в результате высвобождения первыми ниш (отраслей, достигших стадии зрелости) для производства и экспорта менее развитым партнерам [5]. Этот своеобразный механизм роста способствовал последовательному подъему Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и ряда государств Юго-Восточной Азии. Он же привел к стремительному рывку Китая. И именно Китай сегодня превращается в главный, дезорганизирующий работу этого механизма, фактор. Одним из решающих условий успешного функционирования модели «догоняющего жизненного цикла продукта» является сохранение политической среды, способствующей индустриальному переносу, а главной опасностью – стремление национальных импортозамещающих отраслей быть «чрезмерно передовыми» [4. С. 165 – 178]. Неудивительно в этой связи, что опережающее развитие КНР с неизбежностью ведет к разрушению сложившейся в регионе схемы, и «внезапное» обострение застарелых микроконфликтов представляет собой не что иное, как поверхностное отражение нарастающих глубинных перемен.

Новая модель регионального развития, идущая на смену старой схемы, еще только формируется, возникая в виде отдельных, не всегда логически связанных друг с другом элементов. Несмотря на появление в последние годы в АТР целого ряда новых интеграционных схем и институтов и оптимистичные оценки достигнутого уровня интеграции, большая часть кооперационных взаимодействий в регионе продолжает осуществляться на двусторонней основе. Интенсификация двусторонних взаимодействий имеет свою обратную сторону, порождая феномен, получивший название «эффекта чашки лапши» [1. С. 6, 18]. Вследствие этого складывающаяся в АТР система связей остается крайне хрупкой, продуцируя к тому же появление новых очагов напряженности.

Не менее серьезной проблемой является и то, что хозяйственно-экономическая кооперация в том виде, как она до сих пор развивалась и развивается в АТР, пока что не смогла стать основой и мотором институционального строительства. Во многом именно это обусловило специфический для АТР в целом тип эволюционного развития регионализма, в рамках которого расширение экономического сотрудничества и процесс институционального строительства выступали в виде практически не связанных между собой параллельных процессов [2. С. 11]. Операционная эффективность складывающейся в АТР системы региональных институ-

тов остается серьезно ограниченной. Перекрестное членство в различных групповых структурах с неизбежностью накладывает на участников множество, хотя и не жестких юридических, но вполне действенных обязательств. И в случае противоречивых импульсов, генерируемых разными институтами, результатом становится либо бездействие, либо растянутый во времени процесс согласования компромиссной линии поведения. Нынешняя, довольно громоздкая конструкция региональных институтов в лучшем случае способна препятствовать перерастанию противоречий в открытые конфликты, удерживая их в латентном состоянии. Но ни один из этих институтов в отдельности, ни все они вместе не в силах бесконечно долго удерживать ситуацию в неизменном виде. Они не могут предотвратить перемены, вызываемые интенсивным экономическим ростом и расширением хозяйственных взаимодействий. Перемены, которым они сами призваны способствовать.

Довольно спорными выглядят и общераспространенное мнение о перспективах участия РФ в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии, и возможности решения благодаря этому задач ускоренного хозяйственно-экономического развития своих дальневосточных территорий. Одно из заблуждений, на котором оно основывается, проистекает из представлений о Северо-Восточной Азии как регионе (субрегионе), обладающем значительным интеграционным потенциалом, вследствие сосредоточения здесь наиболее мощных и динамично растущих азиатских экономик. Однако, во-первых, большинство государств США непосредственно соприкасаются здесь своими наименее развитыми и перспективными районами. И, во-вторых, их основные геополитические интересы связаны с Юго-Восточной, Южной и Центральной Азией, тогда как Северо-Восточная Азия остается зоной периферийных интересов, своего рода «задним двором». Государства США, безусловно, заинтересованы в сохранении здесь мира и стабильности, но перспективы экономического развития связываются ими с активизацией интеграционных взаимодействий с партнерами в соседних регионах. Вовсе не случайно США является чуть ли единственным регионом современного мира, где отсутствует «собственное» региональное объединение.

Во многом нуждаются в переосмыслении и предполагаемые возможности использования Россией региональной интеграции в качестве средства решения проблем национального хозяйственного развития. Как показывает практический опыт многочисленных кооперационных экспериментов в разных регионах мира, сами по себе стимулирующие экономический рост интеграционные эффекты вряд ли стоит преувеличивать. А интеграция России в систему азиатско-тихоокеанских интеграционных взаимодействий, кроме всего прочего, связана с рядом дополнительных сложностей. У нее практически отсутствуют шансы воспользоваться хо-

рошо известными экономическими эффектами интеграции конкурентных экономик («эффект масштаба», «эффект охвата», «эффект повышения конкуренции» и т.п.), поскольку у нее нет, по крайней мере на Дальнем Востоке, достаточно развитой производственной базы. Столь же проблематичной для нее является и возможность использования позитивных эффектов интеграционной модели взаимодополняющих экономик. Сегодня Россия не обладает сколько-нибудь значимыми и эксклюзивными факторами производства, которые могли бы быть внесены в региональную кооперационную копилку. Даже география, как видно из опыта, оказывается «исчерпаемым» ресурсом, теряющим свою ценность по мере реализации Китаем масштабных инфраструктурных проектов в Юго-Восточной и Центральной Азии.

Интеграция России в динамично развивающуюся в АТР систему политико-экономических взаимодействий, без сомнения, относится к числу важнейших стратегических задач. Но, как показывает тот же Саммит АТЭС, прошедший во Владивостоке в 2012 году, даже самые благоприятные возможности, к сожалению, далеко не всегда способствуют появлению нужного эффекта. Стремительно меняющаяся ситуация в этой части мира показывает, что количество таких возможностей далеко не бесконечно. И пока Россия будет продолжать убеждать себя в необходимости интеграции в АТР, в регионе может просто не остаться для нее места.

---

1. Baldwin R. E. *Managing the Noodle Bowl: The Fragility of East Asian Regionalism* / R.E. Baldwin // *ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration*. – February 2007. – No 7. – P. 6, 18.

2. Kahler M. *Regional Institutions in an Era of Globalization and Crisis: Asia in Comparative Context* / M. Kahler // Paper prepared for delivery at the 2010 Annual Meeting of the American Political Science Association, September 2 – 5, 2010. – P. 11.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

4. Lau Man Lui *Industrialization, manufacturing-up and economic development* / Man Lui Lau // *Journal of Economics and International Relations*. 1990. Vol. 3. – P. 165 – 178.

5. Yamazawa Ippei *On Pacific Economic Integration* / Ippei Yamazawa // *The Economic Journal*. – November 1992. – No 102.

УДК 735.29.(32)

Дубинкин Владимир Александрович

*Тихоокеанский государственный медицинский университет
Владивосток, Россия*

Проблемы продовольственной безопасности российского Дальнего Востока

Автор проводит анализ проблем продовольственной безопасности российского Дальнего Востока в контексте реализации основных положений доктрины продовольственной безопасности России. Представленный анализ дает возможность сделать анализ и прогноз ее реализации в Дальневосточном регионе.

Ключевые слова и словосочетания: *доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, продовольственная независимость, жизненно важные пищевые продукты, продовольственный потенциал Российского Дальнего Востока.*

Проблема продовольственной безопасности российского Дальнего Востока, по нашему мнению, сегодня является ключевой по целому ряду факторов. Но прежде необходимо коснуться некоторых аспектов доктрины продовольственной безопасности. В ней впервые в российской истории определены основные направления продовольственной политики Российской Федерации в ближайшем будущем, а также механизмы и способы по ее реализации для обеспечения продовольственной безопасности государства, обозначены риски и угрозы эффективному продовольственному обеспечению, а также пути их минимизации.

При детальном рассмотрении доктрины необходимо отметить ряд важных моментов, дающих возможность сделать анализ и прогноз ее реализации в Дальневосточном регионе.

Во-первых, в целом из текста документа следует, что «доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, основные направления государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности страны». Что касается продовольственной безопасности, то в доктрине она определяется как «состояние экономики Российской Федерации, при котором обеспечивается продовольственная независимость и гарантируется физическая и экономическая доступность для населения страны пищевых продуктов».

Доктрина предполагает устойчивое отечественное производство жизненно важных пищевых продуктов в объемах, не ниже установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов. Для оценки состояния продовольственной независимости доктрина предлагает пользоваться такими критериями, как «физическая доступность пищевых продуктов, экономическая доступность продовольствия, рациональные нормы потребления основных пищевых продуктов и удельный вес отечественного продовольствия в общем объеме внутреннего рынка». Пороговые значения для удельного веса отечественного продовольствия в общем объеме потребляемой в стране продукции определены доктриной следующим образом: 95% – для зерна, 80% – для сахара и растительного масла, 85% – для мяса и 90% – для молока. Доля отечественного производства рыбной продукции должна составить «не менее 80%, картофеля – не менее 95%, соли – не менее 85%».

Во-вторых, доктрина предписывает обеспечивать оперативное применение мер таможенно-тарифного регулирования при росте импорта и требует, чтобы формирование внешнеэкономической политики осуществлялось с учетом «критериев продовольственной безопасности», что для дальневосточных условий является немаловажным фактором сбалансированности региона.

В-третьих, доктрина отмечает, что «механизмы обеспечения продовольственной безопасности устанавливаются в соответствующих нормативно-правовых актах, определяющих условия функционирования экономики», к которым относятся законы «О продовольственной безопасности» и «Закон о торговле». В связи с этим возникает вопрос, в какой мере данные законы будут учитывать российскую региональную специфику и как соотноситься с уже принятыми некоторыми регионами законами о продовольственной безопасности.

И, наконец, в-четвертых, величина дифференциации российских регионов по различным показателям предполагает учет специфики каждого из них при осуществлении политики, связанной с продовольственным обеспечением каждого из них. Однако при детальном анализе и оценке перспектив реализации доктрины в Дальневосточном регионе, несмотря на разнообразие его природно-климатических, экономических, социальных и прочих условий, со всей ясностью проявляется общий характер формулировок, касающихся продовольственной безопасности. Отсюда следует вывод о том, что для обеспечения продовольственной безопасности Дальневосточного региона, мер, намеченных в доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, явно недостаточно. Необходимо разработка нормативных актов на уровне субъектов ДВФО, учитывающих специфические условия в целом всего округа.

Хотя надо отдать должное, что среди уже существующих документов, регулирующих процессы продовольственного обеспечения российского Дальнего Востока, следует выделить «Закон о продовольственной безопасности Приморского края». Среди институтов края, призванных обеспечивать продовольственную безопасность Приморья, обращает на себя внимание Департамент сельского хозяйства и природопользования Приморского края, комитет Законодательного Собрания Приморского края по продовольственной политике и природопользованию, в положении о котором говорится, что он принимает непосредственное участие в реализации «продовольственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности края, рационального природопользования и охраны окружающей среды, земельных отношений». Но, несмотря на это, до настоящего времени ни краевой закон, ни комитет Законодательного Собрания Приморского края не справляются, в частности, с масштабами импорта китайского продовольствия на территорию Приморского края и не могут увеличить производство сельскохозяйственной продукции внутри региона. Оставляет надежду на положительный результат «Государственная программа Приморского края развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Повышение уровня жизни сельского населения Приморского края на 2013–2017 годы и плановый период до 2020 года» [1].

Оценивая продовольственный потенциал российского Дальнего Востока, необходимо отметить, что это крупнейший административный район России. Это не только большая, но и самая отдаленная территория Российской Федерации с населением более 6,5 млн человек, с большими контрастами в географическом, социальном, экономическом отношении. Однако, несмотря на величину территории Дальневосточного региона, возможности развития его сельскохозяйственного потенциала, необходимого для обеспечения его продовольственной безопасности, крайне невелики. Кроме того, к числу существенных факторов, негативно влияющих на развитие производства продовольствия, относится дефицит рабочей силы. Из всего населения Дальнего Востока, составляющего около 6,5 млн чел. (это около 5% населения России), только 277 тыс. чел. (это около 0,3% населения Дальнего Востока) занято в сельском хозяйстве [2].

Наряду с дефицитом рабочей силы негативное влияние на обеспечение продовольственной безопасности Дальнего Востока оказывают его природно-климатические условия. Ни один из факторов, необходимых для ведения рентабельной сельскохозяйственной деятельности на территории Дальнего Востока, к которым можно отнести достаточные и плодородные земельные ресурсы, благоприятный климат, рабочую силу, не реализован в полной мере.

В регионе невелик процент территорий, на которых было бы возможно размещение сельскохозяйственного производства, а те, которые существуют, требуют вложения значительных финансовых ресурсов. Несмотря на низкую плотность, здесь на душу населения приходится только 1,32 га сельскохозяйственных угодий, количество посевных площадей практически самое маленькое в стране, причем земли эти малоплодородные, переувлажненные, неудобные, требуют огромных затрат на мелиорацию.

Сложные климатические условия не способствуют уменьшению убыточности сельскохозяйственного производства и его рациональному ведению. Для региона характерны резкие сезонные и суточные перепады температуры с весенним иссушением и летним переувлажнением земель.

Суровые климатические условия региона увеличивают затраты на ведение животноводства, связанные с необходимостью строительства помещений для скота, а также созданием больших запасов кормов. По оценкам российского исследователя В. Рау скотоводство в настоящее время является самой проблемной отраслью российского сельского хозяйства. Высока разница в рентабельности между зерновым производством, составляющая в 2012 году 27% и животноводством, где в том же году она была равна приблизительно 19%, что приводит к устойчивому сокращению поголовья крупного рогатого скота. Вместе с тем по оценкам отечественных и зарубежных экспертов уровень рентабельности сельскохозяйственного производства для его устойчивого развития должен составлять 25%. На Дальнем Востоке России эти показатели значительно ниже, чем в европейской части страны, и не только не позволяют задумываться о расширении производства продовольствия, но и создают условия для его полного разрушения в связи с большой убыточностью и неэффективностью [2].

Успешнее всего идет аграрное развитие в наиболее благоприятной южной части региона – в Хабаровском крае и Амурской области, а также в Приморье. Здесь находится 92% всех пахотных угодий и производится более 80% сельскохозяйственной продукции Дальнего Востока. Однако культивироваться здесь может довольно ограниченный набор полезных растений, таких, как соя, рис и кукуруза, причем эффективная технология их выращивания требует существенных корректировок в общепринятых схемах.

К климатическим особенностям Дальнего Востока, особенно в южной части, относится его неустойчивый муссонный характер, что также негативно влияет на сельскохозяйственное производство, вызывая периодические неурожаи. В северных районах земледелие имеет рискованный характер. Во многом по причине неустойчивых климатических условий среднегодовые колебания урожаев составляют около 60%. В структуре

посевных площадей Дальневосточного региона, кроме Амурской области, преобладают кормовые культуры, составляющие около 36%. Таким образом, естественные условия на Дальнем Востоке крайне неблагоприятны для развития аграрного сектора.

Именно естественная неспособность Дальнего Востока к сельскохозяйственному производству определила следующие черты его продовольственного развития: высокие затраты на производство сельскохозяйственной продукции; высокая зависимость от ввоза продовольствия из других регионов России (обеспеченность пищевым зерном местного производства находится на уровне 10–15%, овощами – 32%, мясом – 38%, молоком – 39%, яйцами – 65%); особая значимость расходов на улучшение естественных условий (мелиорацию, селекцию, использование высоких технологий при производстве кормов, использование более эффективной техники и т.д.) [2].

Если на рынок Центральной России продовольственный импорт поступал не без труда, испытывая более серьезную, чем в других регионах, конкуренцию со стороны местного производства, то на Дальний Восток иностранные, прежде всего китайские продовольственные товары, поступали без особых затруднений. Значительно возросшие одновременно транспортные тарифы практически отрезали традиционных российских поставщиков продовольствия от рынка Дальнего Востока, что позволило заполнить его более агрессивным импортом. В результате импортная зависимость региона по продовольствию оказалась более высокой, чем в целом для России. За 2012 г. на Дальний Восток в целом было импортировано мяса и пищевых мясных субпродуктов около 250 тыс. долл., продукции мукомольной промышленности около 1 млн. долл., рыбной продукции около 25 тыс. долл., молочных продуктов около 2,5 млн долл. [2].

Темпы роста по стоимости составили в разных категориях товаров от 50 до 200 с лишним процентов к тем же показателям за 2011 год. Китай стал основной страной контрагентом ДВФО в его внешнеэкономической деятельности за 2012 г. и поставил наибольшее количество продуктов питания на территорию региона. В целом же импорт зарубежной сельскохозяйственной продукции в 2012 г. составил около 60 % от общего объема потребления в Дальневосточном регионе. Такие высокие объемы импорта сельскохозяйственной продукции из зарубежных стран, прежде всего из Китая, позволяют сделать вывод о том, что в ближайшей перспективе без внешних поставок Дальний Восток не будет способен обеспечить свое население продовольствием, что представляет угрозу не только продовольственной, но и национальной безопасности государства, так как подобная зависимость представляет собой фактор давления на политическое руководство страны.

Однако вряд ли можно признать целесообразным полный отказ от импорта вследствие того, что производство сельскохозяйственной продукции только на территории Дальнего Востока неспособно покрыть потребности его жителей в продовольствии в силу объективных причин. Поэтому в региональном контексте доктриной продовольственной безопасности должны быть учтены возможности по снижению зависимости Дальневосточного региона от импорта продовольствия путем его постепенного замещения эффективным ввозом продовольствия из других регионов России.

Однако необходимо отметить, что увеличение внешнеторговых ограничений на импорт продовольствия в Дальневосточный регион должно происходить постепенно. Вместе с тем региональным нормативным актам по продовольственной безопасности следует уделить особое внимание специализации аграрно-промышленного комплекса Дальнего Востока, увеличить инвестиции в те отрасли, которые составляют «сравнительное преимущество» региона (рыбодобыча и особенно переработка рыбы, развитие кормового производства на основе морского биологического сырья и пр.), а также «определить источники улучшения платежного баланса региона для финансирования неизбежного ввоза продовольствия как из-за рубежа, так и из других регионов России».

Усиление продовольственного протекционизма в России в долгосрочной перспективе необходимо, что обусловлено необходимостью обеспечения жителей Дальневосточного региона продовольствием, производимым внутри страны, доля которого по некоторым оценкам должна составлять не менее 50%.

Однако следует реально оценить возможности замещения импорта продовольствия со стороны национального производства в текущий момент, поскольку проблема продовольственной безопасности также может значительно обостриться в результате непродуманных действий по ограничению импорта.

Таким образом, очевидным представляется, что расширение продовольственного рынка Дальнего Востока для российского сельскохозяйственного производителя должно происходить постепенно, по мере активизации инвестиционной деятельности в аграрных районах, совершенствования качества продукции, снижения ее себестоимости, повышения предложения аграрной продукции по сравнению со спросом в регионах, производящих сельскохозяйственную продукцию.

Кроме того, возможности для обеспечения Дальнего Востока продукцией национальных сельхозпроизводителей могут быть реализованы за счет снижения транспортных тарифов на поставку продовольствия, а также за счет других мер государственной поддержки.

Дальнему Востоку России необходимо собственное продовольственное законодательство, созданное на основе доктрины продовольственной безопасности, а также собственный вариант продовольственной политики, который бы сочетал особые направления поддержки местного производства, прежде всего за счет интенсивных методов ведения хозяйства, и неизбежный импорт продовольствия первоначально из других стран с постепенным замещением ввозом из российских регионов.

---

1. Государственная программа развития сельского хозяйства на 2013 – 2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agrodv.ru/>.

2. Россия в цифрах: краткий стат. сб., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bfgseu.ucoz.ru/load/regiony_rossii_statisticheskij_sbornik_2012g/1-1-0-9.

Тушков Александр Анатольевич

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия*

Национальные интересы России в АТР

В предлагаемой статье автор проводит анализ роли и места России в АТР через встраивание ее атрибутов в структуры региональной безопасности, экономической интеграции в регионе и обеспечение таким образом своих национальных интересов на Востоке. При этом налаживание отношений в военно-политической и военно-экономической сферах, остается для России крайне важной задачей.

Ключевые слова и словосочетания: *Азиатско-Тихоокеанский регион, военно-техническое сотрудничество, военные расходы, мировой импорт вооружений, рынок вооружений, страны «тихоокеанского кольца».*

Утрата Россией роли «военной сверхдержавы» в АТР, по крайней мере, в ближайшем будущем не может быть компенсирована возможностями подключения к экономическому взаимодействию с членами тихоокеанского сообщества. Надо признать, что в экономическую интеграцию в этом регионе Россия, будучи его составной частью, так пока и не вписалась. В этом плане налаживание отношений в военно-политической и военно-экономической сферах остается для России крайне важной задачей. Угроза выталкивания нашей страны из Европы делает проблему ее отношений со странами АТР особенно актуальной. Важно использовать все появляющиеся возможности для встраивания атрибутов России в структуры региональной безопасности, экономической интеграции в регионе и обеспечения таким образом своих национальных интересов на Востоке.

Поддерживая мнение экспертов, можно сказать, что оптимальной с точки зрения перспективы была бы схема действий, предусматривающая, с одной стороны, формирование с основными державами АТР специфических, асимметричных зон общих интересов и сотрудничества, а с другой – сосредоточение усилий на региональных узлах проблем, из которых первоочередное внимание должно быть уделено Северо-Восточной Азии (СВА). При этом устанавливались бы субрегиональные режимы стабильности, которые в идеале могли бы послужить некими основаниями в выстраивании системы коллективной безопасности в рамках всего АТР. Именно через реализацию своей роли в основном узле, сосредоточенном в СВА, а также функции гаранта других субрегиональных

систем стабильности Россия сохранит и упрочит свое положение как одной из главных держав АТР, что, в свою очередь, укрепит ее международные позиции на всем евразийском континенте и в мире в целом.

Развитие военно-стратегической ситуации в АТР по многим параметрам сильно отличается от процессов, происходящих на евроатлантическом направлении. Это связано с практическим оформлением в АТР нескольких центров силы (США – Япония, Корея; Россия – КНР и т.д.), отсутствием аналогичной европейской развитой сети переговорных механизмов, мер доверия и т.п. Более того, в политическом сознании большинства азиатских государств присутствует (и не без основания) мнение о несоответствии европейского опыта специфике и реалиям современных международных отношений в АТР. Это, в свою очередь, связано с весьма различающимися представлениями отдельных стран региона об источниках угроз национальной безопасности, наличием неразрешенных конфликтов и территориальных споров, значительной неравномерностью социально-экономического развития стран этого района мира.

Про мнению Сергея Смирнова, реальной угрозой безопасности АТР следует считать сохранение и, возможно, даже возрождение в новых историко-политических реалиях такого фактора как геополитические угрозы. Конфликт цивилизаций в АТР не просто существует: в отличие от других регионов здесь он более сложно закручен и нуждается в самом серьезном осмыслении. Ведь наряду с традиционным конфликтом «Севера» (промышленно развитые страны Европы и Северной Америки с христианской системой ценностей) и «Юга» (развивающиеся страны преимущественно мусульманского вероисповедания) в АТР сохраняется и имеющее несколько ипостасей, например, конфликты коммунистических и капиталистических идей, прагматической протестантской этики и этики традиционных обществ Востока, противостояние по линии «Восток – Запад». Свою лепту вносит и идеология китаецентризма, и противоречия «двух побережий» Тихого океана.

Не меньшее воздействие на развитие ситуации оказывают не только межконфессиональные противоречия внутри ряда стран региона, но и взаимоотношения религиозных идей и концепций на макроуровне. Ведь при всех своих принципах ненасилия и толерантности сотни миллионов буддистов не останутся в стороне, наблюдая за противостоянием христианства и ислама, которое, пусть подспудно, но существует на их земле [1].

Именно страны АТР относятся сейчас к числу государств, наиболее быстро наращивающих свои военные расходы, и выводят регион на первое место по производству и реализации оружия и средств вооружения. Это обстоятельство делает страны АТР привлекательным рынком для поставщиков оружия.

С одной стороны, АТР можно назвать мировой кузницей вооружений – здесь сконцентрировано две трети мирового производства оружия. За его пределами есть только один регион с высокоразвитой собственной военной промышленностью – Западная и Центральная Европа. С другой стороны, большая часть этого производства сосредоточена всего в трех странах – США, России и КНР, остальные государства вынуждены оружие импортировать. Поэтому регион входит в число крупнейших рынков вооружений наряду с Западной и Центральной Европой, Ближним и Средним Востоком и Южной Азией. На страны АТР приходится примерно треть мирового импорта вооружений, здесь находится половина из 10 крупнейших мировых стран-импортеров оружия. Объем поставок вооружений в регион в 2007–2012 гг. вырос по сравнению с периодом 2002–2006 гг. на 21,5% – с 62,2 до 75,6 млрд долл. в ценах 2012 г. (табл. 1).

Таблица 1

Страны АТР в мировом импорте вооружений [2]¹

Страна	Позиция по объему импорта среди стран АТР	Позиция в мире	Объем импорта вооружений в 2007 – 2012 гг. в ценах 2012 г., млн долл.	Доля в мировом импорте вооружений в 2007 – 2012 гг.
Южная Корея	1	2	12200	5,53
КНР	2	4	10879	4,93
Сингапур	3	5	8817	3,99
Австралия	4	6	8270	3,75
США	5	8	7694	3,49
Малайзия	6	13	5335	2,42
Чили	7	18	3863	1,75
Япония	8	20	3739	1,69
Индонезия	9	27	2931	1,33
Канада	10	28	2823	1,28
Вьетнам	11	30	2382	1,08
Колумбия	12	34	1746	0,79
Тайланд	13	42	858	0,39
Тайвань	14	53	686	0,31
Эквадор	15	55	609	0,27
Остальные страны АТР			2805	1,27
АТР в целом			75637	34,27

Структура поставок вооружений в страны АТР (рис. 6) в целом соответствует общемировой.

¹ Более подробно см. материалы Стокгольмского института исследований проблем мира /СИПРИ/ о торговле оружием за 2012 г. (SIPRI Arms Transfers Database).

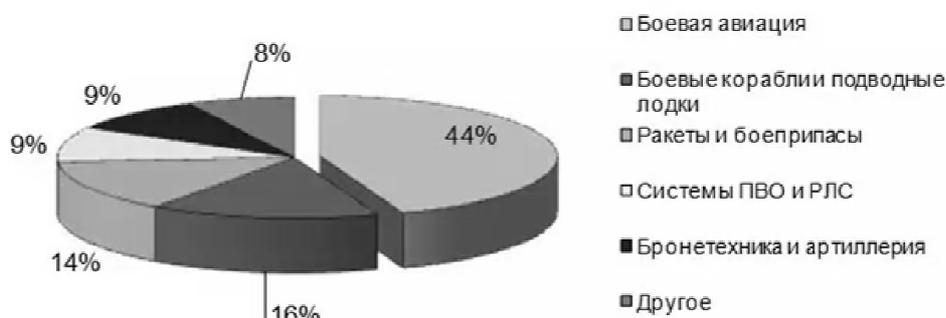

Рис. 6. Структура поставок вооружений в страны АТР по видам боевой техники [2]

По степени вовлеченности в торговлю вооружениями страны АТР (по материалам ВС и ОПК России [3]) можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это крупные промышленные державы, располагающие мощнейшими военно-промышленными комплексами, способными производить в значительных количествах практически любые виды вооружений. Это, прежде всего, Соединенные Штаты, крупнейшая военная держава мира и главный экспортер вооружений, и Россия. На эти две страны приходится 54% всего мирового экспорта оружия (табл. 2 и 3). К данной категории можно отнести также Китай. КНР все еще зависит от импорта оружия, особенно высокотехнологичных образцов, но уже обеспечивает собственные вооруженные силы большинством видов военной техники и сама выступает крупным экспортером.

Таблица 2

Страны АТР в мировом экспорте вооружений [2]

Страна	Позиция по объему экспорта среди стран АТР	Позиция в мире	Объем экспорта вооружений в 2007 – 2012 гг. в ценах 2012 г., млн долл.	Доля в мировом экспорте вооружений в 2007 – 2012 гг.
США	1	1	67309	30,49
Россия	2	2	52489	23,78
КНР	3	6	8146	3,69
Канада	4	14	2196	0,99
Южная Корея	5	15	1345	0,61
Австралия	6	22	499	0,23
Чили	7	32	172	0,08
Сингапур	8	39	108	0,05
Япония	9	45	69	0,03
Индонезия	10	55	7	0
АТР в целом			132340	59,95

Таблица 3

Основные поставщики вооружений в страны АТР в 2007–2012 гг. [2]

Экспортер	Объем экспорта вооружений в страны АТР в 2007 – 2012 г. в ценах 2012 г., млн долл.	Доля на рынке стран АТР	Основные получатели вооружений среди стран АТР
США	27443	36	Южная Корея, Австралия, Канада, Сингапур, Тайвань
Россия	14054	19	Китай, Вьетнам, Индонезия, Малайзия
Франция	8521	11	Сингапур, Китай, Австралия
Германия	6978	9	Южная Корея, Малайзия, Чили, США
Великобритания	3359	4	США
Нидерланды	2468	3	Индонезия, Чили
Швейцария	1462	2	США, Китай
Испания	1460	2	Малайзия, США
Канада	1450	2	США
Италия	1388	2	США, Чили, Малайзия
Израиль	1287	2	Сингапур, Колумбия
Другие	5767	8	
Всего	75637	100	

Вторая группа – развитые государства, располагающие современными вооруженными силами, но не обладающие военной промышленностью, способной полностью их обеспечивать. К этой категории относятся Япония, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Тайвань и Южная Корея. Импорт вооружений в эти страны подчинен логике циклического обновления парка боевой техники. Эти страны периодически размещают заказы на поставку крупных серий боевой техники.

Третья группа представлена странами, имеющими территориальные или политические претензии друг к другу. Это государства Юго-Восточной Азии, а также Перу и Эквадор. Военные закупки этих стран подчиняются логике поддержания паритета в развитии вооруженных сил со своими возможными противниками. Вьетнам, Малайзия, Индонезия и Сингапур, исторически имеющие сложные отношения, отслеживают военные закупки друг друга и развивают свои вооруженные силы в соответствии с новыми угрозами.

Четвертая группа представлена государствами, которые в силу слабого экономического развития не способны содержать современные вооруженные силы и осуществлять масштабные закупки вооружений. К ним относятся Камбоджа, Филиппины, Папуа-Новая Гвинея. Поставки оружия

в эти страны происходят от случая к случаю, в основном импортируется бывшее в употреблении и списанное вооружение.

В пятую группу входят страны, не располагающие собственными вооруженными силами или имеющие декоративные вооруженные формирования, – островные государства Океании, Коста-Рика, Панама. Военная безопасность таких государств гарантируется крупными державами, и поэтому оружие им без надобности.

Сегодня АТР для России – второй по важности рынок вооружений после Индии. В 2007–2012 гг. наша страна поставила в страны региона вооружения на 14 млрд долл., что составляет примерно треть всего российского экспорта оружия (табл. 4).

Таблица 4

Основные получатели российского вооружения среди стран АТР [2]

Получатель	Объем поставок в 2007 – 2012 гг., млн долл. в ценах 2012 г.	Доля в общем объеме российского экспорта вооружений в 2007 – 2012 гг.
Китай	8359	15,93
Вьетнам	2319	4,42
Малайзия	2255	4,3
Индонезия	774	1,47
Перу	122	0,23
Колумбия	108	0,21
Другие	117	0,22
Всего АТР	14054	26,78

С середины 1990-х годов главным партнером России в сфере военно-технического сотрудничества в регионе является Китай. Для обеих сторон это сотрудничество имело большое значение. Можно утверждать, что именно поставки вооружений в Китай позволили российскому военно-промышленному комплексу выжить и сохранить свой потенциал в 1990-х гг. В то же время поставки высокотехнологичной российской техники и освоение ее лицензионного производства в Китае позволили ему вывести свой военно-промышленный комплекс на качественно новый уровень. Последнее обстоятельство послужило причиной существенного сокращения объемов поставок в Китай российского оружия, ведь китайцы уже не нуждаются во многих видах вооружений, поскольку в состоянии производить их самостоятельно.

Вторым по важности партнером России по военно-техническому сотрудничеству среди стран АТР является Вьетнам, с которым был подписан один из самых крупных контрактов за последние годы: на поставку 6 подводных лодок проекта 636 стоимостью около 2 млрд долл.

Таким образом, 95% экспорта вооружений России в АТР приходится на четыре страны – Китай, Вьетнам, Индонезию и Малайзию. Поставки в другие страны региона носят эпизодический характер.

Основные источники напряженности в АТР известны. Эскалация любого из этих конфликтов в ближайшем будущем и соответствующий рост поставок вооружений возможны, но пока рост объема импорта вооружений странами АТР (рис. 7) происходит в целом пропорционально их экономическому развитию, увеличению расходных статей бюджета и военных расходов в том числе (рис. 8).

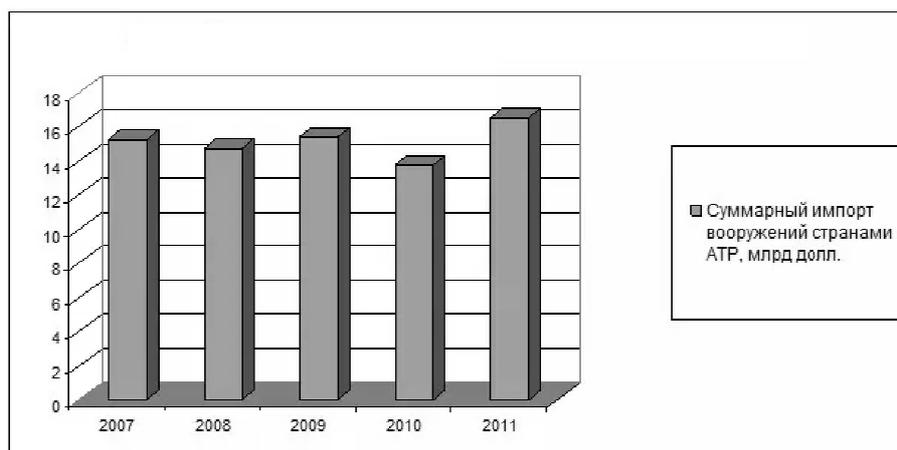

Рис. 7. Суммарный импорт вооружений странами АТР (млрд долл. в постоянных ценах 2011 г.) [2]

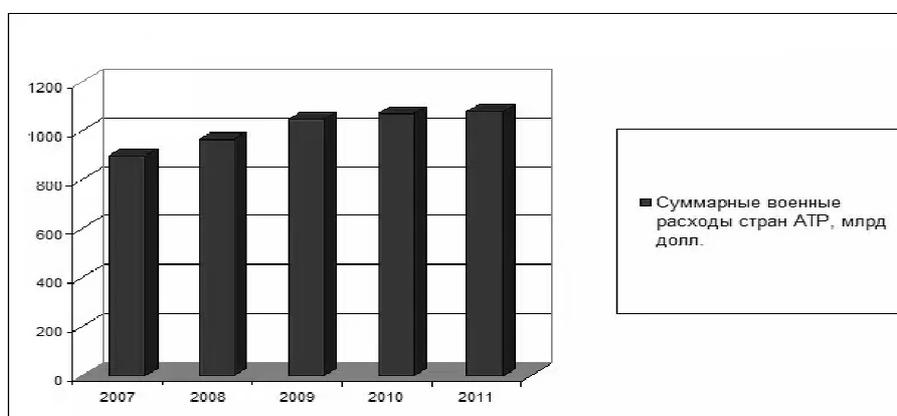

Рис. 8. Суммарные военные расходы стран АТР (млрд долл. в постоянных ценах 2010 г.) [2]

Можно надеяться, что рост объемов импорта оружия странами АТР является лишь еще одним отражением растущей роли региона в мировой политике, а не подготовкой к масштабному военному конфликту.

В настоящее время реальная опасность широкомасштабного военного конфликта в АТР практически отсутствует. Тем не менее, в регионе сохраняется целый набор весьма серьезных дестабилизирующих факторов (неконтролируемая региональная гонка вооружений, проблема Корейско-

го полуострова, опасность распространения ракетных и ядерных технологий, территориальные споры и т.д.).

В этих условиях Россия не может не принимать мер по обеспечению своей безопасности, в т. ч. путем участия в формировании структур, ставящих целью обеспечить стабильное мирное развитие. Необходимо продолжать участие в этом процессе, добиваясь придания этим формирующимся структурам комплексного характера – военного, политического, экономического.

Отдельный вопрос – целесообразность и масштабы военного присутствия России в АТР в нынешних условиях, учитывая, в частности, то обстоятельство, что экономическое партнерство стран «тихоокеанского кольца» оказывает возрастающее воздействие на формирование совместных подходов к обеспечению безопасности, в том числе военными средствами. Практическое отсутствие (на данный момент) непосредственной военной угрозы суверенитету и территориальной целостности России со стороны государств региона позволяет сократить до разумного минимума оборонный потенциал в азиатской части страны, насыщенный прежде гипертрофированный, чрезмерный характер. Кроме того, учитывая экономические возможности России, в том числе спроецированные на поддержание военного потенциала, следует, видимо, признать, что Россия вряд ли будет в состоянии в обозримой перспективе решать свои проблемы в АТР силовыми методами.

Основой для конструктивного продвижения России в азиатско-тихоокеанском направлении являются реализация возможностей для установления новых отношений с США, нормализация отношений с Японией, стабильное добрососедство с Китаем и динамичное развитие всесторонних связей с двумя Кореями, другими странами и группами государств АТР, в частности с АСЕАН. Для обеспечения интересов России в постсоветском Центрально-Азиатском регионе важную роль может играть тесное сотрудничество с Индией.

Проблема для России в плане АТР во многом состоит сейчас в том, что уменьшение ее политического веса, прежде во многом ассоциировавшегося в регионе с ее военной мощью, практически не компенсируется пока наращиванием ее экономического и иного сотрудничества со странами Азии и бассейна Тихого океана. Фактический «уход» России из АТР как военного фактора влияния неоднозначно воспринят странами региона. Образовавшийся вакуум нередко заполняется Китаем (Япония также пытается сегодня более активно участвовать в данном процессе, пусть и в связке с США), что вызывает опасения у многих государств.

В системе обеспечения военной безопасности в АТР большое значение для России имеет характер развития ситуации на Корейском полуострове. На сегодня это, по крайней мере внешне, – самая конфликтогенная

зона региона, проблемы которой в течение длительного периода так и остаются нерешенными. Так и остался, например, неясным «ядерный сюжет» в Северной Корее. Проект по сворачиванию ядерной программы Пхеньяна, предложенный Соединенными Штатами и осуществляемый совместно ими, Японией и Южной Кореей, дал очевидный сбой, что может служить поводом к предположению о вероятности продолжения «независимых» ядерных программ в Северной Корее.

Усилия многих стран АТР по быстрому наращиванию своего военного потенциала, в значительной мере могут привести к весьма негативным последствиям, если не будет соответствующего надежного механизма безопасности, снимающего излишние страхи одних и сдерживающего амбиции других.

---

1. Россия и региональная безопасность в АТР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=6519> (дата обращения 10.03.2013).

2. Стокгольмский институт исследований проблем мира /СИПРИ/ о торговле оружием за 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikarm/177121-doklad-stokgolmskogo-instituta-issledovaniy-problem-mira-sipri-o-torgovle-oruzhiem-za-2012-god.html> (дата обращения 20.03.2013).

3. Рейтинг продавцов оружия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/nvoevents/2013-03-22/2_list.html (дата обращения 22.03.2013).

Севастьянов Сергей Витальевич

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Саммит АТЭС во Владивостоке: некоторые итоги и оценки

Автор, анализируя итоги саммита АТЭС 2012 г., утверждает, что по итогам форума стало ясно: для преодоления действия негативных факторов требуется оперативная разработка и утверждение Правительством Российской Федерации целого комплекса долговременных организационных, финансовых, социальных и прочих мер, направленных на создание благоприятных условий для ведения бизнеса, инвестирования и проживания в этой части страны. Другими словами международный саммит стал катализатором для неотложного решения внутрисоссийских проблем.

Ключевые слова и словосочетания: *саммит АТЭС, создание благоприятных условий для ведения бизнеса, комплексный план развития региона, механизмы регионального сотрудничества, проекты международного сотрудничества АТР.*

В период председательства в АТЭС в 2012 г. Россия сумела, сохранив традиционную повестку дня этого Форума, основанную на либерализации торговли и инвестиций, перенести акцент на повестку экономического и технического сотрудничества, обратив особое внимание на запуск крупных инфраструктурных проектов. Такой подход согласуется с намерениями России развивать потенциал Транссибирской магистрали и Северного морского пути с ее расчетами на то, что в перспективе экспорт пространства станет не менее значимым направлением ее экономических взаимодействий со странами АТР, чем энергетическое или военнотехническое сотрудничество. С интересами и потенциальными возможностями России хорошо стыкуются и другие приоритеты саммита во Владивостоке, одобренные внешними партнерами, в частности укрепление продовольственной безопасности и интенсивное взаимодействие для обеспечения инновационного роста.

В то же время скромные (с точки зрения привлечения иностранных инвестиций) результаты саммита АТЭС во Владивостоке показали, что в нынешнем состоянии РДВ (слаборазвитая инфраструктура, незначительное население, отсутствие налоговых и других преференций и т.п.) мало интересен для инвесторов, за исключением тех, кто нацелен на вы-

воз необработанных натуральных ресурсов. Руководству страны стало очевидно, что для преодоления действия негативных факторов требуются оперативная разработка и утверждение Правительством РФ целого комплекса долговременных организационных, финансовых, социальных и прочих мер, направленных на создание благоприятных условий для ведения бизнеса, инвестирования и проживания в этой части страны. Другими словами, международный саммит стал катализатором для неотложного решения внутрироссийских проблем, чему и было посвящено заседание Президиума Госсовета 29 ноября 2012 г. Президент России В. Путин в выступлении на этом заседании признал, что «Подъём таких масштабных территорий требует долгосрочной стратегии и последовательности действий. Все эти подходы должны быть отражены в госпрограмме социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года». Он также признал созданную систему управления регионом неэффективной и предъявил серьезные претензии к работе недавно созданного Министерства по развитию Дальнего Востока. При этом он предложил вернуться к обсуждению проекта создания государственной корпорации по развитию региона, и это ключевое предложение получило поддержку участников заседания. Например, была предложена управленческая схема, при которой два института будут иметь четкую сферу ответственности: Госкорпорация – реализовывать конкретные проекты, а Министерство – осуществлять контрольные функции и разработку комплексных планов развития региона.

В долгосрочной перспективе России целесообразно развивать взаимодействие с партнерами на всех уровнях регионализма АТР. Ведущим многосторонним форматом сотрудничества для нее останется АТЭС, при этом важно продемонстрировать, что работа по четырем основным приоритетам развития, которые Россия представила на саммите АТЭС, а также в сфере энергетики, не останется декларацией о намерениях. Для чего необходимо сформировать конкретные планы действий и наращивать сотрудничество в рамках АТЭС по этим приоритетным направлениям. Важнейшее из них – расширение поставок углеводородов в страны Восточной Азии с целью укрепления энергобезопасности и обеспечения экономического роста в регионе. При этом в наиболее перспективном для РФ газовом секторе необходимо признать новые реалии (превышение предложения над спросом на рынке газа, усиление фактора конкуренции на мировом рынке, в том числе за счёт глубокой технологической революции в области сланцевого газа). В этой связи Газпрому надо оперативно заключить соглашение с японскими партнерами и начать строительство в Приморском крае завода по производству СПГ.

В условиях ухудшающейся мировой экономической конъюнктуры важнейшим направлением интеграции России в АТР становится увеличе-

ние вклада нашей страны в продовольственную безопасность региона. Правительству России необходимо сформировать концепцию создания в Сибири и на Дальнем Востоке комплексных агропромышленных зон и сделать эту информацию доступной для российских и иностранных инвесторов. Важным первым шагом должен стать запуск пилотных проектов по выращиванию пшеницы, сои и других сельскохозяйственных культур в различных субъектах Дальнего Востока и Забайкалья с участием иностранного капитала и передового производственного менеджмента.

Еще одно важное направление – подключение российских университетов к идущим в АТР процессам интеграции в науке и образовании. С формированием Дальневосточного федерального университета, где развернуто преподавание целого ряда курсов магистратуры на английском языке, появились реальные возможности для наращивания экспорта российских образовательных услуг в страны АТР. Для решения этих задач Правительство РФ выделило ДВФУ специальный фонд развития, на основе которого создана Программа развития университета, включающая целый комплекс методов повышения качества образования и научных исследований.

Возвращаясь к теме многосторонних механизмов регионального сотрудничества, следует отметить, что в свете недвусмысленно высказанных США претензий на лидерство в интеграционных процессах АТР Москве необходимо и дальше придерживаться декларированной Министром иностранных дел С. Лавровым позиции, согласно которой системообразующую роль в дискуссиях по региональной проблематике должны продолжать играть страны АСЕАН. Иначе говоря, России следует активно участвовать в таких интеграционных форумах, как АТЭС и Восточно-азиатский саммит (ВАС), где страны АСЕАН играют роль балансера.

В свете стоящей перед РФ задачи структурной перестройки экономики развитие партнерских отношений с государствами АСЕАН представляется особенно ценным, так как они рассматривают Россию в качестве партнера по реализации высокотехнологичных проектов (космос, телекоммуникации, нефтедобыча на шельфе и др.). И в этом их принципиальное отличие от ведущих стран СВА, которые воспринимают нашу страну, в первую очередь, как источник дешевых природных ресурсов.

Что касается необходимости участия России в Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП), то она пока не очевидна. Во-первых, ТТП изначально во многом рассматривалось как проект, направленный на сдерживание нашего стратегического партнера в АТР – Китая. Во-вторых, России надо сначала оценить первые последствия от вступления в ВТО и выработать меры по смягчению того или иного негативного эффекта. Только после этого можно рассматривать целесообразность вступления в ТТП, где тре-

бования к участникам с точки зрения открытости экономик выше, чем в ВТО.

В отдельную стратегическую задачу необходимо выделить формирование перспективной программы развития Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР, признанного в этом качестве нашими партнерами по региону. Подобная идея высказывалась еще в конце 80-х Президентом СССР М. Горбачевым. Решение руководства России провести саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке и выделить на его развитие значительные финансовые средства позволило городу существенно изменить свой облик. При всех задержках со сдачей ряда объектов Владивосток сегодня – это качественно другой город. В 2013 г. необходимо завершить строительство и запустить в эксплуатацию объекты, которые не были сданы до саммита АТЭС, в том числе кампус ДВФУ на острове Русский, две гостиницы, спортивно-развлекательный комплекс, оперный театр и др. Реализация указанных выше мер позволит Владивостоку достичь ряда параметров, позволяющих ему стать одним из центров международного сотрудничества в АТР.

Дальнейшее движение Владивостока к этой цели требует усилий по нескольким направлениям. Во-первых, необходима выработка перспективного плана развития города, которому необходимы новые территории, поскольку здесь почти не осталось удобных площадей для комплексной жилой и промышленной застройки. В связи с этим целесообразно присоединить к Владивостоку Артемовский городской округ и Надеждинский район. На новых территориях необходимо спроектировать комплексную малоэтажную жилую застройку, технологические и промышленные площадки для размещения предприятий и производств с учетом мирового градостроительного опыта. В непосредственной близости к потенциальным районам новой застройки находятся уже построенные государством важные объекты инфраструктуры: новый аэропорт, новые автомобильные трассы, планируется строительство скоростной железной дороги из Владивостока до Уссурийска. При этом крупный бизнес уже осуществил перевод своих мощностей в Южное Приморье, где формируется мощный кластер по глубокой переработке нефти и газа. Так, Газпром объявил о планах строительства в Хасанском районе Приморья завода по производству СПГ, а «Роснефть» приступила к строительству в районе Находки нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса.

На новых территориях целесообразно разместить логистический технопарк, производственный кластер, например специализирующиеся на переработке продукции сельского хозяйства, включая продукцию рыбной отрасли, марикультуры и др. Целесообразность создания в Приморье подобного кластера связана как с необходимостью обслуживать потребности местного производителя (например, переработки сои, мяса птицы

и др.), так и с обещаниями руководства страны увеличить российский вклад в обеспечение продовольственной безопасности АТР.

Второе направление развития города касается необходимости интернационализации Владивостока. В этом контексте полезно изучить опыт качественного прорыва в этой сфере ряда городов наших стран-соседей: японских (Саппоро, Ниигата), корейских (Пусан, Инчон), китайских (Далянь – побратим Владивостока и Тяньцзинь). Последний предлагается китайской стороной в качестве своего рода столицы СВА. Этот неофициальный статус планируется укрепить путем размещения в нем головного офиса Банка экономического развития СВА. При этом основное сравнительное преимущество (город-порт, в котором начинается трансконтинентальная железнодорожная магистраль) Тяньцзиня и Владивостока совпадает.

Инчон и Далянь недавно также «запустили» знаковые проекты международного сотрудничества. В Инчоне разместился Секретариат субрегионального офиса Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), зоной ответственности которого стали Восточная и Северо-Восточная Азия. Далянь же в 2012 г. по согласованию с авторитетной НПО в области безопасности СВА (Диалогом по сотрудничеству в СВА), которая базируется в Университете Калифорнии в Сан-Диего (США), договорился о том, что последняя передала этому городу на постоянной основе важную часть своей повестки – морскую безопасность в регионе. Начиная с 2013 г., ежегодный форум второй дорожки по данной тематике будет проходить в Даляни.

Выше приведенный опыт из жизни крупных (но не столичных) городов стран СВА свидетельствует о том, что помимо развития региональных связей в области торговли, инвестиций, образования, науки, культуры, спорта одним из важных условий для решения задачи выхода Владивостока на уровень «глобального» города являются обоснование целесообразности, условий финансирования и последующее приглашение во Владивосток на постоянной основе значимых для СВА организаций международного сотрудничества (в идеале – на государственном уровне, хотя для начала будет успехом и приглашение значимых неправительственных форумов).

В заключение следует отметить, что в актив саммита следует занести реализацию крупномасштабной программы развития инфраструктуры Владивостока, что позволит ему в перспективе стать одним из центров международного сотрудничества и «окном России» в АТР. Владивостокский саммит позволил руководству и деловой элите России обсудить взаимовыгодные направления и проекты экономического сотрудничества со странами АТР, а также привлечь внимание к этой части страны в самой России и за рубежом.

Одновременно это международное мероприятие стало катализатором для решения назревших внутрироссийских проблем. Содержание дискуссий и слабые инвестиционные результаты саммита продемонстрировали неотложность формулирования руководством страны основанной на новых организационных и экономических подходах комплексной стратегии развития Дальнего Востока и Забайкалья, чему и было посвящено заседание президиума Госсовета в ноябре 2012. В случае её успешной реализации эти российские регионы смогут существенно продвинуться в социально-экономическом развитии.

Непринятие же действенных мер в этой сфере приведёт к консервации их отставания от экономически более развитых частей центральной части России и стран-соседей по СВА, что, в свою очередь, чревато недополученной выгодой для всей российской экономики от неучастия в интеграционных проектах АТР, продолжающимся оттоком российского населения и, в конечном счете, нарастанием геополитических рисков экономического отторжения этих территорий.

SUMMARY

Kirsanova I. Lidiya, Olga A. Korotina

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok.

Discourse of fantastic in relation to itself and reality (objectivity)

In this article we investigate a discourse of fantastic. Image of the Space (The Solaris), Image of the Zone (The Stalker) were investigated on the material of Andrey Tarkovsky's filmography. The author notes that the main contradiction of existence of the person is the opposition of such regions of life as the House (the Land, Earth) and Space (Elements of water, wind, air, etc.). It is a confrontation of the world of order, the daily automatism of routine and the world of Chaos. That Chaos has never been before. Stay in the fantastic makes switching of the subject (The astronaut, the Stalker, guests of the Zone, etc.) from the plan of the private limited ordinary in the immanention plan. It enters the subject in a context of the vital world.

Keywords: imagined, a discourse of fantastic, sources and types of perceptual experience, a ban and rationality of restriction, an exit in the immanention plan.

Natalya G. Mitina

Maritime State University named after admiral G.I.Nevelskoi. Vladivostok, Russia.

Russian Utopia

In the article the main attention is paid to the identification of specific features inherent in the Russian utopia and mechanisms of regeneration of utopia in Russia. Besides the peculiarities of the Russian philosophical utopia highlighted and a number of the features that combine Western and Russian utopia. The author defines the utopia as a socio-cultural phenomenon, which includes in itself the specific features of the civilization, on the basis of which it is formed.

Keywords: Utopia; sociocultural phenomenon; a civilization; utopianism; ideal; project.

Andrey B. Volynchuk

Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia.

Sergey A. Solovchenkov

Institute for complex analysis of regional problems FEB RAS. Birobidzhan, Russia.

Social unrest and protest activity in the context of the analysis of social security

The results of the study of social unrest and protest activity of the population of the six regions of Russia. It is based on materials survey. The regularities that determine the intensity and nature of the protest.

Keywords: social security; conflict situation, protest activity, forms of protest behavior.

Olga V. Filippova

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Lingvo-pragmatic Approach to Conflict Interaction

The notion of "conflict" is surveyed in different branches of knowledge such as sociology, psychology, political science, pedagogy, linguistics, because collisions of interests occur in all spheres of life. Conflict can arise only in speech communication, where counterparts battle for their interests. The aim of this paper is to find out various verbal ways of expressing conflict interaction in dialogues that interlocutors use to achieve their goals. The typical linguistic marks that provoke the conflict interaction are considered in the article (in English fiction and its translation into Russian).

Keywords: interlocutor; speech act; conflict dialogue; speech communication; conflict of interests; break in communication; communicative failure; conflict interaction; speech behaviour.

Aleksey I. Moiseyev

Oriental Consulting,

**Japanese management evolution: mining and industrial production
from HCM point of view**

Considering the modern agile and lean technologies, with no doubt, we can say, that Japan became some kind of source for most-known methodologies and approaches, being used at industries of all types. But not very known nowadays, what especial side of Japan's nature has bring Japan to the leading role in methodologies production. Get understanding of labor and management evolution in mining and industrial production is the goal of the article.

Keywords: mining; industrial production; labor relations; Japan management; lean; agile; history of Japan.

Anna V. Mitchenko

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Changing social and economic structure of society in the Far East
in the 90-ies of XX century**

The study of this important issue due to the fact that the Far East has a favorable geopolitical, natural potential for the development of economic cooperation with the countries of the Asia-Pacific region, as the region is able to maintain and strengthen Russia's status as a world power. However, the crisis in the Russian economy in the years 1991 - 1995, had a negative effect on the social and economic structure of the Far East.

Keywords: social structure; economic structure of society; the Far East.

Svetlana V. Usova

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Advertising discourse as reflection of national mentality
(by the material of automobile advertisements in American magazines)**

The article is devoted to the linguistic problems representation of national mentality in advertising automobile discourse. In the course of the research determines the

quantitative relation of socially significant values in advertising discourse, considers print advertising of automobile as automobile is a significant component of modern society life, and shows that this analysis allows revealing the lexical stylistic means of language, which represent the national mentality of the United States.

Keywords: advertising discourse, advertising, national mentality, values of the USA, automobile.

Natalya V. Meseneva

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Practice-oriented activities of the University students
in their preparation for professional careers**

In article problems of development of professional competence of students of designers in the conditions of formation of enterprise activity of high school and competition strengthening in the market of educational services are considered. The basic directions of effective vocational training are considered on an example of the Vladivostok state university of economy and service.

Keywords: design, competency, training, project.

Alexander V. Shishko

Far-Eastern Federal University. Vladivostok, Russia.

Some problems of identifying the possible suspects, responsible for tax offences

The author analyzes some problems of identification the possible suspects, responsible for tax offences; especially the possibility of attraction of founders and informal heads of the organizations. Problems and prospects of the responsibility of the interdependent, related and affiliated persons are analyzed too.

The article contains the typical situations of leaving from responsibility for tax offences.

The author offers ways of the further development of the criminal law, based on partial loan of the institutes of the tax and corporate law, in particular the concept of «the consolidated groups».

Key words: tax offences, possible suspects, informal heads, related and affiliated persons, loan of the institutes of the tax and corporate law, consolidated groups

Kirill I. Lavrenyuk

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Efficiency analysis between local authorities with key stakeholder groups

Article focuses on the strategic analysis of the municipal education based on stakeholder theory and one of the methods for analyzing the efficiency of interaction of municipalities with its stakeholder groups. Were identified key stakeholder groups for the municipality. The article presents a method for evaluating the effectiveness of the municipality as a Stakeholder-organization and an example of its use.

Keywords: performance evaluation, the municipality, the theory of stakeholders; stakeholder-organization.

Vladimir V. Embulaev

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Olga G. Degtyareva

Komsomolsk-on-Amur State Technical University. Komsomolsk-on-Amur, Russia

System approach as method for studying of risk situations

Now in the analysis and synthesis of big systems system approach which assumes consecutive transition from the general to the particular when at the heart of consideration the purpose lies has development, and the studied object moves forward from environment. This method gives the chance to estimate and consider risk factors and uncertainty at a choice of the most optimum decisions from all possible that allows to operate risky situations.

Keywords: a large system, the method of investigation, system approach, management, uncertainty, theory of risk.

Tatyana V. Varkulevich

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

On the formation of management accounting in state university

This article focuses on the relevance of the introduction in the management of public institutions management accounting system capable of providing cost management for the provision of educational services and the efficiency of the institution as a whole.

Keywords: university, a state university, management accounting, cost, educational services, efficiency of operations, analysis.

Vladimir V. Glukhov

Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia.

Theoretical aspects of the content and essence of scientific concepts «finance business entities»

The article is devoted to adaptation finance businesses to new economic conditions, which is determined by external and internal characteristics of the environment in which they operate, correspondence theory of financial science needs of the real sector of the economy, the degree of their awareness of current scientific concepts and financial strategies, resource advantages and understanding the laws development of society.

Keywords: finance business entities, government, taxes, enterprise, organizations, population.

Yuliya A. Shevchenko

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Using the method semantic differential in the analysis of the competitiveness of the institution (for example VSUES)

Competitiveness of the university associated with the perception of the image of the organization, its integrity and semantic meaning in the minds of consumers. Clear and stable boundaries of the image of the university give large organizations a com-

petitive advantage in a competitive market. In this article, an attempt to study the perception of the image of the university by the classical semantic differential Charles Osgood.

Keywords: semantic differential, competitiveness.

Marina G. Masilova

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Influence of organizational culture on the effectiveness
of the University performance**

The article deals with the analysis of the influence of organizational culture on the University performance. The features of the organizational culture of higher educational organization in conditions of modernization of the system of professional education are considered, the importance of the formation of the entrepreneurial University culture is substantiated. It is shown that this type of culture provides the University with the competitive edge.

Keywords: organizational culture, entrepreneurial type of organizational culture, strengths and weaknesses of organizational culture, effectiveness of the University performance.

Vitaly O. Morozov

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Identifying strategic positions of Stakeholder-organization.

The article is devoted to understanding the concepts of internal and external strategic position stakeholder-organization. These concepts are offered as part of the mechanism of the development strategy stakeholder-organizations are based on studies of key competencies. The paper presents the general concepts of competence and stakeholder-organization.

Keywords: stakeholder-organization; key competence; internal and external strategic position; stakeholder theory.

Natalya P. Belozertseva, Lyubov S. Shendrik

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Development of methodology of estimation of competitiveness
of the enterprises of transport branch**

In the article the existing methods of evaluation of the activities of transport companies are reviewed and a new integrated methodology of evaluation of the competitiveness of the enterprises of transport branch based on the study of the preferences of the shippers and consignees when choosing a carrier, freight forwarder or logistics operator is proposed/

Keywords: consumer preferences, an estimation of competitiveness, freight forwarders, logistics operators, the transport industry, the quality of transport services.

Natalya P. Belozertseva, Mariya S. Yaraykina

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Tendencies of development analysis of the cargo transportation market
in the Primorsky territory**

In this article analyses the basic trends of development of the market of cargo transportation in the Primorsky territory, the results of investigation of the level of development of transport services, the main problems and tendencies of the development of transport logistics in the region.

Keywords: the market of a cargo transportation, freight forwarders, logistics operators, logistics technologies of freight transportation.

Igor S. Belokrylov, Veronika S. Prosalova

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

**Actuality of budgeting transformation to active-based budgeting
at credit organizations**

At this article shown positives and negativities of classical budgeting. Shown actuality of budgeting transformation to active-based budgeting from classical budgeting.

Keywords: budgeting; active-based budgeting; banks budgeting.

Aleksandr D. Kurguzkin

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Mortgage lending in the United States and Russia as a way to purchase housing

In this article the term "mortgage" as a way to purchase real estate. Described in detail the mechanism of mortgage lending in the United States. Compared the American and the Russian model of mortgage lending. Are the main similarities and differences between them.

Keywords: mortgage lending, real estate, mortgage, financing.

Veronika S. Prosalova, Anastasia A. Nikitina

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Banking concept of innovation and their classification

Within this article the definitions of innovations in banks are considered. The authors identified the main causes of using innovations in banks. The classification of innovation in banks and their brief description are presented too.

Keywords: innovations in banks; the classification of innovation in banks.

Larisa N. Garusova

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Russia in the Asia Pacific Region: the Interests and Policies of the U.S.

Russia's opportunities and prospects in the Asia-Pacific region in the 21st century will depend, to a great extent, on the relationships with the USA – the world and regional leader. For Russia, an overcoming of her peripheral position in the Pacific re-

gion means increased economic and political cooperation with countries in this region. Current US foreign policy is largely oriented towards the Asia-Pacific region. The aim of Washington's Pacific policy is to maintain American world dominance in light of China's growing influence. In reality, the United States often does not perceive Russia as part of the Asia-Pacific region and doesn't take Russia into consideration when elaborating its policy towards the Pacific. However, according to some American experts, the United States needs Russia's support in order to constrain China. In turn, Russia appears to be primarily aimed at cooperating with China.

Keywords: Asia-Pacific region, U.S. foreign policy, Pacific policy, Obama administration, Russian-American relations.

Sergey G. Vereschagin

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Economic and demographic safety of the Far East as the most important factor of Russian foreign policy in the Asia-Pacific Region

The author makes a detailed analysis of the problems associated with economic and population security of the far East in the context of the implementation of the conceptual framework of Russian foreign policy in the Asia-Pacific region.

Key words: economic and demographic security, demographic processes, stabilization process of reproduction, depopulation, working age, employment in the economy, the economically active population.

Sergey K. Pestsov

Far-Eastern Federal University. Vladivostok, Russia.

Pacific Russia in the Asia-Pacific: new horizons Asia-Pacific integration

The author explores the complex issues associated with the ability to integrate Russia into the Pacific, the Asia-Pacific region. Based on the concepts of foreign policy of the Russian Federation to the year 2013, the author stresses that Asia-Pacific vector foreign policy becomes more specificity and detail.

Key words: foreign policy of Russia; the Asia-Pacific area, transparent and equitable architecture for cooperation, the model "catch-up" life cycle of the product, the model of regional development, economical-economic cooperation.

Vladimir A. Dubinkin

The Pacific State Medical University. Vladivostok, Russia.

The problem of food security of the Russian Far East

The author makes an analysis of the food security problems of the Russian Far East in the context of the implementation of the key provisions of the Russian food security doctrine. The analysis gives you the ability to do analysis and forecast its sales in the far East region.

Key words: food security doctrine of the Russian Federation, food independence, vital food products, the food potential of the Russian Far East.

Aleksandr A. Tushkov

Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Russia.

Russian national interests in Asia Pacific

The author makes an analysis of the role and place of Russia in the Asia-Pacific region through embedding its attributes in the structure of regional security, economic integration in the region and thus ensuring its national interests in the East. The establishment of relations in the military-political and military-economic spheres, Russia remains an essential task.

Key words: Asia-Tihookeaskij region, military-technical cooperation, military spending, world imports of armaments, arms market, Pacific Rim countries.

Sergey V. Sevastyanov

Far-Eastern Federal University. Vladivostok, Russia.

APEC Summit in Vladivostok: some results and evaluations

In this article, the author, analyzing the results of the 2012 APEC Summit, argues that the Forum was clear: to overcome the negative factors to the rapid negotiation and adoption by the Government of the Russian Federation of the whole complex of long-term institutional, financial, social and other measures aimed at creating favourable conditions for doing business, investing and living in this part of the country. The International Summit has become a catalyst for internal Russian problem to be urgently addressed.

Key words: APEC Summit; creating an enabling business environment; a comprehensive plan for the development of the region; regional cooperation mechanisms; international cooperation projects of ATR.

ОБ АВТОРАХ

Белозерцева Наталья Петровна, канд. экон. наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: belozer18@yandex.ru; тел.: (423) 2404112.

Белокрылов Игорь Сергеевич, магистрант кафедры «Финансы и кредит» Института международной экономики и бизнеса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: bis80@mail.ru; тел.: +7 9147040559.

Варкулевич Татьяна Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Института международного бизнеса и экономики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Tatyana.Varkulevich@vvsu.ru; тел.: +7 9025057960.

Верещагин Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: vladsereg2007@mail.ru; тел.: +7 9024857588.

Волынчук Андрей Борисович, канд. геогр. наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР ШРМИ Дальневосточного федерального университета.

Ул. Уборевича, 25, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: i-abv@yandex.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Гарусова Лариса Николаевна, д-р ист. наук, профессор; кафедра мировой экономики и международных отношений Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: lgarusova@mail.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Глухов Владимир Владимирович, канд. экон. наук, доцент, директор департамента контроля за учебной работой Дальневосточного федерального университета.

Ул. Суханова, 8, Владивосток, Приморский край, Россия, 690950.

E-mail: gv61@bk.ru; тел.: +7 9025553648.

Дегтярёва Ольга Григорьевна, канд. экон. наук; доцент кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Ул. Ленина, 27, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, Россия, 681013.

E-mail: Olqad_com@mail.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Об авторах

Дубинкин Владимир Александрович, д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой мобилизационной подготовки и медицины катастроф Тихоокеанского государственного медицинского университета.

Ул. Гоголя, 41, ауд. 1649, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: arseniy.krepkiy@vvsu.ru; тел.: +7908440000609.

Ембулаев Владимир Николаевич, д-р экон. наук, профессор; кафедры «Математика и моделирование» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Vladimir.Embulaev@vvsu.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Кирсанова Лидия Игнатьевна, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: kirsanovalidiya@gambler.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Коротина Ольга Александровна, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Olga.korotina@vvsu.ru, тел.: (423) 2404361, доб.349.

Кургузкин Александр Дмитриевич, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: aleksandrurguzkin@mail.ru; тел.: +7 9242388031.

Лавренюк Кирилл Игоревич, аспирант, ассистент кафедры математики и моделирования Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Chirson@mail.ru; тел.: +7 9149655956.

Масилова Марина Григорьевна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и трудового права Института права и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: marina.masilova@vvsu.ru; тел.: (424) 2404125.

Месенева Наталья Валентиновна, доцент кафедры дизайна института сервиса, моды и дизайна Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Natalya.meseneva@vvsu.ru; тел.: +7 9502837571.

Митина Наталья Георгиевна, канд. филос. наук, доцент, зав.кафедрой документоведения и регионоведения Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского.

Ул. Верхнепортовая, д. 50а, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690059.

E-mail: Millkonf@yandex.ru; тел.: +7 914 9645089.

Митченко Анна Витальевна, аспирантка заочного отделения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: ungatte@mail.ru; тел.: +7 9502816065.

Моисеев Алексей Иванович, управляющий директор Oriental Consulting.

ул. Рылеева, дом 73/2, кв. 52., г. Тамбов, Россия, 392024.

E-mail: alexey.moiseyev@oriental-consulting.com; тел.: +7 9199960197.

Морозов Виталий Олегович, аспирант, ассистент кафедры математики и моделирования Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Vitaliy.Morozov@vvsu.ru; тел.: +7 9024890549.

Никитина Анастасия Александровна, магистрант, гр. МЭУ-12-БД Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Ладыгина 4-78, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: asya-nikitina@mail.ru; тел.: +7 9140773389.

Песцов Сергей Константинович, д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Ул. Гоголя, 41, ауд. 1649, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: skpfox@mail.ru; тел.: +7 9146774013.

Просалова Вероника Сергеевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и налоги» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: prosalova@mail.ru; тел.: + 7 9024820215.

Севастьянов Сергей Витальевич, д-р полит. наук, заведующий научной лабораторией Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета.

Ул. Гоголя, 41, ауд. 1649, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: ssevastyanov@hotmail.com; тел.: +7 9084451649.

Соловченко Сергей Александрович, канд. социол. наук, научный сотрудник лаборатории региональных социально-гуманитарных исследований ИКАРП ДВО РАН

Ул. Шолом-Алейхема, 4, г. Биробиджан, Еврейская автономная область, Россия, 679014.

E-mail: solovchenkov@yandex.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Тушков Александр Анатольевич, д-р истор. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: aa_tushkov@mail.ru; тел.: +7 9147177360.

Об авторах

Усова Светлана Викторовна, аспирантка ШРМИ ДВФУ, старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Пр. Красного Знамени, 85, к. 71, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: claire05@mail.ru; тел.: (423) 2005515.

Филиппова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: mimfil@mail.ru; тел.: +7 9147019924.

Шевченко Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры маркетинга и коммерции Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: Yuliya.Shevchenko@vvsu.ru; тел.: (423) 2404361, доб.349.

Шендрик Любовь Сергеевна, студентка группы КД-07-01 Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: 453057@gmail.com; тел.: (423) 2404112.

Шишко Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры «Финансы и кредит» Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, главный консультант департамента по жилищно-коммунальному хозяйству и топливным ресурсам Приморского края.

Ул. 1-я Морская, д. 8, кв. 53., Владивосток, Приморский край, Россия, 690090.

E-mail: shishko.alexander@gmail.com; тел.: +7 9147023489.

Ярайкина Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры маркетинга и коммерции Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

E-mail: yaraikinams@mail.ru; тел.: (423) 2404112.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

- В одном номере журнала может быть опубликовано **не более двух статей** одного автора, в т.ч. если он выступает соавтором.
- Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса».
- Публикация в научном журнале бесплатная.
- Редакция научного журнала вправе потребовать от автора предоставить рецензию на представленную рукопись.
- Рукописи и рецензии авторам не возвращаются. Рецензии, подготовленные Редакционным советом научного журнала, предоставляются авторам по запросу.
- Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты **arseniy.krepkiy@vvsu.ru**. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, ivanov.doc).
- Бумажный вариант рукописи предоставляют в редакцию научного журнала. Почтовый адрес: ул. Гоголя, 41, каб. 1649, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия.

Структура статьи

Бумажный и электронный варианты рукописи, предназначенной для публикации, должны быть идентичными и обязательно содержать следующие данные:

- тематическая рубрика статьи; например, в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, принятой ВАК¹;
- шифр УДК²;
- название статьи (на русском и английском языке);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке).

---

¹ http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/norm_doc/2010/Prilozhenie_k_prikazu_N59_ot_25.02.2009.doc.

² Универсальная десятичная классификация (УДК) – система классификации информации, широко используется во всем мире для систематизации произведений науки, литературы и искусства, периодической печати, различных видов документов и организации картотек. Пример классификатора: <http://teacode.com/online/udc/>.

Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;

- подразделение организации (по желанию);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (по желанию);
- адрес электронной почты (E-mail) для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и номер телефона для контактов с авторами статьи (можно указать один на всех);
- аннотация статьи на русском и английском языке (не более 100 слов);
- ключевые слова и словосочетания (на русском и английском языке) отделяются друг от друга запятой (не более 15-ти);
- список пристатейных источников оформляется в виде нумерованного списка в конце статьи под горизонтальной чертой. Сначала в алфавитном порядке приводятся русскоязычные источники, затем – иностранные. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в **строгом соответствии** с ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (прил. 2).

Заполнение всех перечисленных пунктов обязательно для принятия статьи к публикации в научном журнале.

Оформление текста

(Приложение 1)

– Текст статьи в размере от **10 до 20 тысяч печатных** знаков должен быть сохранен в формате DOC или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля обычные: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см, ориентация – книжная).

– Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и озаглавлены. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.

– Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы следует указать **источник данных**, приведенных в таблице.

– Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках. Допускается размещение формул в формате рисунков (JPEG).

– Страницы не должны содержать разрывов, колонтитулов и быть пронумерованы.

Рубрика: Юридические науки

УДК 340.1

**Герменевтическая проблематика юридических текстов
в учении об осуществлении права Н.А. Гредескула**
**Hermeneutic problems of legal texts in the Doctrine about law realization
of N.A. Gredeskul**

Анастасия Владимировна Васюк
канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры публичного права Ин-
ститута права и управления

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
Владивосток. Россия.

Anastasiya Vladimirovna Vasyuk
Vladivostok State University of Economics and Service. Russia. Vladivostok
E-mail: Vasyuk@po4ta.ru. Тел.: +70000000000
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

Центральным вопросом юридической герменевтики является вопрос о том, как возможно понимание человеком смыслов сущего и должного и каковы пределы интерпретационной свободы. Не признавая значимости и роли юридической герменевтики XIX века, Н.А. Гредескул в работе «Учение об осуществлении права» 1900 года высказывает ряд положений созвучных основным идеям современной юридической герменевтики. В рамках данной статьи автором рассматриваются некоторые из них.

The central question in legal hermeneutic is a which freedom is possible of the understanding the person of senses real and due. Without recognizing significance and role of legal hermeneutics XIX of century N.A. Gredeskul in the work "The doctrine about the realization of right" 1900, voices a separate of the positions of consonant to the basic ideas of modern legal hermeneutics. The within the framework this article by the author are examined some of them.

Ключевые слова и словосочетания: герменевтика, юридическая наука, правовое знание, Н.А. Гредескул.

Key words: hermeneutic; jurisprudence; legal knowledge; N.A. Gredeskul.

Текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи,
текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст.

Территория новых возможностей

Рис. 1. Название рисунка

Название таблицы

1	2	3
А	Б	В

Источник: по данным...

1. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е.В. Васьковский. – М.: АО «ЮрИнфоР», 2002. – С. 56.
2. Гадамер Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.Г. Гадамер. – М., 1988. – С. 364.
3. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права / Н.А. Гредескул. – Харьков, 1900. – С. 129.
4. Петрушев В.А. Толкование права как вид юридической деятельности / В.А. Петрушев // Академический юридический журнал. – 2000. – №1.
5. Философский энциклопедический словарь. – М., 1999. – С. 314, 353 – 354.
6. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 5 – 6.
7. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов. – СПб., 2002. – С. 116.

Приложение 2

Единый формат оформления пристатейных списков в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Полная версия доступна на сайте Библиотеки Владивостокского государственного университета экономики и сервиса¹.

Статьи из журналов и сборников

Адорно Т.В. К логике социальных наук / Т.В. Адорно // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 76 – 86.

Crawford P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett // Ref. Libr. – 1997. – Vol. 3. – № 58. – P. 75 – 85.

Crawford P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J.Crawford, T.P.Barrett // Ref. Libr. – 1997. – Vol. 3. – № 58. – P. 75 – 85.

¹ <http://lib.vvsu.ru/russian/index.asp?id=15>

Монографии

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: монография / В.И. Тарасова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305 – 412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Авторефераты

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук / В.А. Глухов. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертации

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук / В.И. Фенухин. – М., 2002. – С. 54 – 55.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патенты

Пат. № 2122745 Российская Федерация. Оптико-электронный аппарат / Д.Н. Еськов, Б.Э. Бонштедт, С.Н. Корешев, Г.И. Лебедева, А.Г. Серегин; № 2000130511/28; опубл. 04.12.2000, Бюл. № 33.

Материалы конференций

Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегион. конф. – Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д.М. Марьянских // Экология ландшафта и планирование землепользования: тез. докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11 – 12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С. 125 – 128.

Интернет-документы

Официальные периодические издания: электронный путеводитель [Электронный ресурс] / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. – 2005 – 2007. Режим доступа: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей [Электронный ресурс] / Л. Г. Логинова // Междунар. науч. пед. Интернет-журнал. Режим доступа: <http://www.oim.ru/reader.asp? nomer= 366> (дата обращения 17.04.07).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] / Е.У. Литчфорд // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака. Режим доступа: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Научное издание

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

**Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

Ответственный секретарь Арсений Крепский
Корректор Марина Шкарубо
Компьютерная верстка Дарина Замошина
Дизайн обложки Ю.А. Лакиза, Т.Ю. Малышенко

Журнал «Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций 30 октября 2008 г.

Адрес редакции:
690014, Владивосток,
ул. Гоголя, 41, каб. 1649
тел. (423) 2404361, доб. 349
E-mail: Arseniy.Krepkiy@vvsu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 3374
ISSN 2073 – 3984

Подписной индекс издания в Каталоге российской прессы «Почта России» 31574

Лицензия ВГУЭС на издательскую деятельность № 164982 от 16.04.2005 г.

Подписано в печать 15.04.2013. Формат 70 × 100/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0
Тираж 200 экз. Заказ

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС,
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Печать обложки: ООО «Новые элементы»